литература • культура • молодёжь • время/февраль 2018

ИДЕЛЬ

16+

ПРОЗА:
Гузель Яхина
Эдуард Учаров
Руслан Серазетдинов

ГЕРОЙ НОМЕРА:
Райхан Халитов

ЗАГЛЯНИ ЗА СВОЙ ГОРИЗОНТ

На солдатской Фотостуди

фото и видеосъёмка
аренда студии

https://vk.com/tel2507997
Инстаграм: fotonasoldatskoi

г. Казань, ул. Солдатская 8, оф. 202 т. 250-79-97

ИДЕЛЬ

Редсовет:
Ильдар БАЯЗИТОВ
Разиль ВАЛЕЕВ
Римзиль ВАЛЕЕВ
Ркаил ЗАЙДУЛЛА
Айгуль ГОРНЫШЕВА
Фарид МИФТАХОВ
Газинур МУРАТ
Гульчачак НАЗИПОВА
Данил САЛИХОВ
Ляйсан САФИНА
Айрат СИБАГАТУЛЛИН
Джавдат СУЛЕЙМАНОВ
Сюмбель ТАИШЕВА
Лаззат ХАЙДАРОВ
Данис ШАКИРОВ

Руководитель филиала, главный редактор (тат.)
Радик Рашидович САБИРОВ

Главный редактор (рус.)
Айсылу Айдаровна ХАФИЗОВА

Заместитель главного редактора
Диляра НИЗАМОВА (рус.)

Заместитель главного редактора
Гелюся ЗАКИРОВА (тат.)

Редактор:
Энже БАСЫРОВА

Корректор:
Галина ЗАЙНУЛЛИНА (рус.)
Ландыш ЗАГРТДИНОВА (тат.)

Макет, верстка
Равиль ШАРАФУТДИНОВ

Главный бухгалтер
Лилия БИКБАЕВА
Тел. +7(843) 222-09-84, доб. 1270

Офис-менеджер
Раиса САГАДИЕВА

Учредитель: АО «ТАТМЕДИА»
420097, Республика, Татарстан,
г. Казань, ул. Академическая, д. 2

Издатель: АО «ТАТМЕДИА»
420097, Республика, Татарстан,
г. Казань, ул. Академическая, д. 2

Создано при поддержке Республиканского Агентства по печати и массовым коммуникациям «ТАТМЕДИА»

Адрес для писем:
420066, г. Казань, а/я-52. «Идель».

Адрес редакции:
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2, 7 этаж.
e-mail: idel-kazan@mail.ru
Адрес сайта: www.idel-rus.ru
Тел +7(843) 222-05-45

Подписные индексы
На татарском языке – **П2363**
На русском языке – **П2361**
Свободная цена

тм татмедиа

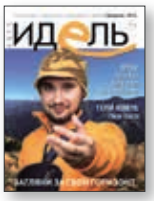
За достоверность рекламных объявлений ответственность несет рекламодатель

При перепечатке ссылка на «Идель» обязательна. Рукописи не возвращаются и не рецензируются. Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов. Редакция не располагает возможностью выступать ходатаем в официальных организациях.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) под номером
ПИ №ФС 77-54276 от 24 мая 2013 г.

Общий тираж – 2982 экз.,
из них на тат. яз. – 2034,
на рус. яз. – 948
Тираж сертифицирован

Отпечатано в типографии
АО «Татмедиа» «ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2
Подписано в печать 05.02.2018
Заказ Е-239
Формат 84х108, 1/16. Усл.-печ. л. 6,72
Уч.-изд.л. 8,5



16+

Фото 1 обложки – Рамис Назмиев

литература • культура • молодёжь • время

ИДЕЛЬ

2018, №02 (341)

Журнал выходит с июля 1989 года

72

СОДЕРЖАНИЕ

3 МНЕНИЕ ЭКСПЕРТА
Фарид АСАДУЛЛИН
Современный татарин – это человек сложной идентичности

7 АВТОБИОГРАФИЯ
Иоанна БОХЕНЬСКА
Я считаю себя частью татарского мира и надеюсь, что он от меня не откажется

10 ГЕРОЙ НОМЕРА
Ольга ГОЛЫЖБИНА
Райхан Халитов: «На память из Индии я привез шрамы»

15 КАДРОВЫЙ РЕЗЕРВ
Евростандарт. Нурлатский аграрный техникум

16 ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ
Зульфия АСАДУЛЛИНА
Hola, Cuba!

20 СЛОВОМЕШАЛКА
Галина ЗАЙНУЛЛИНА
«Американиш» бы выучил только за то...

24 ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ
Анвар МАЛИКОВ
Учите язык – и двери откроются!

25 ТОЧКИ РОСТА
Марина УСОЛЬЦЕВА
Шесть историй-лайфхаков от travel-учителя

28 ПОЭЗИЯ
Авиль ГОРДОВСКИ
«Новелла из жизни без сюжета»

29 РЕЛЬЕФ МЕСТНОСТИ
Венера ШАКИРОВА
Белая Русь

32 ПРОЗА
Гузель ЯХИНА
Мотылек

46 ПРОЗА
Эдуард УЧАРОВ
Из цикла «Дорожные хроники»

58 ПРОЗА
Ляйсан НИГМАТУЛЛИНА
Мираж

62 ПРОЗА
Руслан СЕРАЗЕТДИНОВ
Страна ста озер

65 ЛИТПРОЦЕСС
Елена ШТАНЬКО
Мистика на марше: отзыв на сайт Альбины Нури

66 МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКАТУЛКА
Александра НАГОРНОВА
Ринат Бекташев: Любой успех в жизни связан с трудом

69 МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКАТУЛКА
Дария ШАРАФУТДИНОВА
Рузиль Гатин: Живу в Казани, работаю в Италии, а Россия – мой дом

72 УЛОГОСФЕРА
«Каин XVIII» – консервы времени

75 DIXI
Галина БУЛАТОВА
«Каин XVIII» вчера и сегодня

79 КООПЕРАЦИЯ ТАЛАНТОВ
Лейсан ФАЙЗУЛЛИНА
Будущее Татарстана удивляет уже сегодня

10

46

58

16

«Если вы можете наугад в полной темноте пробраться к собственной кровати, ни разу не ушибившись, значит, пора путешествовать», – заметил Борис Кригер, русскоязычный писатель, ныне живущий в Канаде. Чтобы заново включились все органы чувств, просто необходимо сниматься с насиженного места и обновлять наработанные алгоритмы.

Путешествие меняет ракурс – плоское вдруг обретает объем, непреодолимое становится ничтожным, мелкое наполняется сакральным смыслом. А еще опытный турист хорошо знает – местность раскрывается не через замусоленные достопримечательности, а через местных жителей. Общаясь с ними, отражаясь в зеркалах их восприятия, можно увидеть новые грани самого себя. Учите песни, присоединяйтесь к танцующим, пробуйте еду, все это – способ стать ближе, избежать уныния и отложить старость на потом.

В этом номере, дорогой читатель, мы попытались открыть для тебя новые грани мира, подарить эмоции, пережитые нашими уникальными авторами, поделиться опытом, обретенным нашими героями в разных точках планеты. Пани Иоанна Бохеньска специально для читателей журнала рассказала о статусе татар в Польше, а тревел-блогер Райхан Халитов поделился поучительной историей из своей практики путешествий.

Белоруссия откроется через путевые заметки нашего постоянного читателя Венеры Шакировой, по Кубе мы пройдемся вместе с главным редактором музыкальных и литературных программ телевидения Зульфией Асадуллиной, по городам России прогуляемся в компании поэта Эдуарда Учарова, а зловещие тайны острова Свияжск откроются через дебютный рассказ Гузель Яхиной.

Еще один способ путешествовать и получать знания о странах – изучать язык. В нем закодировано все самое ценное и интересное, весь опыт и вся история народа. Нужно только хорошенько присмотреться и прислушаться. Кроме того, знание языка – ключ от всех дверей в любой стране. Искусствовед Галина Зайнуллина и первый пресс-секретарь Верховного совета ТАССР Анвар Маликов хорошо знают об этом и делятся с нами своими ноу-хау.

Чаще бывайте в новых местах, присылайте нам свои впечатления, на сайте idel-rus.ru для них всегда найдется место.

В добрый путь!

Айсылу Хафизова

Фото Рамиса Назмиева

Фарид Асадуллин

СОВРЕМЕННЫЙ ТАТАРИН – ЭТО ЧЕЛОВЕК СЛОЖНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Фарид Абдулович Асадуллин, заместитель Председателя Духовного управления мусульман Европейской части России (Московского муфтията), советник Председателя Совета муфтиев России, член Общественной Палаты РФ третьего созыва (2010 – 2011), директор Российского научно-просветительского центра «Аль-Васатыйя» (2009–2011), ведущий научный сотрудник Института Востоковедения Российской академии наук. Лауреат конкурса научных проектов «Российские общественные науки: новая перспектива» в области политологии (1994). Действительный член Международной академии духовного единства народов мира, заслуженный деятель культуры Республики Татарстан (2005), лауреат премии имени С. Ольденбурга РАН в области востоковедения (2009) за монографию «Москва мусульманская».

СОВРЕМЕННЫЙ ТАТАРСКИЙ ЭТНОС – ЧТО ЭТО?

В условиях все возрастающего значения фактора глобализации в мире любой этнос (и татары не исключение) неизбежно испытывает влияние других культур и религиозных традиций. С одной стороны, наблюдается стремление сохранить свое культурное своеобразие и духовную, основанную на исламе, гомогенность, с другой, – современное поколение татар вовлекается в новые социальные связи с миром, вбирая все, что полезно для саморазвития и чем «богато» общество потребления. Татарский этнос – это многосоставный, внутренне сложный историко-культурный феномен. Познакомившись с «Историей татар», фундаментальной работой ученых Института истории РТ им Ш. Марджани, понимаешь, в каких условиях шло формирование природы национального духа и культуры. В этой истории имели место и навязанная извне религиозная унификация, и разные формы ассимиляции и дискриминации, включая подавление традиционного образа жизни. Но именно в силу этих обстоятельств (благодаря им или вопреки?) татарский этнос сегодня сложился не в формате монокультуры, а в формате современной, европейской по типу общности людей, где Восток и Запад, ислам и христианство в разной пропорции уживаются или сосуществуют. Современный татарин – это человек двойной или более сложной идентичности. Татарин из села Кугушево или Шали, где сегодня находится его родной очаг и веками жили его предки – это одно, татарин, выросший в русско-татарской Казани – это уже другой ментальный тип. Живущий в многонациональном московском или санкт-петербургском мегаполисе – третий, я уже не говорю о тех татарах из Западной Европы и США, кто испытал влияние и сформировался в совершенно новой для них культурно-языковой среде. Поэтому о «монолитности» этноса, 75 процентов которого проживает сегодня вне юрисдикции Республики Татарстан, можно говорить только условно.

Кстати, а был ли он «монолитным и единым» когда-нибудь? Во времена первых казанских ханов? Колонизации Иваном Грозным Поволжья и захвата Казани? Деятельности джадидов и кадимистов в XIX веке? Разные группы татар, даже оставаясь в рамках патриотической парадигмы, по-разному понимали свое предназначение и свою роль в сохранении языка и культуры. Ситуация вокруг преподавания татарского языка, возникшая в конце прошлого года, еще один наглядный пример в пользу такого подхода. Это повод, с одной стороны, задуматься о миссии и месте народных избранников в политической жизни Татарстана, с другой – о конкурентоспособности национального языка в системе общего и высшего образования, а также выработке заинтересованными и компетентными лицами новых, современных методик его преподавания. Национальная гордость и чувство ответственности за свой народ формируются элитой нации или пассионариями из народной среды, каким, например, был поэт-самородок Габдулла Тукай. Думаю, факт его ранней смерти и затем в XX веке всенародное признание его поэзии и творчества в целом вписали его имя в пантеон национальной славы. В этом смысле Тукай – это «наше все», пример служения своему народу, его языку и культуре. Почему его «Туган тел», написанное 100 лет назад, трогает за живое и поднимает татар, независимо от места рождения и проживания, в едином порыве петь стихотворение в качестве национального гимна во время больших национальных сходок и праздников? В мелодии и словах этой песни выражен дух народа, память о далеких предках.

ТАТАРЫ В РОССИИ

История России в ее традиционном понимании включает два смысловых блока: первое – это история взаимоотношений Орды и чингизидов с Москвой и второе – послепетровский период тотальной европеизации России. Лев Николаевич Гумилев, который себя называл «русским с татарскими корнями» так охарактеризовал значение «татарского фактора»: «Татары – народ не рядом с нами, они внутри нас…». Известный исторический материал дает возможность объективно взглянуть на роль тюрко-татар, которые на этапе становления Руси являлись духовно ведущими народами российского государства. Более того, есть все основания утверждать, что в этот исторический период мусульманский цивилизационный очаг развивался более динамично и тюрко-мусульманская культура была донорской по отношению к русско-православной. В упоминавшейся «Истории татар», написанной коллективом известных российских ученых-историков, эти сюжеты прописаны достаточно подробно. Реалии сегодняшнего дня с учетом нового исторического материала подтверждают вывод о синкретическом характере российского государства и государственности, в формировании которой татарский – и шире – исламский компонент играл и будет играть важную для многонационального государства роль. В ставших известными словах о том, что многонациональный ислам – это «яркий элемент культурного кода России» – отражение непреходящего значения мусульманского фактора в жизни российского государства.

ТАТАРСКАЯ ИСТОРИЯ МОСКВЫ

После Казани Москва для татар – второй по историческому значению город. Наряду с князем Юрием Долгоруким одним из основателей Москвы является обрусевший выходец из Волжской Булгарии боярин Степан Кучка. В средневековой «Повести о начале Москвы» (XVI–XVII вв.) история непростых взаимоотношений Степана Кучки с Юрием Долгоруким и их детей Андрея Боголюбского и Улиты развивается как детективное приключение главных героев, где кипят человеческие страсти и одна смерть следует за другой. В сухом остатке любой историк

делает вывод, насколько тесными и даже близкородственными были в то время отношения и связи между Волжской Булгарией и Москвой. В свое время мне удалось написать книгу «Москва мусульманская», где этому сюжету уделено большое внимание. Исторический центр Москвы хранит немало других мемориальных знаков татарского присутствия. Памятник Минину и Пожарскому, который иногда называют памятником русско-татарской дружбе (Минин – из нижегородских татар). Храм Василия Блаженного, возведенный в честь завоевания Казани, в его архитектурном облике историки находят черты мечети Кул Шариф. В Замоскворечье в средние века возникла и долгое время существовала Татарская слобода, о которой напоминают Татарские улицы – Большая и Малая, а также Ордынка и Балчуг (от татарского «балчык» – «почва», «земля»). Здесь же находится каменная Историческая мечеть, на месте которой или рядом находились разрушенные от времени деревянные. Одна из кремлевских башен, смотрящая на Москворецкий мост, называется Беклемишевская – от легендарного татарского сановника Беклемиша, который стал Беклемишевым. Официальный историограф Александра I Н.М. Карамзин (кстати, из татарского рода «черных мурз»), анализируя события средневековой столицы и тесные политические контакты Орды с московскими князьями, пришел к выводу: «Москва обязана своим величием ханам». Об «азиатской душе Москвы» очень красочно из эмиграции писал известный русский мыслитель Георгий Федотов, «конечным пунктом восточной цивилизации» называл столицу академик М.Н. Тихомиров. Сегодня центром татарской культурной жизни является Дом Асадуллаева, построенный в 1913 году на его деньги. Имя этого известного бакинского нефтепромышленника чтут все московские мусульмане.

ТАТАРЫ ЗА РУБЕЖОМ

Современное поколение татар, проявляя лучшие национальные черты своего народа – предприимчивость и смекалку, осваивает новые страны и континенты. Более ста лет назад выходцы из нижегородских деревень основали в Финляндии первую татарскую общину и создали свое религиозное общество. В 2000 году мне с делегацией российских мусульман удалось посетить «Американскую ассоциацию татар» в районе Квинс города Нью-Йорка. Собравшиеся там пожилые татары рассказывали о том, каким долгим и сложным был их путь, что они в итоге приобрели и чего лишились. Многие из них были unplaced persons – «перемещенными лицами», кто в 40–50-х годах из коммунистического Китая перебрался сначала в Австралию, а затем в Америку. Среди молодых американских татар немало вполне успешных людей: практикующих юристов, врачей, художников. Например, один из них – Рустем Нур – прославился своими зарисовками Бродвея и, по-моему, в коммерческом плане преуспел.

Креативных татар можно найти повсюду. Для этого не обязательно уезжать очень далеко. Современные социальные коммуникации сокращают расстояния и позволяют оперативно находить нужные решения, не выходя из-за стола. Талантливую татарскую молодежь можно встретить в Москве и Санкт-Петербурге. Спорт, искусство, бизнес, наука, религиозное служение – везде можно найти наших соотечественников. В политике на федеральном уровне пропорция этнических татар также очень заметна. Конечно, большое значение для роста татарского самосознания и самоуважения имело празднование 1000-летия Казани. Событие, равного которому, по-моему, в многовековой истории татар не было… Разве что приезд в X веке багдадских послов халифа Муктадира в Волжскую Булгарию и принятие ислама предками нынешних татар может конкурировать с этим.

Большую работу в плане консолидации татар проводит Всемирный конгресс татар, в Москве – Полпредство РТ в РФ, которое особенно в последние годы стало инициатором очень многих полезных инициатив: от обсуждения новых книг до встреч с действующими политиками и общественными деятелями.

Современным татарам, чтобы не отстать от «каравана истории», нужна ясная и прагматичная идеология. Татарская идея может себя реализовать либо в рамках формирующейся «общероссийской национальной идентичности» (содержание которой в конечной редакции пока отсутствует), либо развивая уже

сложившиеся за века тюрко-татарские исторические связи с родственными по языку и культуре народами (страны Центральной Азии и Турция), либо выходить на совершенно новые трансграничные международные (цивилизационные) проекты. Понятно, решение вопроса находится в Москве, но Казань должна предлагать свои рецепты и помнить об интересах миллионов своих соотечественников.

КОНЦЕПЦИЯ ЕВРОИСЛАМА

Татарскую нацию в ее современном виде сформировали две вещи – ислам и образование на татарском языке. Исламский фактор в самых разных его проявлениях веками определял и, безусловно, будет определять стержень национальной жизни татар. Недавно прочитал книгу татарского историка Лилии Габдрафиковой «Татарское буржуазное общество». Очень интересное исследование о трансформации национального характера татар от патриархальности к умеренной (а порой неумеренной) европеизации. Татарское общество на рубеже XIX–XX веков эволюционировало от состояния консервативной закрытости и неукоснительного следования исламским канонам к широкому приобщению, часто эпигонскому, к ценностям русской культуры и русского мира в целом. Этот процесс в сознании многих татар (и верующих, и светских) продолжается: что взять, от чего отказаться? Что полезно, что не нужно? Аналогичными вопросами задаются сегодня в отношении европейских мусульман и мусульманской уммы в целом такие интеллектуалы, как Тарик Рамадан. Концепция евроислама Рамадана во многом интуитивно повторяет опыт российских мусульман (прежде всего татар), практически первыми испытавшими влияние джадидизма – реформаторского движения в исламе. К сожалению, европейская исламоведческая мысль (за редким исключением) пока имеет очень скудное либо поверхностное представление о таких гигантах татарской богословской мысли, как Риза Фахретдин или Муса Биги (Бигеев).

Говоря о современном исламе, важно подчеркнуть особую социально ориентированную роль, которую сегодня выполняют мечети. Сегодня мечеть стала не только местом культового отправления предписанных Кораном и Сунной молитвенных обращений к Аллаху, но также общественной площадкой, где имамы объясняют молодым прихожанам и трудовым мигрантам кодекс поведения мусульманина в многонациональном социуме, какими сегодня являются практически все большие города и мегаполисы. Опыт работы Московской соборной мечети является тому лучшей иллюстрацией. Эта работа очень сложная и трудоемкая, но без нее гармонизировать интересы православных и мусульман, верующих и секулярных горожан, «старых» и «новых» мусульманских этносов не удастся.

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ

В заключение повторим еще раз, насколько «монолитным и единым» является татарский этнос. Нация живет, если есть преемственность поколений и существует память о тех, кто навсегда ушел, но оставил плоды своего многолетнего труда во благо национальной науки, культуры и образования. Таких людей в новейшей истории татарского народа немало. Они – участники и прямые свидетели ушедшего столетия, по крайней мере, значительной его части. На их век хватило многих невзгод и испытаний, которые в избытке были в довоенные и послевоенные годы, в годы оттепелей и новых заморозок, реформ и контрреформ, гласностей и перестроек и еще много чего. Было по-человечески очень приятно, когда коллеги и ученики моего покойного отца Абдуллы Шагеевича Асадуллина (1926-2004), известного в Татарстане ученого-педагога, заслуженного деятеля науки РТ, профессора, доктора педагогических наук в ноябре 2016 года провели его чествование в Институте истории им. Ш. Марджани, где отец проработал вплоть до своей смерти. Конференция, приуроченная к его юбилею, прошла очень тепло и по-родственному. Собрались те, кто знал отца лично и с ним каждый день общался и дружил. С одной стороны, можно было бы не акцентировать на этом, казалось бы, частно-семейном случае, с другой, это – подведение итога монолога о моем народе и его будущем, которое сегодня зависит от нас.

Иоанна Бохеньска,
польский востоковед

Я считаю себя частью татарского мира и надеюсь, что он от меня не откажется

ДЕТСТВО В СОКУЛКЕ

Моя мама – татарка, а отец – поляк. Фамилия, которую подарил мне отец, абсолютно польская и никакого отношения к татарской деревне Бохоники, что на северо-востоке Польши, не имеет. Это случайное созвучие.

Мама родилась в семье татарского шорника в поселке Дуниловичи (ныне Поставский район Витебской области Белоруссии). После второй мировой войны дедушка решил, что в Польше жить предпочтительнее, чем в Советском Союзе, и вся семья переехала сначала в Оструду, город, из которого выселили немцев, а затем в Сокулку, городок на Подлясе (польском Полесье), где жили и по сей день живут польские татары.

Моя мама – младшая из всех сестер. Ее самая старшая сестра Айше вышла замуж и осталась в России, контакт с ней потерян, я знаю ее только по фотографиям. А маме, единственной из сестер, повезло получить высшее образование в Краковском университете. Она стала специалистом по русской литературе, в последние годы жизни занималась творчеством Бориса Пастернака. В Кракове она познакомилась с моим отцом, а затем в их жизни появилась я, Ася (от имени Иоанна, а не Анна или Анастасия, как у русских) – так меня назвали в честь героини тургеневского рассказа.

Мама вплоть до своей смерти в 1991 году была для меня абсолютным авторитетом в семье. Отец, преподаватель философии, жил в своем мире, и мы с ним подружились намного позже. Я была очень крепко связана с татарской семьей, проводила в Сокулке все каникулы. Дочь самой младшей сестры в семье, да еще из далекого Кракова - все меня баловали и лелеяли, и это превратило мое детство в настоящий рай. Конечно, я тогда еще плохо понимала, чем татары отличаются от других, что такое мечеть, и почему это не церковь и не костел. Но я по-детски чистосердечно любила дорогу из Сокулки в Бохоники, где находилось татарское кладбище (мизар), которое мы с мамой посещали, похожая на сказочную маленькая деревянная мечеть, построенная в 18 столетии.

Всем этим всерьез я стала интересоваться намного позже, после смерти мамы, когда вдруг что-то очень близкое и важное оказалось утерянным. Тогда, в подростковом возрасте, я решила узнать, кто такие татары и что такое ислам. Думаю, благодаря этой сильной эмоциональной связи с татарской семьей, связи намного более крепкой, чем с папиными родственниками, я всегда относила себя к маленькому татарскому миру, хотя и жила среди поляков. И тогда я начала прокладывать свой путь на восток, где культура сильно отличается от ментальности польских татар. Поэтому я не могу сказать, что я эту культуру представляю. Очень много несовпадений, но все-таки я считаю себя частью этого татарского мира и надеюсь, что он от меня не откажется.

ОТКУДА ТАТАРЫ В ПОЛЬШЕ

Польские татары ныне живут в разных городах Польши, нас не больше 4–5 тысяч. Но центром все

же+ остается Подлясье – его столица Белосток, городок Сокулка, поселки Крушиняны и Бохоники, где стоят старые деревянные мечети. Татары живут также в Варшаве, Гданьске (там тоже есть мечеть, построена в 20 веке), Вроцлаве и Кракове. После распада Советского Союза и перемен в Польше татары получили новые возможности для развития своей культуры, стали открыто о ней говорить, издавать журналы, организовывать фестивали и соревнования (например, ежегодная Академия знаний о татарах). Думается, из-за трагических событий, которые начались 11 сентября 2001 года, интерес к мусульманской культуре в мире повысился. Многие поляки, посещая Подлясье, хотят познакомиться с польскими мусульманами, и это помогает строить мосты диалога и повышает взаимное доверие. Кроме того, наличие татарской культуры стимулирует развитие туризма этого региона, что, конечно, на пользу всем.

Но есть и другая сторона медали. Может, татары и интересны туристам из разных городов Польши, но они далеко не всегда так же интересны местным жителям, которые черпают свои знания об исламе и исламской культуре из прессы и телевидения. Особенно в последнее время, учитывая влияние правонационалистических сил в Польше, качество этой информации резко упало и отрицательно сказывается на восприятии мусульман поляками. Польские татары тоже являются жертвами этой политики.

Темой происхождения польских татар я с точки зрения науки никогда не занималась, поэтому высказать компетентное мнение вряд ли сумею. Польско-татарский историк Артур Конопацкий мог бы сказать намного больше. Мне же представляется, что татары селились на землях нынешней Польши, Литвы и Белоруссии в результате нескольких разных миграционных волн. Первым, кто их сюда пригласил, был литовский великий князь Витовт в 14 веке. Татары слыли отличными военными и в обмен за свою службу получали земли, а также довольно широкую свободу вероисповедания. Другой важной личностью для татар был король Ян III Собесский, при котором татарам достались земли вокруг поселков Крушиняны и Бохоники (парадокс: покорив турецкого Кара Мустафу под Веной в 1682 году, Собесский способствовал поселению мусульман в Речи Посполитой!).

В принципе, представляется, что большинство татар прибывали в Польшу в итоге распада крымских ханств, но я бы не исключила, что могли переселяться сюда и другие, то есть поволжские татары, особенно когда эти земли стали частью российской империи в 18 веке. Связь между собой татарские переселенцы всегда поддерживали, и она существует по сей день, хотя советский период, по-моему, не очень этому способствовал из-за тщательного контроля всяких передвижений и переселений. Однажды я приехала из Москвы в Казань в 2001 году, чтобы увидеть столицу Татарстана своими глазами. Не зная там никого, я была вынуждена уехать на ночном поезде в Москву, потому что ни одна из гостиниц не хотела принять меня лишь на основании московской регистрации в польском паспорте. Но даже такая однодневная прогулка по Казани в один из ноябрьских вечеров мне хорошо запомнилась.

ПОЛЬСКИЕ ТАТАРЫ СЕГОДНЯ

В XX веке многие получили образование в польских вузах, многие из них по сей день занимаются татарской культурой, издают книги и журналы. Можно назвать хотя бы «Życie tatarskie» («Татарскую жизнь»), «Rocznik tatarski» («Татарский ежегодник»), «Przegląd tatarski» («Татарское обозрение»). Есть также поляки, защитившие диссертации по татарской тематике. Стоит упомянуть очень интересную книгу Войцеха Венланда «Myśl Historyczna Tatarów polskich w II Rzeczpospolitej» («Татарская историческая мысль во время второй Речи Посполитой»). Название книги восходит к описанию мистического мессии-освободителя Польши в третьей части поэмы Адама Мицкевича «Дзяды», этот образ в разное время вдохновлял польских татар.

К сожалению, татарские журналы и издания во многом очень традиционные и не всегда отвечают новым запросам татарской молодежи. Ответы на свои запросы она находит либо в польской, либо в арабской, либо в турецкой культурах. По-моему, это естественно. Чтобы татарская культура могла развиваться, избегая «музеефикации», она должна обогащаться новыми темами, мотивами, идеями. Грустно, что приезжие с Ближнего или Среднего Востока, которые и ищут контакты с польскими мусульманами, очень часто не желают замечать особенностей татарской культуры, считают ее просто испорченной чужим влиянием и навязывают татарам свои идеи. Многим татарам это не по душе, поэтому обмен ценностями часто не происходит, возникает неприятие.

Из-за отсутствия средств и неумения добывать их на сложных финансовых евроконкурсах наши татары часто принимают помощь турок или саудовцев, за которой, конечно, следует навязчивая реклама данной страны и ее организаций. И мне сегодня не очень радостно смотреть на нашу сказочную мечеть, обклеенную турецкими вывесками, тем более что мне хорошо известна очень мрачная сторона этого государства по отношению к собственным меньшинствам. Поэтому считаю такую помощь позорной для наших татар. Но обвинять никого не намерена, потому что хорошо понимаю их сложное положение. Поэтому и появляются молодые люди, которые бегут от своей традиционной культуры, не находя в ней место для себя и для чего-то нового. Даже среди поляков татарин ассоциируется если не со средневековым нашествием, то с какими-то странными музейными артефактами и обычаями давно минувших дней. И это все, конечно, способствует ассимиляции татар. Впечатляющим исключением и надеждой является здесь музыкальный проект Каролины Чихой и Барта Палыги, посвященный татарской музыке и предлагающий новую интерпретацию татарских народных песен, в большинстве своем привезенных с территории РФ. Существуют также татарские танцевальные группы, пользующиеся успехом и вызывающие интерес как татар, так и поляков.

Ислам здесь практикуют очень немногие, преимущественно пожилые люди. Но это не значит, что все молодые стали атеистами. Думаю, многие привержены исламу, который олицетворяет наша маленькая скромная мечеть, даже если они в ней редко появляются. Однако, есть и молодые люди, которые восхитились примером наших ближне- или средневосточных гостей и стали серьезно практикующими мусульманами. У меня есть этому уважение, но мой путь другой.

МЕЧТА – ВЫУЧИТЬ ТАТАРСКИЙ

Вместо того чтобы ждать пришельцев с востока, я стала сама туда ездить. Естественно, первой остановкой для меня была Россия. Ребенком я впитала в себя любовь моей мамы к русской литературе. В ее наполненной дымом сигарет комнате Пастернак и Ахматова соседствовали с Кораном, создавая для меня какое-то единое целое. Поэтому я стала заниматься русской культурой, но, попав в Россию, я вскоре обнаружила, что мне интересно что-то другое.

В Москве я познакомилась с турками и курдами, стала учить турецкий, а потом попала в Турцию и Курдистан, который сразу мне показался чем-то очень близким и необычно красивым. Кроме того, мне тогда показалось, что у курдов с татарами намного больше общего, чем с турками. Сегодня я укрепилась в этом мнении осознанно, ввиду того, что курдская культура создавалась в окружении и под влиянием многих других традиций. Курды-мусульмане общались с йезидами, христианскими армянами или ассирийцами, поэтому курдская культура более открыта влияниям извне. Не представляя собой могучее гордое государство, скорее – группу борцов за свои права в четырех разных странах, курды не желают никому навязывать свою истину и принципы. Поэтому Курдистан стал моей дверью в культуру и языки Ближнего Востока. В какой-то мере он меня удочерил и внушил отвагу говорить «я – полька и татарка».

Подготовил Валерий Емельянов

Ольга Голыжбина

РАЙХАН ХАЛИТОВ:

На память из Индии я привез шрамы!

«Родился 5 августа 1988 года. В Казани. Характер скверный. Не женат», – с улыбкой представляется тревел-блогер и печально известный казанский путешественник Райхан Халитов.

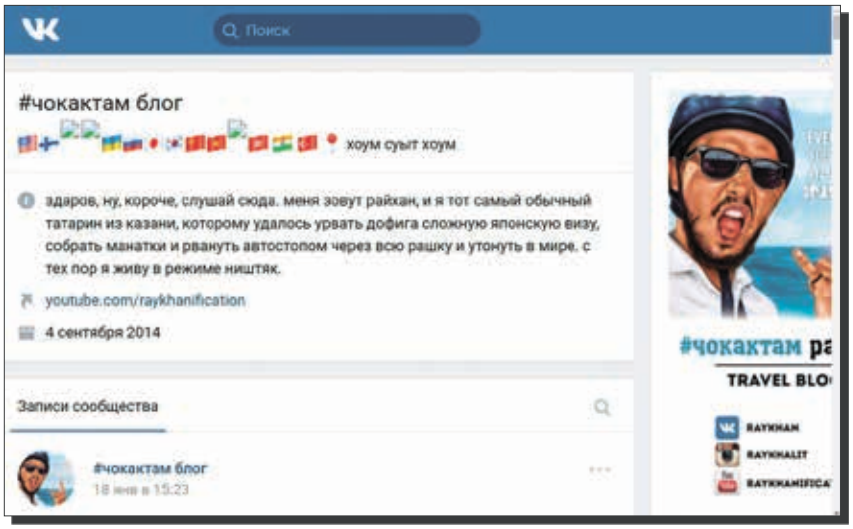
Спустя полтора года после страшного ДТП в Индии татарстанский тревел-блогер, сумевший автостопом объехать всю Азию, рассказал «Идели» о том, как делать трипы без денег, почему путешественник не имеет национальности и какие уроки для себя извлек после месяцев на больничной койке.

Сын уважаемого в республике историка архитектуры, профессора КГАСУ Нияза Халитова, занимавшегося изучением Старо-Татарской слободы, Райхан получил классическое образование: закончил сначала Татарскую гимназию им. Ш. Марджани при К(П)ФУ, затем, в 2010 году, Академию государственного и муниципального управления при Президенте Татарстана. Молодой парень подавал большие надежды, радовал семью и учителей, не бунтуя против системы, а используя ее возможности: в середине университетского курса Райхан брал годовой перерыв ради стажировки в университете Арканзаса (США) по грантовой правительственной программе для одаренных татарстанцев «Алгарыш».

«Год в Америке был сказочным. Фактически за три месяца я научился не просто хорошо говорить и понимать английский, я научился думать на нем. Я купил себе нетбук и печатал на нем конспекты. Сидел на лекциях, иногда переключаясь на Skype, где общался с семьей на татарском, на «ВКонтакте», где переписывался с друзьями уже на русском, параллельно печатал конспект на английском, – вспоминает Райхан. – Надо сказать, что знание языка значительно облегчало для меня каждое из моих будущих путешествий, открывало многие двери».

После окончания академии у будущего блогера была не вполне

Фото: Рамиса Назмиева, личного архива Райхана Халитова



удачная попытка ведения собственного бизнеса – недолго прожил маленький частный кинотеатр Райхана в торгово-офисном центре Казани. Была ни к чему не обязывающая работа графического дизайнера на фрилансе – ничего, что могло бы привязать молодого человека к Казани.

Именно тогда в моду вошли первые тревел-блоги, мысли о которых захватывали Райхана. Идея описывать свои приключения в режиме онлайн казалась необычной и свежей, а сами путешествия – очень заманчивыми. В 2014 году была совершена первая самостоятельная вылазка из Казани в компании троюродного брата. Добравшись до Санкт-Петербурга на личном авто, молодые люди пересели на общественный транспорт. За две недели они посетили Финляндию, Эстонию и Латвию. Все прошло более чем успешно, в ходе путешествия были получены и первые навыки видеомонтажа. В тот период Райхан завел свой тревел-блог под названием #чокактам в социальной сети «Вконтакте», за время его путешествий собравший в районе тысячи подписчиков. Одноименный канал автор завел на YouTube примерно с таким же успехом. После возвращения в Казань к Райхану вернулась и обычная размеренная жизнь, чего уже явно было мало.

3 апреля 2015 года, в возрасте двадцати семи лет он бросил все и отправился в большое путешествие по Азии, захватив с собой походный рюкзак, палатку и пару тысяч рублей. В планах были будни закоренелого «автостопщика» – жизнь за счет случайных заработков и добрых людей. Дома в «заначке» на «черный день» лежало около тысячи долларов, а впереди было кругосветное путешествие с первой точкой прибытия в Японии.

И Райхан действительно добрался до Японии. Поскольку у путешественника был весьма ограниченный запас финансов, прямые авиабилеты из Казани в Страну восходящего солнца были непозволительной роскошью. Зато всего за десять тысяч рублей тревеллер нашел рейс из Хабаровска до японской столицы. Дело было за малым – добраться до Хабаровска, а это ни много ни мало пять с половиной тысяч километров. Недолго думая, Райхан купил «набор походника» – горелка, спальный мешок, плащ-палатка – и решил добраться до нужной точки автостопом.

«Я взял с собой пустую банковскую карту, а деньги отдал маме, сказал, чтобы без крайней нужды мне не переводила. В таких стрессовых условиях мозг работает в усиленном режиме, начинаешь лучше соображать. До Хабаровска рассчитал и засунул в карман пятитысячную красненькую купюру, этого должно хватить. Вышел на трассу в Казани и начал ловить машины. Три недели я ехал. Прикольно, что, когда доехал до Хабаровска, выяснил, что у меня осталось еще полторы тысячи, то есть на всю дорогу я потратил всего три с половиной тысячи рублей, – рассказал тревеллер. – И я нормально питался и жил все эти три недели.

Дело в том, что когда я получил визу и начал обдумывать путешествие, я пошел к другу из Всемирного конгресса татар *(речь идет о начальнике комитета по работе с молодежью Табрисе Яруллине – прим. ред.),* который помог найти людей по всему моему маршруту, практически в любом городе есть татары. Почти во всех городах мы нашли ребят, которые меня встречали, селили, кормили и показывали город. Я посмотрел Челябинск, Омск, Новосибирск, Красноярск, Иркутск, на Байкале я в палатке жил два дня, в Улан-Удэ. До Читы и Хабаровска конгресс татар не дотянулся, но там я нашел ночлег сам с помощью каучсерфинга».

Лучшие советчики в пути – определенно дальнобойщики, утверждает Райхан. Именно с их помощью путешественнику всегда удавалось найти более дешевый общепит и безопасный ночлег. Много раз в обмен на компанию и веселые байки в дальней дороге водители угощали в кафе голодного «автостопщика». В принципе, пользоваться предложениями случайных попутчиков о еде и ночлеге ничуть не зазорно, уверен Райхан. После перелета в Японию он продолжил путешествия автостопом уже в новой стране, для остановок пользуясь все теми же каучсерфинговыми платформами. После Японии в его маршрут вошли Южная Корея, Китай, Вьетнам, Лаос.

Веселому трипу не было конца, пока в одно солнечное лаосское утро Райхан не обнаружил, что все деньги кончились. На последнюю сотню долларов он оформил трехмесячную вьетнамскую визу и заправил полный бак своего розового чоппера, купленного специально для путешествия по Азии. Добравшись до Вьетнама и остановившись у очередного каучсерфера, казанец стал давать частные уроки английского, и за месяц, себе на удивление, заработал около 50 тысяч рублей. Во второй и третий месяцы заработок вырос вдвое.

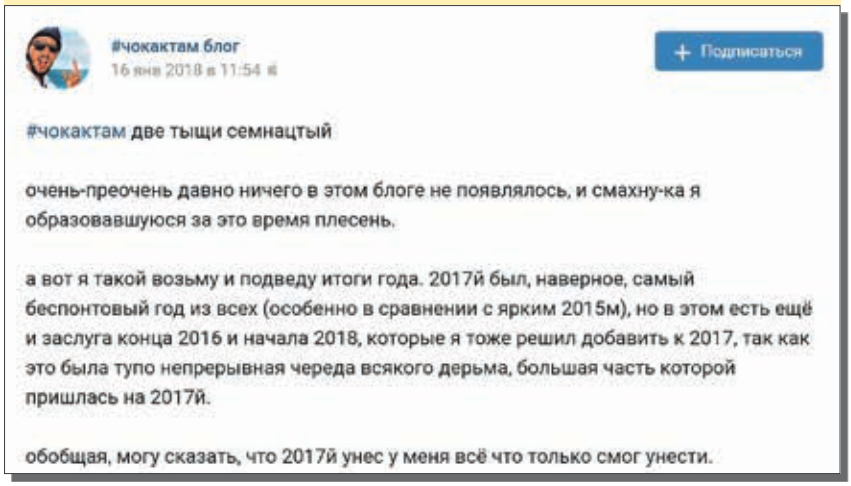
Поправив благосостояние, Райхан решил сняться с насиженного места: принял приглашение старых друзей и отправился в Индию кататься по горным дорогам на байках. Он купил специально для работы с блогом последнюю модель популярного смартфона и отправился в путь. Молодые люди условились встретиться в небольшом городке неподалеку от Дели, но Райхан так и не добрался до места встречи.

2 октября 2016 года стало известно, что в ночь на 28 сентября на подъезде к Дели казанец за рулем мотоцикла попал в серьезную аварию, на большой скорости столкнувшись с городским автобусом. В больнице индийского города Дехрадун Райхан провел около недели без сознания, подключенный к аппарату искусственного дыхания. Блогер получил серьезные повреждения позвоночника и черепно-мозговые травмы. Именно тогда Райхан Халитов стал широко известен в Татарстане – его семья собирала деньги на лечение и транспортировку, а СМИ разносили печальную историю молодого татарстанца по сети. Для того чтобы ухаживать за сыном, в Индию немедленно вылетела мать Райхана – Наиля Халитова. В то время как родственники молодого путешественника трубили во всевозможных источниках о сборе средств на его лечение, Наиля буквально выживала в чужой стране, пытаясь экономить на самом необходимом. Дело кончилось ровно через месяц: утром 2 ноября того же 2016 года по личному указанию Президента Татарстана Рустама Минниханова блогер был доставлен в Казань спецбортом МЧС России.

«Когда я сидел и размышлял обо всем этом, мне пришла в голову мысль, что я легко отделался. Сейчас я уже смотрю на все это с оптимизмом. Больно было, сейчас неудобно, но ничего. Рука уже никогда не будет двигаться как прежде, поврежден нерв, мне врач сказал. Но ведь мог бы и более серьезно повредить позвоночник и остаться инвалидом, – поделился он. – Когда я только начинал путешествовать, я решил из каждой страны привозить себе бесплатный сувенир, который не занимает места – одну татуировку сделал в Казани, в Японии сделал и в Китае, хотел сделать и в Индии, но не успел. Оттуда на память привез шрамы».

Сейчас, спустя полтора года после аварии, Райхан продолжает восстанавливаться. Хотя о травме ему еще долго будет напоминать браслет-фиксатор, удерживающий правую руку, множество шрамов по всему телу и затрудненное движение. Его проект #чокактам пережил расцвет и по-прежнему имеет несколько тысяч подписчиков. Правда, в последнее время посты и заметки блогера набирают не больше десятка «лайков» и комментариев. Несколько дней назад на просторах сети Райхан с некоторым опозданием (на календаре было 16 января) подвел неутешительные личные итоги 2017 года. «2017 год унес у меня всё, что только смог унести», – констатировал Райхан.

«сперва он забрал дорогой нашему сердцу уютный дачный дом, спалив его дотла. этого ему оказалось мало. он залез ко мне в банк и забрал оттуда все мои несметные богатства, после чего дал пять 2005му, безуспешно для себя наградившему отца диабетом, и, решив что этого крепыша просто так не побороть, вытащил из рукава последний и самый сильный козырь – рак. забрав отца, закусоном он забрал ещё и мой макбук, который однажды просто взял и не включился насмерть. и вроде бы всё, хватит, уже вот-вот наступит 2018, но нееет. почти полгода с нами жил мой мелкий племянник, к которому я очень привык и даже неплохо так подружился. и вот за 3 часа до нового года нежданно негаданно приехала его мама, внезапно запихала его в такси и увезла. так 2017й решил резко напоследок забрать у нас и мелкого», – поделился Райхан. (орфография и пунктуация автора сохранены – прим. ред.)



#чокактам блог
16 янв 2018 в 11:54

+ Подписаться

#чокактам две тыщи семнацтый

очень-преочень давно ничего в этом блоге не появлялось, и смахну-ка я образовавшуюся за это время плесень.

а вот я такой возьму и подведу итоги года. 2017й был, наверное, самый беспонтовый год из всех (особенно в сравнении с ярким 2015м), но в этом есть ещё и заслуга конца 2016 и начала 2018, которые я тоже решил добавить к 2017, так как это была тупо непрерывная череда всякого дерьма, большая часть которой пришлась на 2017й.

обобщая, могу сказать, что 2017й унес у меня всё что только смог унести.

Едва не лишившись жизни, попрощавшись со здоровьем, деньгами, гаджетами во время страшного ДТП, 29-летний казанец, по собственному признанию, лишился и тяги к путешествиям. Позади остался и «кайфовый лайфстайл», и японская возлюбленная, которую пришлось оставить.

Как рассказал сам путешественник, на новый 2018-й он возлагал большие надежды. Райхан Халитов собирался полететь в Японию к любимой девушке, купить кольцо и сделать ей предложение по-юношески романтично – на крыше самого высокого небоскреба Токио. В августе Райхан даже писал трогательные посты в социальных сетях с просьбой к своим подписчикам и друзьям выслать ему деньги на приобретение билетов. Планам сбыться было не суждено. 4 января девушка написала ему, что она устала ждать и приняла решение прекратить отношения с ним. Татаро-японский союз остался лишь в мечтах, признается тревеллер.

«Я менялся в каждой новой стране. Тот человек, который в 2015-м отправился автостопом в Хабаровск, и человек, вернувшийся из Индии спустя полтора года, это разные люди. Я стал намного спокойнее, размереннее, спешка во мне атрофировалась вообще, я больше никогда не спешу никуда. Еще я понял, что жить нужно здесь и сейчас, если что-то хочется – нужно брать и делать, потому что позже это сделать уже будет невозможно. Но побывав в разных странах, увидев множество разных людей, я сильнее утвердился в некоторых своих взглядах. Для меня худший смертельный грех – это навязывание. Будь веганом или мусульманином, будь сумасшедшим футбольным фанатом или националистом-фанатиком, делай что

хочешь, но не доказывай мне, что это правильно и хорошо, – подчеркнул собеседник «Идели». – Я живу по принципу: ты можешь быть, кем хочешь, поклоняться, кому хочешь, и верить, во что хочешь. Можешь даже быть серийным убийцей, но не трогай меня и моих родных. А в остальном, пожалуйста, живи, как хочешь, меня это не касается, я пройду мимо всего».

Отвечая на вопрос «Идели», как поступить, если на твоих глазах происходит насилие, если оно лично тебя и твоих близких не касается, собеседник сказал: «Наверное, буду смотреть по ситуации: если я могу как-то поспособствовать, я поспособствую, если нет, то нет. Я не буду бросаться в драку, если меня убьют. Тем более сейчас, после аварии, в таком состоянии. У меня и раньше было такое отношение, но сейчас это гипертрофировалось. Если есть какая-то помеха, лучше подождать, пока пройдет, а там посмотрим. Возможно, это минус, но мне норм», – ответил Райхан.

Как заметил путешественник, его поступки часто во многом обусловлены борьбой с существующими стереотипами, шаблонами поведения, в том числе и моралью. «За что я благодарен своей семье, особенно отцу, так это за то, что они воспитали открытость сознания. Мой отец всю жизнь смотрел на все как бы сбоку, со стороны, не бросаясь в дискуссии и поклонения, а наблюдая и изучая. У него было свое мнение касаемо всего, и у меня оно тоже есть. Это означает, что ты идешь против системы всегда, а отвечает она в большинстве своем негативно», – добавил путешественник.

Райхан рассказал, что его всегда «убивал татарский юмор», молодой человек считает его «отсталым». Поэтому во времена появления пабликов наподобие MDK он создал в социальной сети страницу «Типичный татарин». *(MDK – самое популярное сообщество «ВКонтакте» с более 8,5 млн подписчиков, паблик известен мемами и неэтичными демотиваторами, порой имеющими националистическую или даже расистскую окраску – прим. ред.).*

«Там я стал постить приколы в своем стиле: резкие, жесткие. Естественно, на него подписалась целая куча народу, у всех кипело. Писали, что это неэтично, писали о том, как я могу такое писать, если сам являюсь татарином. Я же ко всем религиям и национальностям отношусь с уважением, но не выделяю какую-то одну. В какой-то степени я ощущаю себя татарином. Но даже татарином я себя не ощущаю целиком. Когда я путешествовал, я встречал много людей, которые эмигрировали и давно живут вдали от дома. Я понял, что путешествующий русский – это уже не русский, а путешествующий татарин – не татарин. Мы – другие, и все мы друг на друга похожи. Даже говоря на разных языках, мы можем друг друга понять. В итоге национальность не имеет значения», – заключил собеседник «Идели».

Возможно, кто-то из наших читателей сочтет героя февральского номера скорее антигероем. Мы не ставили перед собой задачу давать оценку Райхану Халитову, мы также не утверждаем, что он – собирательный образ современного молодого татарина. Райхан Халитов – просто яркий персонаж поколения миллениалов, за короткое время (в силу разных обстоятельств) приковавший к себе внимание всего Татарстана. Через год нашему герою исполнится 30 лет. Теперь уже бывший тревел-блогер подрабатывает репетиторством в онлайн-школе (преподает английский язык) и планирует поездку во Вьетнам.

ЕВРОСТАНДАРТ. НУРЛАТСКИЙ АГРАРНЫЙ ТЕХНИКУМ

Единственное учреждение профессионального образования в Нурлатском районе основано в 1979 году. В 2016–17 учебном году в рамках создания Ресурсного центра здесь провели ремонт и улучшили материальное оснащение.

«Нурлатский аграрный техникум» с филиалом в селе Черемшан осуществляет подготовку рабочих кадров и специалистов среднего звена по специальностям повар, кондитер, тракторист-машинист сельхозпроизводства, мастер общестроительных работ, автомеханик, портной. В среднем здесь обучается 640 человек. В техникуме работает 55 преподавателей и мастеров производственного обучения. Девять из них являются обладателями грантов, пятнадцать – экспертами.

На базе техникума проводится итоговая аттестация студентов в форме демонстрационного экзамена по стандартам WorldSkills. Все инженерно-педагогические работники регулярно повышают свою квалификацию, проходят обучение на курсах, стажировки на предприятиях-партнёрах. Педагоги техникума – активные участники конференций, конкурсов, семинаров. 10 преподавателей прошли переподготовку в КФУ по направлению «Педагогика».

Техникум гордится и своими студентами. К примеру, Алмаз Валеев – стипендиат специальной государственной стипендии Республики Татарстан, Валерия Хмелева заняла 3-е место в номинации «Арт-класс» на Международном конкурсе-фестивале имени Юнуса Ахметзянова, Гулькей Бильданова заняла 2-е место на Республиканском конкурсе молодых талантов в области поварского и кулинарного искусства «Татар гаилэсе».

По результатам двух последних лет за участие в чемпионате рабочих профессий WorldSkills Гадел Галиуллин удостоился 1-го места на региональном этапе в компетенции «Промышленная механика и монтаж» и права представлять республику на Национальном чемпионате в августе 2018 года в городе Южно-Сахалинск; Михаил Гришин – 3-го места на региональном этапе в компетенции «Кузовной ремонт»; Валерия Хмелева – 4-го места на региональном этапе в компетенции «Татар ашлары»; Павел Осипов – 5-го места и медали за профмастерство на региональном этапе в компетенции «Обслуживание и ремонт легкового автомобиля»; Павел Петров – 5-го места на региональном этапе в компетенции «Обслуживание грузовой техники»; Данил Григорьев – 5-го места на региональном этапе в компетенции «Выпечка хлебобулочных изделий».

Техникум стремится стать культурно-образовательным центром города и района. При поддержке Министерства образования и науки РТ реализуется проект создания Ресурсного центра. Закуплено современное оборудование, тренажерные комплексы для выработки навыков и совершенствования техники управления транспортным средством, мультимедийное оборудование, компьютеры, копировальная техника.

Ремонт проведен в соответствии с евростандартами с использованием качественных и безопасных материалов. Созданы новые кабинеты, лаборатории и мастерские.

Техникум также оказывает платные образовательные услуги. Партнёрами выступают Центр занятости населения города Нурлата, Управление сельского хозяйства Нурлатского района и нефтяные организации.

на правах рекламы

Зульфия Асадуллина

HOLA, CUBA!

Родилась в Казани, по окончании консерватории стала педагогом альма-матер по классу виолончели, вела концертную деятельность. С 1997 года – редактор ГТРК «Татарстан», автор и ведущая цикла «Эхо голоса твоего». С 2003 года – редактор на спутниковом канале «ТНВ». Автор сценария и режиссер цикла «Великие – знаменитые» (документальные очерки о выдающихся соотечественниках). С 2004 года – главный редактор музыкальных и литературных программ ТНВ. С 2005 года – член Союзов журналистов Татарстана и России.

После белой полоски прибоя в иллюминаторе самолета показались аккуратные поля, серые артерии дорог, верхушки лохматых пальм. Самолет плавно качнулся и начал снижаться. Я, спохватившись, начала судорожно прокручивать скудные паттерны, вываливающиеся из блока памяти при запросе об этом куске суши, наконец-то появившемся под брюхом самолета после четырехчасового перелета из Нью-Йорка над Атлантикой. «Куба – любовь моя», лихая песенка Пахмутовой в исполнении солнечного Магомаева; «Куба – Остров свободы», бородатый и бессмертный Фидель, призывающий: «El pueblo unido, jamas sera vencido!»; кадры фильма «Я – Куба», снятые гениальным оператором Урусевским…

Встретил нас Остров свободы скромно – выгрузили туристов прямо на зеленую травку, при этом обнаружилось, что на посадочном поле столичного аэропорта только один самолет – наш. Из зимы мы попали в благоухающее морем и зеленью лето, звенящее птицами и ленивыми репликами работников аэропорта. Они неспешно двинулись к нам навстречу, пригласили войти в здание и предъявить к досмотру вещи. Мы последовали за ними.

Внезапно показалось, что мы пересекли временной портал. На нас смотрели 70-е. Не только обшарпанные стены и лавки, но и лица встречавших нас кубинцев были из того времени, усталые и равнодушные. Офицер с особым пристрастием разглядывал багаж стоявшего передо мной мексиканца, судя по количеству цепей и браслетов, одержимого манией величия и желанием походить на творца мира – золотого бога Виракочу. Мексиканец нехотя выгрузил свое золото в обшарпанный пластмассовый лоток и пошел на подробный осмотр в объятия таможни.

Фото Малики Сайдашевой

Кафедральный собор Гаваны или Собор святого Христофора

Мы прошли по залу аэропорта, где единственным объектом туристического комфорта был туалет. На входе стояла приветливая женщина и застенчиво снабжала посетителей строго регламентированным кусочком туалетной бумаги.

Когда из мрачноватого ангара мы вышли на улицу и окунулись в солнечный свет вечного лета, к нам резво, несмотря на дородность и большущий живот, подскочил один из представителей местной таксистской мафии, оккупировавшей все подъезды и выезды из аэропорта. Мягко, но настойчиво потный кабальеро предложил свои услуги, превысив стоимость поездки раза в три. Мы дали понять, что выкупать у него машину не собираемся, всего лишь – добраться до местного курорта Варадеро. Однако дон Таксист уже назначил нас спонсорами своего дня и не собирался выпускать птицу счастья из цепких лап. Сопящий гигант сопроводил нас до фанерного киоска, выполнявшего роль обменного пункта, где пышногрудая красавица, не моргнув глазом, содрала с нас чудовищную комиссию. Наши попытки выяснить причины столь непомерного курса разбились о полный искреннего непонимания невинный взгляд. Липучий таксист тяжело дышал за нашей спиной. А может, она действительно не понимала по-английски…

Сдерживая раздражение, мы решительно развернулись и чесанули наперерез всем проложенным маршрутам подальше от таксистского кордона. Вскоре, как бывает во всех хороших сказках, нам повстречался добрый дедушка, внешность которого красноречиво свидетельствовала о том, что он провел большую часть своей жизни в непосредственной близости к океану… рома. Дедуля был дружелюбен и делал вид, что понимает суть наших вопросов. С пятого раза он, наконец, кивнул, свистнул, и к нам, пыхтя тучами черного дыма и время от времени постреливая газом, подлетел древний жигуль, за рулем которого сидел молодой красавец старшего школьного возраста.

Мучачо с готовностью распахнул перед нами дверь (было странно, что она не оторвалась при этом) изрядно пожившей машины.

Мы поехали в Гавану, где, как нам объяснили, мы сможем пересесть на taxi colectivo, оно-то и отвезет нас в Варадеро за нормальные деньги. Райское лето весело пело вокруг, мы с восторженной жадностью всматривались в пейзаж, глотая удушливые выхлопы нашего жизнелюбивого соотечественника. По дороге нас догнал его старший брат, из кабины которого полился поток испанской речи, содержащий самые свежие новости о здоровье и благополучии родственников его водителя. Наш рулевой высунулся из окна, стараясь не упустить ни одной детали повествования. У меня возникли серьезные опасения, удастся ли нам доехать до пункта назначения живыми.

Все наши страхи оказались лишь жалкими проявлениями презренного малодушия. Мы целехонькими доехали до стоянки и пересели в более жизнеспособную машину, которая и выполняла функцию коллективного такси. Взяв в компанию юную, почти голую, обвешанную рюкзаками немку, мы продолжили свой путь к заветной цели.

ВАРАДЕРО

Поездка продолжалась по довольно ровному шоссе, и была возможность немного рассмотреть природу острова. Вскоре мы выехали из пригородов Гаваны, густо застроенных лепившимися друг к другу лачугами из бетонных блоков и кусков разнообразного строительного материала. По обе стороны дороги простирались поля с красной землей. Повозки, запряженные мулами или лошадьми, неспешно катили вдоль обочины, рядом шествовали крестьяне в широкополых шляпах. Вдали поднимались невысокие горы, временами вдруг открывалась панорама Мексиканского залива. Вскоре мы поехали по более оживленной местности, через поселки и городки. И вот, наконец, Варадеро…

Город приветствует туриста при въезде на испанском, английском и русском языках. Все, кто узнает, что мы из России, расплываются в широчайшей улыбке. Приятно. Вид на море открывается с обеих сторон – Варадеро расположен на узком аппендиксе-полуострове Икакос. Отели по большей части не отличаются новизной и высоким уровнем сервиса, но прекрасная еда, изобилие тропических фруктов и свежевыловленной морской фауны, виды, открывающиеся с берега, с лихвой компенсируют все недостатки этого курорта. Нежнейший песок цвета тахинной халвы мягко уходит в прозрачную сияющую лазурь воды.

Виракоча – создатель всех племен Анд

Волны нехотя накатывают на берег, лениво выплевывая к ногам купальщиков сокровища морского дна – обломки раковин и кораллов. Пляж умеренно заполнен фанатами морского купания. Наверное, примерно так и выглядит рай.

Из уникальных достопримечательностей Варадеро – пещера Амбросио, где сохранились наскальные рисунки индейцев, обитателей Острова свободы, сделанные ими задолго до того, как эти места были открыты миру Христофором Колумбом. Народ, населявший Кубу столетия назад, был полностью истреблен, а плоды их случайного досужего творчества до сих пор удивляют любознательных туристов.

ГАВАНА

Автобус оставил нас на улице Сан Лазаро, на которой находился наш casa – мини-отель. Улица, плотно застроенная домами из белого ракушечника в старо-испанском стиле, судя по всему, последние 200 лет не видела от своих обитателей никакой заботы. Общий вид был крайне обшарпанным, при ближайшем рассмотрении некоторые дома просто были уже мертвы. Некогда вычурно красивые, с причудливой лепниной, резными дверями и витыми балконами, теперь в лохмотьях почти совсем облезшей краски, дома оплакивали свое блестящее колониальное прошлое. В сочетании с ярко-синим, редко навещаемым облаками небом это создавало картину фантастической красоты. Во многих домах двери были открыты, и с улицы отлично просматривалась спартанская обстановка, в которой обитают полуголодные и счастливые хозяева.

Наш casa неожиданно оказался маленьким оплотом благополучия, с высоченными пятиметровыми потолками и роскошной старинной мебелью. Он стал для нас крепостью, вмонтированной в многоквартирный людской муравейник, где в соседнем доме хозяйка стирала и сушила полиэтиленовые пакетики, сварливо обсуждая с соседом проблему починки его рыболовных снастей. Жизнь в муравейнике звучно кипела почти до утра. Последним выступал хриплый старый бас-баритон с монологом на тему «Быть или не быть?».

Было еще одно достоинство нашей маленькой крепости – выходя в город, мы легко сливались с толпой, не вызывая у горожан желания немедленно навязать нам ту или иную услугу, что, как правило, происходит, когда ты выходишь из большого дорогого отеля. Если ты турист, значит, готов заплатить за многое, считают местные жители.

Перед знакомством с городом мы прослушали подробную инструкцию нашего метрдотеля о том, где самые классные уличные музыканты, самый лучший кофе и где любил бывать Хемингуэй. Прогулка по городу у нас началась по набережной Малекон, в сторону крепости Сан Сальвадор де ла Пунта. Тех, кто собирается посетить Гавану, сразу предупреждаю – берите с собой противогаз. Вдоль прекрасной залитой солнцем набережной несется поток ярких машин, раскрашенных в самые жизнерадостные цвета, щедро обволакивая все вокруг облаками выхлопных газов, которые ленивый местный бриз не успевает отогнать в сторону моря. Довольно часто ловишь себя на мысли, что это интерактивное яркое кино порой доставляет дискомфорт. Картина дополняется огромной трубой, возвышающейся над городом из-за паромного причала и извергающей на головы беспечных горожан огромные тучи черного дыма.

На пляже Варадеро

В этом баре Хемингуэй любил заказывать двойной дайкири без сахара

Не успели мы подойти к крепости поближе, чтобы лучше ее рассмотреть, как попали в плен к уличным музыкантам. Первым делом они выяснили, откуда мы, как нас зовут, и, сев к нам на хвост, затянули «про нас» песню на мотив «Катюши». Так мы прошли метров сто, что называется, сквозь медные трубы, под ехидными ухмылками других туристов. Попытки ускорить шаг не помогли. Навязчивый ансамбль испарился, лишь когда мы дали понять, что наличности не имеем.

Гавана поражает живописностью. Двести лет назад это был сказочно красивый и богатый город. На центральных улицах и площадях еще сохранились остатки былого величия. С тех пор в центре города мало что строилось, в основном происходил процесс разрушения и ветшания. Несмотря на кровавое прошлое и нищее настоящее, кубинцы довольно жизнерадостны и почитают трех своих «святых»: Фиделя, Че Гевару и Хемингуэя.

Фидель Кастро – это всенародный «отец родной». Защитник и покровитель, указывающий верный путь в жизни даже после своей смерти. Песни о кровавом, но справедливом comandante Че Геваре стали частью кубинского фольклора. Аргентинский врач, который в начале своей карьеры был приверженцем гуманистических идей Альберта Швейцера, в процессе борьбы за свободу превратился в безжалостного, убивавшего без суда и следствия разжигателя революций. Он до сих пор дорог свободолюбивым кубинцам. Портреты Че и Хемингуэя преследуют вас до самого duty free.

Американский писатель, участник кубинского освободительного движения, азартный рыбак и охотник на львов и гигантских марлинов, для которого одно время дичью были немецкие подводные лодки, большой любитель выпивки, женщин и просто очень красивый человек, умевший красиво и интересно жить, Хемингуэй и сейчас любим и почитаем в этой стране. Его имя стало частью кубинской истории. Здесь была написана повесть «Старик и море» и «Острова в океане». Здесь, всего в 80 километрах от его прежнего дома в Ки Уэсте (США), он жил дольше, чем где-либо. Бар «Эль Флоридита», в котором он любил бывать, пара гостиниц, где он жил, и дом в пригороде – все стало главными туристическими объектами Гаваны.

Сочетание роскоши и упадка гаванской архитектуры

Историческая часть Гаваны продолжает лениво и беспечно существовать в полуразвалившихся, сочащихся зловонной канализацией зданиях. Вечером за приличными фасадами колониальных красавцев-особняков открывается их реальное нутро. Люди ютятся на старых диванах в узких картонных пеналах, разделяющих когда-то роскошные чертоги. Наверное, сейчас трудовой народ живет лучше своих предков – рабов, служивших испанским колонизаторам. Но магазины для кубинцев пусты. А жалкие предметы торговли стоят космических денег. В отеле нас попросили оставить из наших личных вещей всё, чего не жалко. Всё принимается с благодарностью.

Настал час отъезда, такси долго ждать не пришлось – в этом городе ничего нет в большем изобилии, чем такси. Водитель старенького chevrolet согласился отвезти нас за скромный гонорар. И вот лохматые пальмы снова машут нам своими головами, теперь уже прощаясь.

Эрнест Хемингуэй с семьёй на фоне пойманных марлинов

Галина Зайнуллина

«АМЕРИКАНИШ» БЫ ВЫУЧИЛ ТОЛЬКО ЗА ТО...

Под чтение и перевод в советские годы была заточена методика преподавания английского языка даже в советских спецшколах. Разумеется, в них учились дети партийно-хозяйственной элиты, однако отпрысков рядовой технической интеллигенции тоже было немало, да и дети рабоче-крестьянского происхождения, которым повезло жить рядом с такой школой, тоже зачислялись; кстати, статус ребенка в коллективе определялся не положением родителя, а исключительно башковитостью и пятерками в дневнике. В спецшколах English изучался со второго класса. И первый год с детьми занимались по преимуществу произношением – фонетикой. Язык второклашек гнули и ломали перед зеркалами, которые они приносили на урок: [ɵ] – кончик языка между зубами, без голоса; [ð] – звонкий [ɵ] с голосом; [т] – это не русский [т], а с придыханием. Особую трудность представляло произношение [г]. «Будто горячую картошечку во рту катаете», – подсказывали учителя, но представить такое мучение было сложно – язык не поворачивался.

В старших классах, изрядно пополнив словарный запас и даже заучив наизусть пару сонетов Шекспира, ученики спецшкол читали и переводили газету «The Moscow News». Кому-то везло с продвинутыми учителями, и тогда на партах появлялся польский журнал «Mozaika angielska». В его выпусках, о счастье, публиковались тексты песен легендарной группы «Битлз». И можно было бы с завистью выдохнуть:«Their lives are complete» («Их жизнь удалась»), если бы не казусы, порой случавшиеся на излете 70-х в казанских спецшколах, когда эти образцово-показательные учебные заведения посещали делегации из-за бугра. «Where is the toilet?» – как-то обратились два афроамериканца с элементарным вопросом к группе старшеклассников в коридоре. А те вместо ответа онемели и дружно вскинули руки с вытянутыми в требуемом направлении указательными пальцами.

Увы, разговорному английскому в эпоху развитого социализма не учили. Знание языка Шекспира кое-кому из выпускников если и пригождалось, то лишь при сдаче кандидатского минимума в аспирантуре. Никто 40 лет назад и помыслить не мог, что в обозримом будущем падет «железный занавес» и именно разговорный English ох как всем понадобится – хотя бы для шоп-туров и познавательных путешествий по Европе. Не говоря уж о профессиональном общении с коллегами на научных конференциях, возможность поездок на которые в 90-х свалилась на наших ученых как снег на голову.

ЛАДА МОСКАЛЕВА

Своими «набитыми шишками» на пути обретения Spoken English (разговорного английского) делится Лада Москалева, кандидат филологических наук, доцент КФУ (можно сказать, наш казанский Хиггинс, поскольку по специализации является фонетистом):

– В школе учила английский по фонетическим фантазиям учительницы, не бывавшей нигде. Впоследствии же, сама обучая русскому студентов из Африки и Азии, с какими только вариациями английского не встречалась. И Oxford English был менее понятен, чем «рязаниш». Но вот много лет работаю с американцами, южанами, и постепенно переняла их артикуляцию. При разговоре с лондонцем, под его «добрым» взглядом, успела почувствовать себя провинциалкой и даже присоединилась к американцам в их «любви» к Queens English («королевскому английскому).

Однако мои американцы, будучи сами преподавателями английского, все же щадили мой Upper-Intermediate[1], после того как выяснилось, что скоростной южный говор одного из них едва поддается распознаванию.

МИХАИЛ КАПЛАН

Более драматичный опыт был у казанского архитектора Михаила Каплана:

– Если мне на каком-нибудь языке сказать числительные и три слова, то дальше я договорюсь. Я знаю русский, английский и татарский, на минуточку! Почти что в совершенстве. В Казани я вполне проканаю за американца. А в Атланте могу легко закосить под татарина! И чего бы я чего-то опасался, собираясь в Америку? Готовиться? Слова учить? Да ладно!

И вот я выхожу из самолета в Атланте. Мама, какой язык жуют все эти люди?! Что это за неразборчивая каша? Пытаясь хоть как-то выбраться из аэропорта Хартфорд в город, я предпринял титанические усилия, спросил: «Хау?» – получил развернутый ответ и захлебнулся потоком чудовищной, нерасчленимой на слова фонетики. В тумане добрался до meeting point[2] и был сдан на руки host'у – хозяину, принимающему гостей, американцу Дэну. Он очень старался быть понятым. Но безуспешно. Смотрел на меня с горьким сочувствием, как на умирающую собаку. Писал печатными буквами, повторял по пять раз, кормил кашкой – бесполезно. Мой мозг вскипел и покрылся коркой. Глухо!

Я включил телевизор: о, «скорая помощь»!.. Вот Клуни в халатике. Все как у нас. Только черта с два поймешь... Слушал погоду по радио: какой-то «Монгол Шуудан»... Подслушивал разговоры соседей на лужайке: мутанты без гортани издавали какие-то машинные звуки. Так продолжалось три дня. Меня уже решили отправить обратно. Багажом.

Однако утром четвертого дня я проснулся и обнаружил, что произошло чудо! Дикторше в радио починили прикус. Под Клуни подложили человеческую фонограмму. Приятель Дэн, похоже, перестал выделываться и принял вполне приемлемую манеру речи. Я стал понимать «южный американиш»! Мозг остыл, и корка исчезла. И то сказать, разница между «южным американишем» и школьным английским больше, чем между мовой жителя Жмеринки и речью диктора московского ТВ. Дэн даже похвалил меня за мой Queens English. У Дэна, кстати, оказался вполне приличный джерсийский выговор (как-никак мальчик из Нью-Йорка).

Первое время я порхал и наслаждался: все вокруг такие вменяемые, разговорчивые, общительные. Я стал отличать приезжих из Техаса, а меня стали принимать за командировочного из Новой Англии. Но однажды я зашел в «Бургер Кинг» (вот никогда не шляйтесь по забегаловкам!). Негр за стойкой на моё вполне внятное «Cheeseburger, french fries and cola»[3] – ответил

совершенно бессмысленным «whaaaaa?» И смотрит, подлец, язвительно. Что «whaaaaa», куда «whaaaaa»? Кому ты это сказал, черный-пречерный человек? Так я и ушел не жрамши. Спросил Дэна. А тот говорит: «Да у них там, южнее Five Point, своя жизнь. И язык другой. Я их тоже не понимаю. Не фиг тебе туда лазать!» – «Как это не фиг лазать? Там же мэрия, музей этого, как его, Мартина Лютера, зоопарк. Да и вообще, там полгорода!» – «Ну, не полгорода, а три четвертых. У нас тут вообще 75 процентов населения афроамерикенз».

Опаньки! Так они в одном городе говорят на разных языках: WASP'ы[4] (а в Атланте они вообще-то – плантаторы-конфедераты: хрустальные рюмочки, крахмальные скатерти, серебряные вилочки!) и афроамериканцы. Действительно, о чем им говорить? Проще туда не ездить… Вот где собака-то порылась! Выходит, нет никакого американского языка. Друг друга поняли, и ладно. А не поняли – шут с ним. С кем-то проще перейти на испанский или даже на польский, чем пытаться найти общий американский. Вон жители Гарлема вообще на каком-то Urbaniacs говорят. А нас в России за олбанский ругают: жы-шы, ядрён батон!

Так я прожил еще пару недель – пообвыкся. Наступила пора звонить другу в Нью-Джерси, договариваться о переезде. Звоню: «Hi, Mel! This is Mike from Atlanta». А в ответ: «Mike, what a terrible South English!» («Что за ужасный южный английский!»). Приехали… А я так старался… С тех пор на вопрос: «Do you speak English?» – я отвечаю так, как научил один чернокожий во время гулянки в Вашике на Dupont Circle: «I'm spoken American!» – «Я говорю на американском!»

ТАТЬЯНА ШАХМАТОВА

После знакомства с опытом Москалевой и Каплана возникает проблема: какому английскому учить детей?

– Неужели гарлемский сленг восьмилетнему мальчику преподавать? – задаётся вопросом кандидат филологических наук, доцент КФУ Татьяна Шахматова. – Есть нормы литературного языка, с них начинается изучение. А уж чем закончится – это личное дело каждого.

Несовершенный английский, несомненно, сгодится в международных компаниях, где работают выходцы из разных стран. Русскоговорящих узнаёшь безошибочно – по знаменитому «рунглишу»: синтаксис русский, а слова английские, без особого почтения к фонетике. Кстати, этот «рунглиш» может даже послужить определённым сближающим фактором: чехи, поляки, греки, французы, испанцы понимают нас на «рунглише» даже лучше, чем самих англоговорящих с их особой языковой логикой.

Но… огромное и жирное «но». Это только если коммуникация ради передачи информации. Как только человек попадает в нормальное образованное общество, где язык служит не только средством передачи информации, но и социальным маркером (образования, социального положения), тут уже нужно произношение, чтобы стать своим. И вообще – это сигнал уровня образования.

ТАТЬЯНА БОЧИНА

Похожую точку зрения высказала доктор филологических наук, заведующая кафедрой русского языка как иностранного ИФиМК КФУ Татьяна Геннадьевна Бочина в передаче «Русский язык за чашкой чая. Баттл поколений» (UNIVER TV); ей был задан вопрос о том, какой русский язык надо преподавать обучающимся у нас иностранным студентам, ведь, выйдя на улицу, иностранец услышит разговорную речь и сленг.

– Безусловно, – ответила Татьяна Геннадьевна, – начальные этапы, первые два-три года изучения любого иностранного языка, –

---

[1] Upper-Intermediate (англ.) – степень владения английским на международном уровне.
[2] Meeting point (англ.) – место встречи.
[3] French fries (англ.) – картофель фри.
[4] White anglo-saxon protestant (англ.) – белые англосаксонские протестанты.
[5] Pidgin English (англ.) – упрощённый язык, который развивается как средство общения между двумя или более этническими группами, говорящими на неродственных и/или взаимно непонятных языках.

это познание норм литературного языка. Именно потому, что они понятны всем носителям данного языка. А сленг – это маркер определенной социальной группы, профессиональной или возрастной. Поскольку иностранец должен вращаться в разных слоях обществах, литературный язык для него – универсальный инструмент.

Михаил возражает филологическим дамам:

– В профессиональной среде (если ты программист или работаешь в инвест-банке) может случиться так, что твой собеседник – индус (тот ещё Pidgin English[5]) или китаец (нет худшего английского). Один мой знакомый, живя в Москве, работает силовым расчетчиком в «Боинге». Так в цеху, в Сиэтле, у него собеседники на четырех американских. Среди них нет канадцев с хорошим английским. Как жить? Какой язык учить? А в «образованном обществе» – это где? В Корнуолле? Зачем там оказываться в реальной жизни?

Синтез подходов, некий срединный путь в изучении разговорного английского языка предлагает Лада Москалева:

– Как фонетист и логопед в плане произношения могу предложить учить средний американский вариант, так сказать, легко конвертируемый. И развивать слух: смотреть голливудские фильмы без дубляжа. А дальше под конкретное сообщество язык сам мимикрирует. В заучивании же иностранной лексики с детьми рекомендую игровые задания, в которых запоминанию слов помогает моторика, в том числе книгу «Игры-песни на английском языке».

ИТАК, КАКОЙ СДЕЛАЕМ ВЫВОД – забудьте все, чему учили вас в английской спецшколе, на романо-германском отделении университета и многочисленных курсах английского языка? Нет, такой категоричности избежим. Лишь подчеркнем: в предлагаемых XXI веком обстоятельствах необходимости овладения нормативным английским и каким-то его разговорным вариантом избежать невозможно. Ведь в глобализирующемся мире борьба языков за выживание ужесточается, и English одерживает в этой схватке верх. По данным W3Techs – организации, которая занимается анализом технологий, используемых в интернете, в результате анализа 10000000 сайтов, находящихся в верхних позициях по посещаемости в Сети, распределение по языковому контенту выглядит так: первые строчки занимают английский (51,2%), русский (6,7%) и немецкий (5,6%) языки. А вот украинский на 31-м месте. И есть ли в этой таблице татарский?..
Таким образом, мало верить в развитие и долгое существование родного языка, выкрикивать громкие лозунги о его сохранении, – необходимо производить на нем интеллектуальный продукт и заботиться о его должной оцифрованности, в частности – в онлайн-переводчиках Googl'a и Yandex'a. С их помощью без проблем справляешься с английскими и польскими статьями: все более-менее связно, логично и понятно. Но с татарскими текстами – результат один: полная абракадабра. Например, пословицу «Соң, хәзер, беткә үч итеп, тунны ягаргамы инде?» («Стоит ли сжигать шубу, если в ней завелась вошь?»; литературно на русском – «Надо ли выплескивать вместе с водой ребенка?») Яндекс-переводчик истолковывает так: «Ну гнида общение с ни у кого не налоговой говорят что обсуждают?» Получается, тема плачевного положения дел в компьютерной татарской лингвистике ждет своего журналистского расследования?

Анвар Маликов

УЧИТЕ ЯЗЫК – и двери откроются!

Мы всей семьей поехали на отдых в Турцию из-за сына, который отучился первый год в татаро-турецком лицее. Аскар уже бегло говорил по-турецки. Перед поездкой я дал ему задание выучить самые полезные фразы, начиная с «нам номер с видом на море». Когда наша группа штурмовала ресепшн отеля, бедняжка-ресепционистка, не поднимая головы, не улыбаясь, быстро-быстро выдавала ключи от номеров. Как потом выяснилось, худшие из имеющихся: с видом на помойку, на зады кухни…
Мы были последними в очереди. Когда прозвучала коронная фраза Аскара, девушка подняла голову, распахнула глаза и озарилась ослепительной улыбкой. Мы получили шикарный по меркам этого отеля номер с видом и на море, и на горы.
В номере был краткий словарь из 20 главных слов – от «здравствуйте» до «сколько стоит?». Мы с Асей старательно их выучили и благодарили на турецком обслугу, обращались на улице к прохожим, начиная со слова «достум» («дустым» – тат., «друг мой» – рус.), и были всеми любимы. И, что печально, ни разу мы не слышали, как другие россияне пользовались этим словарем. Даже простейшее «бир бира» («одно пиво») не выучили.
Апофеоз был в аэропорту Антальи во время отъезда. Пройдя после всех формальностей условную госграницу, я стал искать такс-фри. Не знал, что оно осталось позади. Сын спросил у полицейского, тот, глядя ошалело на турецкоговорящего светловолосого россиянина, повел нас в служебное помещение. Мой сын повторил просьбу их старшему. Тот тоже был немало удивлен, и, забрав мой паспорт, показал мне на служебный проход через границу. Я был удивлен еще больше. Как?! Без паспорта обратно в Турцию? Со страхом, но пошел.
У турникета вопросительно оглянулся: всё ли правильно я понял? Полисмен с улыбкой ободряюще махнул мне. Когда вернулся, застал встревожившую меня картину: сидят мои жена и сын в полицейском помещении, а вокруг них столпилось с десяток «аскеров» (asker — солдат в переводе с турецкого, прим. ред.). Оказалось, они были поражены тем, что Аскар учится в турецком лицее. А потом еще больше обалдели, узнав, что этот лицей находится не в Турции, а в России. Почетный эскорт полицейских сопровождал нас до самого терминала. Столпившиеся там соотечественники, было, напряглись, но после того, как наши провожатые с широкими улыбками помахали нам на прощание, недоуменно посматривали на нас всю обратную дорогу. И чего необычного-то? Языки просто надо знать.

Марина Усольцева

ШЕСТЬ ИСТОРИЙ-ЛАЙФХАКОВ от travel-учителя

Как не потерять ребенка из группы в 40 человек в московском метро? Как перевезти детей с одного вокзала на другой за 20 минут? Как спасти юного пассажира от высадки из поезда на границе? Как избежать ночлега в забронированном «клоповнике»? Моя любимая travel-учительница поделилась лайфхаками, накопленными за 30 лет путешествий со школьниками.

Флюра Хабировна Абусева родилась в Казани в 1958 году, окончила Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет. С сентября 1979 года начала преподавать русский язык и литературу в школе деревни Канаш Верхнеуслонского района Татарстана. Работала в казанских школах №114 (1982–1986), №85 (1986–1996). С 1996 года более 20 лет была учителем русского языка и литературы в средней общеобразовательной школе №146. С прошлого года педагог вышла на пенсию, однако ездить по миру она прекращать не собирается. Она ездит с учениками в путешествия уже больше тридцати лет. Педагог показала своим ученикам Тарханы, Спасское-Лутовиново, Ясную Поляну, Петербург, а также Чехию, Данию, Нидерланды, Скандинавию, Францию, Швецию, Швейцарию. Автору этого интервью посчастливилось побывать с любимой учительницей в Белоруссии, на Украине и в Венгрии.

ЛАЙФХАК №1. НИТЬ АРИАДНЫ В КАРМАШКЕ – ЧТО ДЕЛАТЬ, ЕСЛИ РЕБЕНОК ОТСТАЛ ОТ ГРУППЫ

В первые годы, я помню, когда только начали ездить, отправились в Белоруссию: в Брест, в Хатынь… В Москве – пересадка. Тогда проезд стоил 5 копеек. У детей спрашиваю: «У всех есть 5 копеек?» – «Есть!».

Проходим через турникет, я останавливаюсь через каждые 10-15 метров, чтобы проверить, все ли на месте, поворачиваюсь – одного нет. Ну, думаю, наверное, где-то около турникета в очереди стоит. Возвращаюсь – его нет. Ну куда мог деться? А меня толпа детей ждет! Повезла их на вокзал, нам же дальше ехать! Отвезла и вернулась обратно на Казанский. Нигде нет его, дала объявление на вокзале, никто не отзывается.

Я часа два бегала между двумя вокзалами, не зная, что буду делать дальше. Нам выезжать, у нас билеты, а ребенка нет. Одного же я его тоже в Москве не оставлю, и дети одни уехать не могут! Такое вот сложное положение. И, наконец, через два часа вижу, как милиционер за ручку ведет моего ребенка. А получилось как: на Казанском вокзале есть дорога на кольцевую линию – прямо и есть спуск – направо. Оказалось, ребенок направо и пошел! Думал, что он нас там догонит. А в кармане у него лежала бумажка, где по-русски написано, куда мы едем. Я ему до этого сказала: «Если ты, не дай бог, потерялся в метро (все-таки народа-то много, не

Сентендре, Венгрия, ученики школы №146

Фото из личного архива Ф.Х. Абусевой

туда посмотрел, не туда повернул – и все), достань ты эту бумажку, подойди к милиционеру, он тебя за ручку приведет». Ребенок так и сделал. Только через два часа. После этого я уже поседела вся.

ЛАЙФХАК №2. БЕГУЩИЙ ПО МОСКОВСКОМУ МЕТРО, ИЛИ КАК ДОБРАТЬСЯ ОТ ВОКЗАЛА ДО ВОКЗАЛА ЗА 30 МИНУТ

Едем за границу по маршруту Казань – Москва – Брест. Спрашиваем, во сколько отходит поезд до Бреста. Отвечают, что не раньше трех часов. Мы забронировали билет в групповой кассе. Должны были приехать в Москву в шесть утра, но до трех часов ходить по Москве, притом, что дети ночью толком не спали, легли поздно, встали рано – явно устанут. Поменяли билеты. Тогда ходил поезд №№49-50, он прибывал где-то в районе половины двенадцатого. Подумала, что как раз ходить недолго, и можно спокойно добраться до вокзала – удобно. Купили билеты. И буквально недели за две-три до поездки мы узнаем, что наш поезд из Москвы до Бреста отправляется в полдень, а не в три. То есть у нас перерыв между поездами будет всего полчаса. А нам нужно выйти, билеты на метро купить, доехать до другого вокзала, получить билеты на руки, найти свой вагон и запрыгнуть в поезд. Все это – с толпой детей с чемоданами. Билеты менять было уже поздно, потому что их просто не было. Это было что-то! Сначала нашли человека, который едет в Москву. Попросили нам купить билеты. Поездов много приходит, народа всегда много, чтобы купить билеты, нужно простоять в очереди еще минут десять. А у нас всего полчаса. Нам купили проездные билеты на метро, привезли в Казань.

Следующий этап. Нам нужно было первыми выскочить из вагона, в нем – сорок с лишним человек. Я пошла по всему вагону, упросила всех сидеть и не двигаться, пока мы не выйдем, объяснила, что опаздываем. Народ сознательный оказался, действительно, никто с места не сдвинулся, наоборот, нам даже помогали с вещами. Теперь с сумками – бегом, я – впереди, в конце – другой учитель, мы несемся к метро. В результате, когда мы сели в поезд, у нас еще оставалось две минуты в запасе.

ЛАЙФХАК №3. ПИРАТЫ КУЙБЫШЕВСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА – «ТИТАНИК» ВО ВРЕМЯ ШТОРМА

Однажды отправились в город Булгар на теплоходе «Борис Полевой». Теплоход двухъярусный, люблю его очень, он такой уютный. Он был полный, и все – наши школьники. Поскольку я организовывала, мои ученики, шестиклассники, жили в люксе. Тут начался шторм! Причем такой силы, что у нас телевизоры летали. Причалить мы не можем – нас просто разобьет. Нас так качало! И в это время мои устроили дискотеку в трюме. Танцевали, прыгали, их качало от танцев, а не от волн, по-моему. Естественно, никому нельзя выходить даже на палубу – смоет запросто. Волны огромные, теплоход накрывали! Это же Куйбышевское водохранилище. Натанцевались, аппаратура уже падает – не удержишь. Мы предложили им кино посмотреть. С собой оказался только диск с фильмом «Титаник». Других фильмов не было, очень вовремя, очень удачно. Шторм бушует, значит, нас чуть не переворачивает, а мы «Титаник» смотрим.

Подходим к капитану, просим детей успокоить, страшно же. Он говорит: «Видите, баржа стоит? Вот она нас охраняет. Если, не дай бог, что-то, она будет на подхвате, не переживайте, все будет в порядке!». Как выяснилось потом, обманул, конечно. Теплоход отошел в сторону Ульяновска, потому что надо было это Куйбышевское водохранилище как-то пройти. На следующий день, когда все успокоилось, мы отправились обратно в Казань, так и не попав в Булгар.

Родители тем временем, прослышав о шторме, всех на уши подняли, звонили, справлялись о своих детях, но в результате мы живые и здоровые вернулись. Одна из мам у меня спросила потом по телефону: «Флюра Хабировна, вы расстроились?». Ну конечно, я расстроилась – до Булгара мы так и не добрались, «прокатились». Она отвечает: «Вот, запомните,

Будапешт, Венгрия. Группа школы №146

пройдет время, ваши дети забудут, что они в Булгар не попали, а шторм они запомнят на всю жизнь». Детям из этого класса сейчас по тридцать с лишним лет, и когда мы встречаемся, первое, о чем они начинают вспоминать, как они попали в шторм.

ЛАЙФХАК №4. ХРОНИКИ ПОЕЗДОВ – КАК ПОСАДИТЬ В ВАГОН БОЛЬШУЮ ГРУППУ ЗА 5 МИНУТ

Возвращаемся с Кавказа, стоянка – пять минут. У нас группа большая, 40 человек, им всем надо быстро попасть в вагон. Это казалось нереальным.

Поезд подходит. С нами были мальчики-старшеклассники, одного поставила наверх, другого вниз, а детям строго-настрого было сказано: «Не бойтесь отдавать свои вещи». Подошли к вагону, тут же сумку свою отпустили, один парень хватает чемодан и закидывает другому, который наверху, а ребенок в этот момент поднимается. Словом, мы минуты за три заняли все свои места. Проводница, молча наблюдавшая за происходящим, потом подошла к нам и сказала: «Так быстро у меня еще никто не садился».

ЛАЙФХАК №5. ТУРИСТЫ В СТРАНЕ КОШМАРА – НЕ ГОСТИНИЦА, А «КЛОПОВНИК»

Когда мы приехали в Пензу, заселили нас в гостиницу «Сура», где-то около рынка. Штукатурка на голову падает, в стенах дыры, тараканы бегают. А привезли туда все группы. Я велела детям сложить вещи посередине комнаты, и чтобы ни один из них на кровать не присел. Оставили вещи и ушли. Подошла к нашему турагенту, сказала: «Берите билеты, отправляйте нас домой, делайте, что хотите, но я в этот клоповник детей заселять не буду. Мы на экскурсию не поедем. Вы нам потом вернете деньги и проценты, обещанные по договору. А мы уезжаем домой». Они предложили вариант: детей повезти на экскурсию одних, а меня – посмотреть другое помещение. Приехали, что-то вроде «Дома работника профсоюза», кажется. Новое здание, уютное, чистенькое, комнаты по 2-3 человека, никого на этаже нет, кроме нас. Красота.

Когда выселялись из «клоповника», там потребовали оплатить сутки проживания, мол, номер-то использовали. Но когда мы показали администратору, что даже к кроватям и шкафам не прикасались, вещи стояли посередине комнаты, работники этой гостиницы развели руками. Мы спокойно переселились, и нам все так понравилось! А остальным группам пришлось в той гостинице остаться, потому что они успели «пожить».

ЛАЙФХАК №6. НЕ ГРАЖДАНКА РОССИИ И ТАЙНАЯ БУМАЖКА – ЧТО ДЕЛАТЬ, ЕСЛИ ОДНОГО ДОКУМЕНТА НЕ ХВАТАЕТ

Когда мы ехали на поезде по маршруту Москва – Киев, в три часа утра одну из моих учениц, ей тогда было 13 лет, начали высаживать из поезда. Оказывается (я тоже не знала), в свидетельстве о рождении должен быть вкладыш о российском гражданстве. Пограничники придрались к тому, что документа этого нет. Я им объясняю, если девочка родилась в Казани, то есть в России, кем ей еще быть тогда? Естественно, она – гражданка России. Уперлись – нет и все. Я не могу ребенка одного высадить, мне предлагают высадиться вместе с ней. А я не могу оставить группу, все они на меня оформлены. Предлагают высаживаться вместе с группой, никого не волнует при этом, что проезд и проживание мы оплатили. И я отвечаю в сердцах: «А если я вам докажу, что ее родители – граждане России, вы нас пропустите?». Они так же сгоряча: «Пропустим!».

Бывают такие экстремальные моменты, когда действительно стреляет что-то в голове. Я достаю разрешение на выезд, заверенное у нотариуса, и там написано «Я,... гражданин/гражданка РФ...». И он махнул рукой: «Поезжайте». Хотя до этого стоял и ворчал, что еще и оштрафует, потому что из-за нас задерживается поезд.

Группа школы №146 в Болдине. Нижегородская область

Родился в 1989 году. Закончил Казанский Национальный Исследовательский Технический Университет имени А. Н. Туполева, бывший КАИ, институт экономики, управления и социальных технологий. Автор книг стихов «Натуральный обмен», «Пряности и страсти», «Клуб 28». Готовится к выходу четвёртая книга.

Авиль Гордовски

«НОВЕЛЛА ЖИЗНИ БЕЗ СЮЖЕТА»

1.
Красивая и прочее через запятую,
Никто не гарантирует, что завтра мы
С тобой не разругаемся вконец, но чую,
Мне это не поможет – ставки задраны.
Как цены во все стороны от площади Сан-Марко
На что угодно, где туристы волнами,
Где в ливень втридорога зонт, а бесплатно – арка,
Под коей мы прошли уже помолвлены.

2.
Третий год, как на игле готичных улиц
Старая Европа, потому — вернулись.
И обильем диалектов как ни ври мне,
К русской речи ты привычен, Римини.

На третий ли, четвёртый день гипотеза,
Что этот городок лишён гипофиза,
Разбилась о брусчатку между аркою
И театром времени империй. Шаркаю

Рядом с регулярной в жаркий день. Куперто
Выбесит любого интроверта.
Благо, что за эти деньги в пасту щедро -
Заочно лучше всяческого чеддера -

Как своим добавят пармезана и
Мы кажемся себе здесь партизанами:
Везде можно с собакой — мопс ли, хатико.
И Бродский в трёх часах. Плюс Адриатика.

3.
Чужд и противопоставлен глиттеру,
Блеску, лоску, глянцу, проч. гламуру,
Город, что без боя сдавшись Гитлеру
Сберёг — архитектуру.

Впрочем, что неважно. Здесь Цветаева,
Её муж с лицом, подобным шпаге,
Если целовал её, а та его —
В свободное от бумаги.

Вообще для города писатели —
На заметку чинам в снежной дали,
В коей если б классики восстали и
Дошли б до вас — пинка б вам дали —

Лишь писатель даёт право городу
Быть на карте мира, а не мэр и
Прочие, которые по поводу
Сему предпримут меры.

Здесь лечили Ярослава Гашека,
Слава богу — не у нас, иначе
Помер бы. Скульптура «Кафка» гашика
Требует к себе. Богаче,

Сам себя прекраснее от стаута
Университет и Карлов мост, ну в
Особенности Яна статуя.
Но под вечер мы, замёрзнув,

Ни на что — ни взгляда, ни внимания.
Из муки, что не касался мельник,
С чаем на двоих, цена вменяема,
Пробуем трдельник.

У отеля встык с еврейским кладбищем,
Где чувствуешь себя никем, но гоем,
Я узнал по тени и по лапищам,
Что за углом ждёт голем.

4.
В выходной не выйти утром в мясорубку
Улицы, а знать – поев, обратно ляжем –
Приятнее, как заглянуть под юбку,
Чем увидеть больше, но на пляже, мм?
Как приятней найти сотню, хоть полтинник,
Чем за тысячу топтать весь день ботинок,
Вместо «не за что» сказавши «ю а велкам» –
Почувствовать себя здесь человеком.

5.
Ни в Хогвартс, ни хотя бы в Иллинойс
Не ждёт забрать за дверью Хагрид,
А жизнь ещё не раз охотно харкнет
Тебе в лицо, мечтатель, скукой.
Или ной с
Такими же до гроба а капелла,
Или жизнь растенья растяни и
Будь спокойным, без неврастении
Мельницу признавший Дон Кихот.
Новелла
Жизни без сюжета — от неё же дробь.
Не ждёт за дверью Хагрид. Быть героем
Или упиваться своим горем
Выбираешь? Экшн или скуки топь,
Чтоб в старости на верную жену крича,
Что за всю жизнь вы так и не ввязались
Ни во что, сбежать из огорода, где физалис,
Родным навстречу, прочь от обязательств,
Пятилетним,
На дорогу
Жёлтую
Из кирпича.

Венера Шакирова

БЕЛАЯ РУСЬ

Путешествуя, ощущаешь, что живешь: все чувства открыты новому – воспринимаешь мир всеми органами чувств, впитываешь и записываешь все это в голове, чтобы осталось с тобой навсегда.
2014 год. Ехать в Украину было как-то страшновато. Куда еще пускают без загранпаспорта? Казахстан или Беларусь. Как выбрать? Да легко. По густоте железнодорожной сети. Ведь наше путешествие – на электричках.

– Куда поедете этим летом?

– В Беларусь.

– А зачем? Там же моря нет.

– Джен Псаки бы с тобой не согласилась. И кстати, там есть море. Минское море. В нем вылавливают устриц, а по берегам выращивают ананасы.

Этот диалог был в Казани, а следующий – в Челнах.

– Куда летом ездили?

– В Беларусь.

– А какое там море?

– Там нет моря.

– ...

А между этими диалогами...

Где-то в пути.

– Почему она Белая?

– «Белая», согласно историку Довнар-Запольскому, означает «вольная», «свободная».

– Их флаг похож на наш, татарстанский – там тоже есть зеленый, белый и красный. Может, Белая она потому, что мирная?

– История – не твой конек, милая.

Встреча купленного в Казани белорусского купальника с водой Минского моря так и не состоялась. Зато мы встретились с Беларусью. И каждый, наверное, по-своему понял, почему она – Белая.

Путешествие – это шествие по пути. Много ли людей шествует по пути в Турцию, Таиланд или, скажем, Сочи? Безусловно, самолет – это быстро и удобно. Несомненно, за окном поезда сменяются декорации, хотя осознать успеешь

Встречающие на Витебском вокзале

в лучшем случае вокзалы. Конный транспорт нынче не в почете, то ли потому, что в зоомагазинах не продают сбалансированный корм для лошадей, то ли потому, что современные жилищные комплексы не предусматривают возможности припарковать коня. Пешком же нынешний человек не решится даже отправиться из Казани в Васильево. Михайло Ломоносов был бы разочарован своими хлипкими потомками. Мой дед, который вел свою молодую жену по лесам и полям 65 км от деревни к ближайшей железнодорожной станции, тоже был бы разочарован. А ведь там в комплекте выдавались волки для дополнительного развлечения (и ускорения).

Итак, наш выбор – электрички. (Есть еще один чудный способ, я про него расскажу в другой раз).

Некоторые страны начинаются внезапно, например, Украина. Там была Россия, а тут – раз! – и уже Казачья Лопань, то есть Украина. Беларусь же начиналась медленно и незаметно. То ли с холодного свекольного супа в Вязьме, то ли с лидского кваса в Смоленске, то ли с аистов на деревенских крышах Смоленщины. Электричка Рудня – Витебск прошла границу молча, без предупреждения. За окошком – леса и болота. Воображение рисует скрывающихся там партизан. Что они там едят? Наверное, охотятся… На полустанке входит мужичок с большим коробом лисичек. «Что за грибы? Не поганки ли?» – спрашивает кто-то. «А кому поганки? Покупаем поганки!» – отшучивается мужичок весело и громко. А где же граница? Машинист продолжает объявлять станции все на том же языке, понятном любому машинисту России и более никому… Кажется, граница все же где-то была: кондуктор просит за проезд белорусские рубли, и половина пассажиров начинает резво искать обмен у попутчиков. Вот так, плавно и незаметно, мы прибыли в Витебск.

Забавно получается. В Москве, на Белорусском вокзале, нас провожала пара (на самом деле девушка провожала бойца на фронт, а не нас, но и нас заодно), а в Витебске нас встречает опять пара – немного старомодно одетые жители города. Скульптура так и называется – «Встречающие». А эхо войны, на которую уезжал тот боец с Белорусского вокзала, мы услышим здесь не раз.

На Витебск – несколько часов. В моей голове он, как картина импрессиониста, состоит из отдельных пятен, складывающихся в целое лишь на расстоянии – расстоянии, измеряемом временем.

Красное пятно. Советские гербы, чистые, аккуратные, их много, они украшают фонари, конструкции мостов, здания. Вкусное пятно. Бульбяная – меню состоит из картошки в любых видах. Ароматное пятно. Августовский яблоневый сад – на траве россыпь паданцев, и среди них – скульптурные яблоки. Даже зимой, среди снега, будут они лежать здесь и пахнуть летней пряной сладостью. Шоколадный мазок. Плитка «Коммунарки», купленная в магазинчике. В Казани тогда (когда тогда?) такой было не найти. Двойной мазок. Две церкви – белокаменная и деревянная, старинная и совсем новая, они стоят так близко друг к другу, разделенные веками, и удивительно их гармоничное единение.

Пожалуй, это место лучше всего характеризует Витебск: город бережно накладывает на холст мазки, один за другим, ничего не стирает, каждому находит место. Так город пишет историю. Так Витебск рисует себя.

Брестская крепость. Холмские ворота

Следующий пункт нашего путешествия – Орша. Мы были здесь в день железнодорожника. Вероятно, потому было ощущение полной похожести Орши на любой другой крупный транспортный узел. Наш путь отсюда – на запад, в Минск. Этой же дорогой шел боец, которого провожала с Белорусского вокзала девушка.

Темнота за окном. Когда же город? Появились огни, кажется, Минск вот-вот явится россыпью света – большой город, столица, он должен сиять. Темнота. Снова огни, и снова ожидание – где же он, город? И снова темнота. Скажу честно, в ту ночь Минск так и не осветил наш путь. Станция Институт Культуры, полночь, пустая платформа, автозаправка и два стаканчика кофе, бетонная коробка кассы и два билета, ночная электричка на Брест – и до свидания, темный ночной Минск, еще увидимся при свете солнца!

Приезжать в города на рассвете – самое лучшее. Новый город, новый день. Брест встречал утро, брестский вокзал встречал нас. Огромный, величественный образец сталинской архитектуры, достойный столицы. Все потому, что через этот вокзал идут поезда из Европы, к примеру, из Парижа. Город еще не совсем проснулся – фонтаны, ночью не работающие, еще не включили. Начинаем свою утреннюю прогулку по городу, параллельно ищем гостиницу. Центральная пешеходная улица Бреста (видно, сейчас всякий уважаю-

Фото из личного архива В. Шакировой

Брест. Улица Гоголя. Аллея кованых фонарей

щий себя город обзавелся пешеходной улицей) носит название Советская. Ах да, на вокзале же были гербы с серпами и молотами и звезды, так что все логично. Чувствуем себя как дети, вернувшиеся домой. В то же время ощущается близость Европы – в архитектуре, в обилии цветов, а еще в чистоте. Впрочем, в Беларуси почти везде чисто. Как сами белорусы шутят, это потому, что им нечего выбрасывать. Вот большущий монумент с барельефами, посвященный истории города, на улице Гоголя. Сама эта парковая улица украшена затейливыми фонарями. Некоторые – прямо-таки произведение искусства, и все просятся на фотографии.

Памятник Тысячелетия Бреста

Гостиница найдена, верные друзья рюкзаки взяли выходной, а мы, расправив плечи, берем направление на главный пункт – крепость-герой, опаленная солнцем, ждет.

Территория крепости велика, полуденный зной августа давит. Людей почти нет. Выжженная трава, крепостные стены, под ногами – таинственные катакомбы, огромный монумент солдату, высоченный штык-обелиск. Здесь, среди руин, частью поросших травой, возле всегда бьющегося горячего сердца города (хотя на первый взгляд оно выглядит как вечный огонь), слышно, как звенит время – ты в прошлом, настоящем и будущем одновременно. Какой-то умный человек сказал, что люди, не помнящие прошлого, не имеют будущего. Думаю, у Беларуси будущее есть: история здесь везде, ее видишь, слышишь и чувствуешь.

В тот день был открыт только один музей. Он маленький, но настолько эмоционально наполненный, что, пожалуй, после него второй музей я бы уже и не осилила. «Музей войны – территория мира», да, именно так он называется. И посвящен он не только и не столько героической обороне крепости, сколько войне в целом. Экспонатов немного, но они пронзительны. Надпись, сделанная защитником крепости – «Умрем, но из крепости не уйдем…», как живые (еще живые!) фигуры узников концлагерей, интерактивная карта лагерей (как много их было здесь, в Беларуси!), и каждый пункт с подписью – просто цифры – количество жертв. И все время тикает метроном. На самом ли деле он тикал, или я слышала его в голове, мерно отмеряющий то ли последние удары пока еще живого сердца, то ли секунды до конца войны?..

Это в самом деле территория мира – никто не выйдет отсюда, желая войны. А еще, когда выходишь, палящее солнце – уже не адская печь, а ласковое солнышко, пожухлая трава выглядит зеленее, речка кажется такой прохладной и мокрой. И наш большой круглый дом прекрасен! (Он не круглый, поправляет меня сын, он – геоид.) Чудный геоид! Пусть весь он будет когда-нибудь территорией мира.

Вечерний Брест тих, уютен и безмятежен. (Я не о газете, хотя ее мы тоже купили и нашли информативной; хотите узнать жизнь города – обязательно покупайте местные газеты.) Прошел ливень, остудил раскаленный асфальт и полил подсохшие травы. На вокзале танцуют разноцветные фонтаны, и я, как ребенок, с восторгом мочу в них ноги. В парке ивы полощут длинные волосы в пруду, а на темной глади воды – кувшинки с каплями дождя, в которых отражается закат. Из желтых бочек разливают свежайший местный квас, вкусный до невозможности. На острове влюбленные, скрытые ивами, наверное, шепчут признания, юные и полные надежд. И мы в этот вечер влюблены в жизнь, друг в друга и в Брест.

А завтра мы увидим своими глазами полный жизни заповедный лес – Беловежскую пущу.

Продолжение следует…

Остров влюбленных в городском парке Бреста

Родилась 1 июня 1977 года в Казани, лауреат премий «Большая книга» и «Ясная Поляна». Окончила Казанский государственный педагогический институт, факультет иностранных языков. С 1999 года живет в Москве, работала в сфере PR, рекламы, маркетинга. Окончила сценарный факультет Московской школы кино в 2015 году. Публиковалась в журналах «Нева», «Октябрь». Первые главы ее знаменитого дебюта «Зулейха открывает глаза» вышли в журнале «Сибирские огни». В 2018 году Гузель Яхина будет автором «Тотального диктанта»: три текста для разных часовых поясов, названные «Утро», «День» и «Вечер», станут частью её нового произведения. Роман «Дети мои» выйдет весной 2018 года.

Гузель Яхина

Это был мой дебют в литературе, в 2013 году. Рядом со Свияжском, на острове Дальний, у нас была дача. Поэтому на Свияжск ездили с родителями часто – просто так, отдохнуть, погулять. И Свияжск для меня – совершенно родное место. Те, кто бывал там в конце 80-х – начале 90-х, наверняка помнят странные чувства, которые вызывали храмы, превращенные в корпуса психиатрической больницы. Эти воспоминания и стали для меня толчком для написания рассказа «Мотылек».

МОТЫЛЁК

(в сокращении)

Огромная рука протянулась с неба и ухватила Мотылька за волосы. Волны, уже сомкнувшиеся над головой, расступились, в глазах опять полыхнул огненный шар закатного солнца. Мотылёк всё ещё судорожно ловил ртом воздух вперемежку с пресной речной водой, а неведомая сила уже тащила его — не в облачную высь, как показалось в первый миг, а на палубу небольшого рыбацкого катерка…

— Ты откуда взялся посреди Волги, пловец? — спасителем оказался высокий рыбак с белой щетиной на коричневом от загара лице.

Мотылёк с трудом подтянул к животу окоченевшие ноги и сел, прислонившись к борту. Вода стекала с волос и синих хлопчатобумажных шаровар, облепивших бёдра. Не двигая головой, он затравленно переводил синие глаза с одного рыбака на другого.

— Куда тебя девать-то? — рыбак с большими руками присел на корточки около Мотылька. — Мамка твоя где?.. В школу уже ходишь?..

Мотыльку никто не давал на вид больше семи лет, хотя ему в прошлом году исполнилось десять.

— Ладно, молчун, обсыхай пока, — отчаявшись дождаться ответа, рыбак кинул мальчишке чью-то штормовку из мягкого брезента. Тот мгновенно завернулся в неё, закуклился. Стало теплее, челюсти перестало сводить судорогой.

…Мотылёк понял сразу — и эта попытка не удалась. В голове ещё трепались лоскуты слабой

надежды: может, они причалят раньше, не доходя Острова? Или наоборот, пройдут мимо? Но схваченное холодом сердце уже знало ответ: побег не удался, катер идёт на Остров.

Остров никого не отпускал от себя. Ступив однажды на его каменистую землю, человек оказывался в полной власти этого мрачноватого на первый взгляд места. Кто-то понимал это раньше, кто-то — позже, кто-то — не понимал никогда. Но все они влачили и кончали свою жизнь здесь, на пышных холмах, среди могучих серебристых ив и куполов, увенчанных чёрными крестами, ровно посередине слияния двух великанов — Волги и Свияги. Вода здесь была так широка, что берега виднелись только в очень ясный день, и так глубока, что легко становилась иссиня-чёрной при сумрачном небе. Мотылёк не верил в сказки, но таинственная власть Острова над всеми своими обитателями была доказана многократно: все, кто пытался покинуть эту землю, возвращались к ней — раньше или позже, сами или по принуждению, живыми или мёртвыми.

Скоро на горизонте показался сам Остров. На нём было пять храмов — и все из красного кирпича. Сейчас, освещённые пламенем заката, они были налиты тяжёлым красным цветом: ткни — и брызнет.

Когда-то Остров населяла большая монастырская община, и храмы были местом паломничества. На заре советской эпохи монахов выслали: кого — на Север, кого — сразу на небо; а в монастыре расположили лечебницу для душевнобольных. Времена были тяжёлые, душа болела тогда у многих — клиника заняла пять храмов целиком и стала одной из самых больших в Поволжье, принимая в лучшие времена до трёхсот пациентов. Персонал с семьями поселился сначала в наскоро сколоченных бараках, а потом постепенно отстроил себе добротные дома, обзавёлся скотиной, развёл огороды... Сейчас, в начале восьмидесятых, здесь насчитывалось уже немало династий — люди работали в лечебнице во втором и третьем поколении.

Дед с Мотыльком приехали на Остров семь или восемь лет назад. Прежней жизни Мотылёк не помнил совсем, как и своих родителей. Над его кроватью дед повесил маленькую стёршуюся фотографию (любил повторять: «Помни дочь мою, мать твою!»): большеглазая старшеклассница в белом школьном фартуке и с бантами-верёвочками — вот и всё, что он знал о своём прошлом.

А настоящее не радовало. Дед работал в психушке, пару лет назад дослужился до старшего санитара. Пил много, постоянно — реже до бесчувствия, чаще до безумной горячечной злости. Потихоньку сходил с ума. Бил Мотылька нещадно: в трезвости — объясняя причину в перерывах между побоями, по пьяни — без лишних слов, просто так. Лёгкие щелбаны и тычки именовал «стопариками», пинки и удары посильнее — «стакашками», а полосование ремнём уважительно величал «поллитрой». «Сегодня будет поллитра, не меньше», — обречённо размышлял Мотылёк, наблюдая приготовления рыбаков к причаливанию.

Шум мотора резко стих. Под частый плеск волн и крики чаек катер, покачиваясь, ткнулся ватерлинией в старые автомобильные шины, навешанные на фронт причала, и пришвартовался.

— Заждались уже ваш груз, — раздался высокий надтреснутый голос.

Это был голос деда. Он вместе с двумя санитарами вышел из тени причального домика и, уперев руки в бока, ждал катер. Лицо его даже в мягком закатном свете оставалось жёстким — солнце резко обозначило извилистые борозды морщин, крутые выступы надбровных дуг, подушки набрякших век над бойницами глаз, узкую щель рта. Только седой бобрик проволочных волос золотился нежно и трогательно.

Мотылёк помертвел. Он сполз по внутреннему борту катера вниз, на палубу, и скрючился там под штормовкой, опустив на лицо капюшон.

— Это не наш груз — это ваш груз, — рыбак с большими руками легко спрыгнул на серые доски причала и протянул деду плотно набитый чем-то портфель. — Тут бумаги.

— А это... — рыбак завёл руку назад и достал со спины из-под ремня серую папку для документов, — ...накладная. Распишитесь.

— Получу — распишусь, — буркнул дед. — Где они?

Рыбак махнул рукой сотоварищам на катере. Через пару секунд из трюма показалась безволосая голова со свежими бритвенными порезами по всему затылку. Голова часто и мелко кивала. Мотылёк, наблюдавший за происходящим из блиндажа спасительной штормовки, по одному этому покачиванию узнал — белый. Белыми на Острове называли обитателей психушки. Когда-то очень давно пациентам выдавали белые пижамы. Потом их заменили на серые, позже — и вовсе на полосатые. А прозвище так и осталось — прижилось.

Белый не спеша поднимался из трюма. Когда пассажир вышел на палубу, стала ясна причина его медлительности — руки были заведены за спину и крепко связаны витым канатом на несколько хитрых узлов. От запястий канат шёл ниже, к ногам, и кольцами охватывал лодыжки, оставляя небольшое пространство для шага. Конец был в руках у рыбака, который поднимался вслед за пленником, направляя его лёгкими тычками в спину.

Вторым из трюма показался низенький толстяк. Его бритый череп был чересчур мал для оплывшего бесформенного тела, а руки и ноги — слишком коротки. Мотылёк заметил серебристую нитку слюны, падающую на мятый отворот пижамы, и кроткий, обращённый внутрь себя взгляд бесцветных глаз...

— Всё сходится, — подытожил дед, глядя в документы. — Два тела. Одно мужского пола, второе женского. Принял.

И расписался в накладной.

«Какое же из них было женского пола? — изумился Мотылёк. — Неужели толстяк?..»

— Это ещё не всё, — рыбак с большими руками спрятал папку с накладной обратно за спину. — Есть третье тело. Идёт под грифом «Ч». Документов, естественно, нет.

— Ммм... — дед матерно сплюнул. — Опять неучтёнка... Ну, давайте его сюда, недобитка.

Из трюма вывели третьего. Он был высок и худ, движения измождённые, но голову держал прямо. Оказавшись на палубе, внимательно огляделся и вдохнул всей грудью. Мотылёк понял: «Не настоящий белый».

...И пижамы больничной на нём не было. Не заправленная и не застёгнутая рубашка белым парусом стояла на ветру (приглядевшись, Мотылёк увидел, что пуговиц на ней не осталось), сквозь порванные в нескольких местах брюки светились бледные ноги. Чем-то он неуловимо напоминал Роман Романыча.

Тыкать в спину его не пришлось, он сам направился к причалу твёрдыми, несмотря на связанные руки и ноги, шагами. Вёдший его рыбак передал канат деду и с видимым облегчением вернулся к своему месту на корме, у мотора.

— Что велено передать на словах? — хмуро спросил дед, плотно наматывая канат на правый кулак.

— Вам позвонят, — рыбак с большими руками, не прощаясь, шагнул в катер и махнул на корму. — Заводи!

«Неужели пронесло?! — надежда ослепительной вспышкой мелькнула в голове Мотылька. — Неужели про меня забыли?..»

— Эй, стойте! — рыбак шагнул к неподвижно лежащей на палубе брезентовой куче, сгрёб её в охапку и поднял в воздух. — Это не ваш пацанёнок, случаем?

Мотылёк, крепко схваченный подмышки недавно спасшими его большими руками и плотно обёрнутый в кокон штормовки, тряпичной куклой повис над палубой. Дед, уже собравшийся вести пациента в глубь Острова, обернулся и сощурил свои и без того узкие глаза.

— Случаем, наш, — проговорил он очень спокойно. — Это внук мой, Митя. Мотылёк по-семейному.

Рисунок: Зулейха Камалова

Знакомая с детства железная рука схватила его за талию и намертво прижала к твёрдому боку: дед защемил внука в капкане подмышки — ногами вперёд, головой назад. Мотылёк ткнулся лицом в жёсткую задницу деда, но укусить не решился. Слёзы уксусом обожгли глаза... Задница деда пахла гнилым луком. Мотылёк отворачивал голову, затаивал дыхание, но смрадный запах неумолимо лез в ноздри...

Белые иногда сбегали из храмов и бродили по Острову — к этому относились спокойно, не торопясь и с душой ловили: охота на беглецов стала одним из любимых развлечений санитаров. Все знали, что уплыть с Острова невозможно: до берега — многие километры, течения сильные и холодные. Иметь свою лодку местным запрещалось. Все движения судов с Острова и на Остров строго контролировались.

Мотылёк бежал отсюда шесть раз. Первый раз в семь лет: пробрался тайком на палубу катера, еженедельно завозившего продукты на Остров, и спрятался меж ящиков. Заметили, развернулись посреди Волги и привезли обратно. Второй раз он был хитрее — проникнув всё на тот же продуктовый катер, забрался внутрь единственного открытого ящика и залез на самое дно, под какое-то ветхое тряпьё. Когда перед отплытием вернувшиеся с берега рабочие стали класть в ящик один за другим мешки с чем-то тяжёлым, Мотылёк сначала крепился и терпел; а когда тяжесть стала невыносимой — глухо заорал, сильно испугав рабочих. После этого случая дед стал запирать его дома во время прихода продуктового катера.

Третий раз Мотылёк бежал уже следующим летом, в свой день рождения, — ему исполнялось восемь. Сколоченный из украденных досок плот пару недель ждал своего часа в тайном убежище в ивовой роще. Через полчаса путешествия его, окоченевшего, с чернильно-синими губами, выловил из воды архивариус психиатрической лечебницы...

Прошлым летом Мотылёк попытался угнать с охраняемого причала один из штатных катеров психушки. Дед со вторым санитаром догнали его на втором катере посередине Волги и взяли на абордаж. Вращая побелевшими от ярости глазами, дед прорычал: «Хотел уплыть — так плыви!» и скинул Мотылька за шкирку в реку. Оба катера ушли на Остров, оставив Мотылька одного среди свинцовых волн. Плыл до берега почти час, думал, не выдержит — утонет. Выдержал.

Через пару месяцев, ошалев от неудержимого желания сбежать, попробовал уйти вплавь. Выплыв на середину Волги и полностью обессилев, понял, что до берега не доплыть, и есть только два пути — или обратно, или на дно. Развернулся. Сколько плыл до Острова, не помнил, как выбрался на сушу — тоже. Его нашли вечером лежащим без сознания на мокром прибрежном песке, отнесли домой. К деду.

...Не сбежал и в этот, шестой раз. Спасательный жилет, выкраденный со штатного катера психушки, нёс его по студёной майской воде пару часов, но потом выскользнул из задеревеневших рук и уплыл, оставив мальчика тонуть посереди Волги...

— Не вздумай рыпнуться, — это дед предупреждал белого, заводя его в дом и свободной рукой обвязывая канат с пленным вокруг холодной батареи.

Дед с усилием задвинул огромный скрипящий засов на двери и только потом разжал подмышку — Мотылёк больно грохнулся на крашеный дощатый пол.

— Сволочь, — лениво сказал дед внуку.

Мотылёк понял, что сейчас дед будет распалять себя, и попятился.

— Мразь недоношенная, — чуть громче проговорил тот. С каждым словом дедов голос звенел чуть выше, чуть звонче.

«Куда же деться?» — стучал в висках страх... Кухня была маленькая — громоздкий дубовый стол, старая плитка о двух конфорках, газовый баллон и ржавые гармошки батареи. Спрятаться негде. Мотылёк вскинул глаза на белого и поймал его внимательный сочувственный взгляд. Белый чуть повёл бровями, словно подавая мальчику какой-то тайный знак.

— Ах ты, параша! — дрожащими руками дед рванул из брюк ремень.

Мотылёк ящерицей юркнул по полу в ноги к белому. Дед хлестанул ремнём вслед, попал по батарее, та жалобно загудела и посыпалась остатками белой краски. Старик нагнулся, пытаясь вытащить внука из-под защиты чужих длинных ног. Мотылёк намертво вцепился в спасительные брюки, дед рванул его к себе, раздался треск разрываемой материи. Он вывернул голову назад и, ощерившись, клацнул зубами, пытаясь вцепиться в дедовы пальцы.

Вдруг белый сделал странное резкое движение туловищем — словно низко поклонился — и державшие Мотылька железные тиски разжались. Дед грузно оседал на пол, тараща ничего не понимающие глаза, над бровью вздувалась на глазах огромная лиловая шишка. На лбу у белого тоже заалела распухающая ссадина.

Рисунок: Зулейха Камалова

«Ударил деда головой», — догадался Мотылёк. Перекатился кубарем мимо деда, дёрнул на себя крышку подпола и нырнул в открывшуюся чёрную щель...

Доски над головой заскрипели и заныли. Это дед, медленно поднимаясь, топал и перебирал ногами.

— Уууууубью, — сказал он очень тихо и невнятно, но Мотылёк уловил.

— Убью, — продолжил дед через секунду с натугой, словно поднимая что-то очень тяжёлое.

Раздался грохот и сильный треск. На голову посыпалась густая пыль, все доносящиеся сверху звуки стали глуше. Скудный свет, проникавший сквозь тонкие щели, пропал — и Мотылёк понял, что дед придавил крышку подпола чем-то большим. Ага, перевёрнутым вверх ногами обеденным столом.

Глухо звякнула батарея, когда от неё отвязывали канат с пленным.

— Вот поставим тебя на учёт — и убью. Сам убью, никого не допущу... — еле уловил Мотылёк последние слова деда. Белый молчал...

Мотылёк остался один. Только сейчас он вспомнил, что нужно дышать, и с громким всхлипом распахнув губы, стал жадно глотать воздух. Отдышался. Тьма вокруг была черна, как сажа... Добрался до ступенек, заполз по ним вверх, скользя по влажному камню. Уперев затылок и плечи в крышку, попробовал приподнять её — но не смог даже сдвинуть. Дубовый стол лежал сверху недвижимо, как гробовая плита... Мотылёк запахнул потуже штормовку, сел на ладони, чтобы не замёрзнуть окончательно на холодных ступеньках, уткнул лоб в острые коленки и задумался.

Сегодня дед вложит в расправу всю свою душу. Хотя побои — дело недолгое, их можно перетерпеть, а синяки и ссадины пройдут, затянутся, зарубцуются, в конце концов, как два больших шрама на спине и один совсем крошечный на виске. Самое страшное — это длинные наказания.

Если дед опять привяжет его к кровати на весь день, Мотылёк выдержит. Он будет время от времени скашивать глаза на изголовье, где висит помятая фотография мамы, и думать о ней — так время пробежит быстрее. За день пару раз он описается, от жажды высохнет и станет шершавым язык, плечи и ноги распухнут в тех местах, где их пережмёт верёвкой. Но это мелочи, их можно будет исправить — когда дед отвяжет его, Мотылёк сначала выпьет целый чайник воды, и язык вновь начнёт слушаться. Потом выстирает в Волге бельё и матрас, чтобы не воняли мочой. Плечи и ноги пройдут сами через пару дней. Как будто ничего и не было. Так Мотылёк победит деда. Тот не будет об этом знать, но Мотылёк будет.

А вот если дед подвесит его за руки к притолоке, как в два последних раза, победить не удастся. Распухшие запястья и ноющие мышцы не пугали, это пройдёт. Пугали мухи. Они прилетят на запах его страха. Первые несколько часов он будет сгонять их с себя, дёргая мышцами — сначала быстро, потом всё медленнее, под конец еле-еле. Потом наступит момент, когда он будет не в силах прогнать их — и эти твари дождутся своего часа. Они будут садиться на лицо, шею, вздувшиеся вены на кистях рук, заползать под рубаху, шарить по животу, маршировать по бёдрам. Он будет чувствовать каждую из сотен маленьких лапок на своей коже... А когда вечером дед, придя с работы, развяжет его, и Мотылёк мёртвой тушкой рухнет на пол, мухи улетят, — чтобы ночью вернуться к нему в снах... Во сне будет страшнее, сон повторится много раз — уже нельзя будет сказать себе, что ничего не было. Таким наказанием дед победит.

Нет, ещё одного подвеса он не выдержит. Мотылёк встал с заледеневших ладоней и растёр их друг о друга. Лучше умереть. Или убить деда.

Эта мысль ещё ни разу не приходила ему в голову. Мысль была проста и делала простым всё остальное. Отменяла тычки, удары, побои, полосование ремнём, привязывание к кровати, подвешивание к притолоке. Отменяла багровые синяки, пульсирующие болью шишки, ссадины с открытым мясом посередине. Резкую боль, ноющую боль, глухую боль. Она отменяла страх...

Мотылёк снял штормовку, шаровары, оставшись голышом, и разложил на земляном полу. Один рукав штормовки тянулся вверх, касаясь ящика с картофелем, второй смотрел вниз; капюшон слегка наклонился вбок; штанины шаровар раскинулись в разные стороны. Тряпичный человечек будто спускался по ступеням и упал на пол.

Сам Мотылёк засядет в картофельном ящике. Он всё точно рассчитал. Дед, удивлённый необычной картиной, спустится по ступеням вниз. Возможно, даже снимет керосинку с крючка и возьмёт с собой, чтобы получше всё разглядеть. Присядет на корточки около тряпичного человечка, начнёт ощупывать его. И вот тогда Мотылёк выскочит из ящика, как чёрт из коробочки, и обрушит на склонённую голову полуторалитровую банку с солёными огурцами. Получите свои полтора литра на темечко!

* * *

...Его разбудил солнечный луч, ползущий по носу. Луч бил из щели между половыми досками. Где-то кричали чайки. Наверху уже наступил день.

Мотылёк выбрался из ящика, с трудом переставляя затёкшие ноги. Взобрался по ступеням, толкнул крышку — та легко поддалась. Высунув голову, осмотрел кухню — деда на ней не было. Засов на входной двери был открыт. Обеденный стол немного перекосился, его некогда крепкие ноги разъехались в разные стороны.

Выбрался из подпола. Чайник на плите был тёплым. На столе стояла грязная кружка, лежали хлебные крошки. Видимо, дед позавтракал и ушёл на работу. Часы на стене показывали половину девятого. Мальчик надел синюю форму и побежал в школу.

* * *

Любовь к девочке на несколько лет старше – безнадёжна. Мотылёк это понимал. Любовь действительно звали Любовью. Любе было четырнадцать. Да что скрывать, этой весной ей уже исполнилось пятнадцать. Она была выше его на две головы. У неё были восхитительные рыжие кудри и глаза цвета Волги. Когда она сердилась, глаза темнели и становились цвета Свияги. В этом году она заканчивала восьмой класс. Мотылек – четвёртый. Благодаря Острову они целый год учились вместе.

Систему школьного образования на Острове можно было назвать экспериментальной, если бы она была рождена чересчур смелой мыслью какого-нибудь новатора от педагогики. Но директор школы Р.Р.Николаев называл её вынужденной, чиновники в районном управлении соглашались и закрывали глаза. На Острове проживал двадцать один ребёнок младшего и среднего школьного возраста. Все дети учились в островной школе номер один, где трудились четыре педагога и директор. Один педагог мужественно нёс на своих хрупких старушечьих плечах все младшие классы: дети от семи до девяти учились вместе три года подряд, каждый год проходя заново программу младшей школы. Во второй группе ребята от десяти до пятнадцати получали основы среднего образования от трёх педагогов-многостаночников, достигших вершин мастерства в одновременном преподавании дисциплин разной сложности столь разновозрастной аудитории.

Мотылёк бежал в школу через холм и запыхался. Влетел в класс и рухнул на свою парту. Успел – урок ещё не начался. Краем глаза заметил знакомое облако рыжих волос у окна, внутри живота что-то привычно дрогнуло. И, как всегда, подумалось, что сначала он сам вырвется отсюда, а потом, через несколько лет, вернётся – выросший, возмужавший – и увезёт её с Острова. Навсегда.

– Не, в училище не хочу. Зачем? – Люба сидела на подоконнике рядом с большим синим глобусом и кокетливо вертела его пальчиком; коричневое платьице открывало круглые коленки и упругие бёдрышки, обтянутые эластичными колготками со сложным рисунком. Этот рисунок внимательно изучали, словно запоминая наизусть, два рослых восьмиклассника, стоявших рядом.

Распахнулась дверь. В класс мелким семенящим шагом вошла Липа Ивановна, по-простому – Липучка, поправляя на ходу выбившиеся из пучка жидкие волосы.

– Историю сегодня буду вести я, – объявила Липучка, бросая на учительский стол журнал.

– А Роман Романыч?.. Что с ним?.. Заболел?.. – раздались встревоженные голоса с парт.

Роман Романович Николаев был директором школы и при этом единственным учителем, который пользовался у учеников авторитетом, а у некоторых даже любовью. Он вёл историю, географию, ботанику и биологию, часто сплавляя эти дисциплины в единый увлекательный урок о жизни и её законах.

Урок Липучки Мотыльку не понравился. Как стёртую колоду, устало и обыденно, она тасовала жадных бояр, жестоких опричников, безрассудных стрельцов и даже самого властолюбивого и кровожадного царя Ивана Васильевича.

– ...Великий князь приказал срубить город с деревянными стенами, башнями, воротами; а балки и брёвна переметить все сверху донизу. Затем этот город был разобран, сложен на плоты и сплавлен вниз по Волге, вместе с воинскими людьми и крупной артиллерией... – Липучка мельком посмотрела на часы. До конца урока оставалось пять минут. – Сам Иван Васильевич возвратился в Москву, а город этот занял русскими людьми и артиллерией и назвал его Свияжском.

– Это что, про наш Остров, что ли? – громко спросили с задней парты.

– Да, – равнодушно откликнулась Липучка и продолжила чтение. – Построенный вскоре город стал базой русских войск при осаде Казани в 1552 году. Осада длилась полтора месяца и закончилась взятием Казани второго октября 1552

года. Третий по счёту казанский поход Ивана Четвёртого оказался успешным. Казанское ханство прекратило существование и вошло в состав Московского государства.

— Подождите! — вскинулись на задней парте. — А как?! Как взяли Казань-то?! Они ж, то есть мы ж, отсюда её брали, с этого Острова!..

Липа Ивановна всю свою жизнь вела в школе русский язык и литературу. Она напрягла лобные мышцы, пытаясь вспомнить хоть какую-нибудь информацию об этом историческом событии в школьном курсе литературы.

— Кажется, есть легенда о том, что со Свияжска был выкопан подземный ход в центр Казанского Кремля. По этому ходу русские доставили под кремлевские стены бочки с порохом и взорвали их, прорвав оборону защитников города, — неуверенно произнесла она. Класс восхищённо загудел.

— Но! — Липучка подняла вверх строгий палец. — Это всего лишь легенда. Сами понимаете, что выкопать подземный ход длиной в полтора десятка километров, да ещё и под такой большой рекой, как великая русская река Волга, в шестнадцатом веке было совершенно невозможно.

Дети разочарованно выдохнули. В этот миг зазвонил Большой Колокол. Значит, из психушки опять сбежал белый, и скоро начнётся облава.

Рисунок: Зулейха Камалова

Специальным приказом Наркомвоенмора ещё в тридцатые годы всё взрослое островное население обязали при первых же звуках тревоги поступать в распоряжение медицинского персонала лечебницы для поиска сбежавших пациентов — вплоть до их поимки. Для учителей не было сделано исключение, а это означало, что уроков сегодня уже не будет. Дети могли развлечься — принять участие в облаве. Или, если пока не хочется, понаблюдать за ней.

Мотылёк решил понаблюдать. Прибежав домой, он схватил фонарик (облава могла идти до темноты), сунул в карман пару зачерствевших пряников и помчался к храмам.

* * *

Ива росла у стены храмового подворья. Она была так стара, что, наверное, помнила то время, когда на Острове не было храмов. А может, совсем молодым деревцем видела и основателя поселения — царя Ивана Васильевича... На одном из её стволов сейчас сидел Мотылёк и наблюдал за происходящим внутри подворья.

Храмы лежали перед ним, как на ладони. Пять громад из рубиново-красного кирпича на вершине самого высокого холма Острова. Тридцать куполов, покрытых чёрной, блестящей на солнце чешуёй и увенчанных строгими крестами.

«Зачем их так много?» — всегда спрашивал себя Мотылёк. Чувствовал ответ, но не мог его выразить словами. Один такой храм, стоящий сам по себе, вызывал бы просто сильное впечатление. А пять — удесятеряли это впечатление. Удвадцатеряли. Вскрывали души людей легко, как открывалка сковыривает пробку с бутылки. И могли лить в эти души всё что угодно — добро, зло — перед таким впечатлением люди становились беззащитными детьми...

На храмовом подворье собиралось войско в белых халатах. Санитары и санитарки копошились муравьями, сначала бестолково, потом сбиваясь в кучки, отряды, постепенно упорядочиваясь и выстраиваясь в стройное вогнутое каре. В центре этого каре встал главный санитар. По огненно-рыжим волосам Мотылёк узнал Лю-

биного отца... Армия белой рекой потекла через храмовые ворота с холма вниз, в три разных конца. «Белые ловят белого», — подумал Мотылёк...

А может, сбежал тот самый, не настоящий белый, который спас вчера Мотылька от деда? Вот это бы здорово!.. Мальчик даже задохнулся от этой мысли. Может, попытаться найти беглого белого раньше санитаров и попробовать спасти? Укрыть в ивовой роще, в пещерах скалистого берега или в собственном подполе, наконец?

По форме Остров напоминал трилистник: в центре огромной красной сердцевиной рос храмовый холм, самый большой и высокий, в три стороны от него простирались холмы поменьше — лесной, скалистый и жилой. К последнему холму сейчас и летел Мотылёк.

Рисунок: Зулейха Камалова

Дома росли на жилом холме, как опята на трухлявом пне — густо, вперебой. Когда Мотылёк вбежал в деревню, она напоминала растревоженный улей. Кричало всё: козы, коровы, куры, люди, собаки. По главной улице рассыпался отряд поисковиков в белых халатах. Каждый подпоясан кожаным ремнём, с которого свисает моток веревки и большая деревянная трещотка. Некоторые орудуют трещотками, не снимая их с пояса, а кое-кто потрясает ими высоко в воздухе, издавая особо громкий и длинный треск. Санитары обыскивают каждый дом, каждый двор, каждый сарай, ни на секунду не прекращая трещать. Помогающие им взрослые за неимением трещоток громко и резко кричат: «О! О! У! У!...». Кто-то вытащил на улицу баян и стал лаять им, широко разводя в стороны меха. Дети завыли от восторга и пустились в первобытный танец посреди улицы.

Мотылёк пробежал всю деревню, от школы и до дедова дома, стоящего на отшибе. Понял: здесь делать нечего. Ищут тщательно и ищут везде: в домах, в подполах, в сараях, за поленницами, в собачьих будках... Не то что человека — и крысу найдут. Если беглец укрылся в деревне — ему не помочь. И мальчик решил бежать на другой холм, лесной.

Ивовая роща опоясывала лесной холм снизу, оставляя его просторную вершину пустой — на этой могучей лысине располагалось местное кладбище. Именно там сейчас и рыскал второй поисковый отряд. «Решили сверху вниз гнать, к реке», — понял Мотылёк. Он бесшумно прокрался ближе, притаился в кустах.

Островное кладбище было огромно и имело два крыла. С восточной стороны холма, всё в зарослях крапивы и буреломе, раскинулось Старое кладбище — там с незапамятных времён хоронили паломников, умерших на Острове. С запада к нему примыкало Новое кладбище, на котором хоронили уже граждан Советского Союза, работавших в психушке, а также самих белых. Санитары шагали по могилам широким хозяйским шагом. Одна рука работает трещоткой, вторая — сбивает большой палкой все высокие заросли. Добровольные помощники шли следом, вооружившись кто мотыгами, кто вилами, размеренно и часто вонзали свои инструменты в кусты, травы, цветы. Ранить белого можно, это не запрещается — запрещается его упустить.

— Под каждый крест заглядывать! Под каждый лопух! — раздался недалеко высокий голос деда, заглушая непрекращающийся треск. — Кто найдёт — как всегда, своё получит. Не обидим.

Вознаграждение не было прописано в специальном приказе Наркомвоенмора 1937 года. Но всегда имело место — хорошей столичной водкой и специальным продуктовым набором из Казани. С мыслью об этом кому-то и искалось веселее.

Мотылёк медленно отполз назад, в укрытие ив. Решил обежать рощу, пока санитары исследуют вершину холма.

— Дяденька, не бойся, — шёпотом звал он, тенью скользя от дерева к дереву и заглядывая в дупла и норы.

Дневной зной утихал, солнце клонилось к закату. Санитары уже шныряли по склонам холма, спускаясь всё ниже, звук трещоток приближался. Оставалась последняя надежда — что беглый на скалистом холме. Он был назван так из-за каменистого обрывистого берега, в высоких стенах которого зияло несколько ущелий и пещер. Именно в этот холм билась грудью коварная Свияга, обманчиво приветливая при хорошей погоде и нескрываемо свирепая при плохой.

Мотылёк успел обыскать две пещеры. Излазил на брюхе вдоль и поперёк, дочерна испачкав школьный костюм и промокнув насквозь. Шарил слабым фонариком по сочащимся водой камням, залезал за скользкие валуны, звал в расщелины.

— Дяденька, я тебя спасу! Покажись... — шелестел он, и его шёпот еле слышным эхом отражался от мокрых стен, таял в звоне пещерной капели.

Когда Мотылёк изучал третью пещеру, следом вошли санитары. Трещотки их звучали устало, голоса — зло и тихо. Мотылёк летучей мышью взметнулся по камням за тёмный валун куда-то под самый потолок, вжался лбом в гигантский сталактит, зажмурился, окаменел.

— Искать, сволочи! Искать, гады! — командовал низкий голос; Мотылёк узнал бас Любиного отца...

Никого не обнаружив, ушли дальше. Но кто-то один ещё оставался, топтался, стуча тяжёлыми подошвами. Мотылёк уловил запах дыма и, приоткрыв глаза, осторожно высунулся из-за сталактита. Главный санитар. Он сидел на камне у самого входа в пещеру, сгорбленный, и курил, глядя на волны. Огненная шевелюра пламенела на закатном солнце, сизое дымное облако стелилось к камням. Вдруг он резко повернулся к пещере и вперился в темноту.

— Ты здесь, сука политическая? — громко и отчётливо спросил тишину. — Ты здесь, сволочь под грифом «Ч»?!.. А ну выходи!

Мотыльку показалось, что главный санитар смотрит ему прямо в глаза. Сердце колотилось о холодный валун так громко, что могло выдать. Но тот уже опустил голову низко на грудь.

— Господи, меня же самого под грифом «Ч» пустят... — услышал Мотылёк его трагический шёпот. — Даже на учёт поставить не успели, собаку... Господи, господи, за что мне это...

Докурил, обречённо выбросил непогашенную сигарету вглубь пещеры — она золотой кометой пронзила бархатную черноту — и вышел.

«Так и есть: он! Мой сбежал! Мой!» — возликовал Мотылёк. Но только мальчик хотел спуститься из своего укрытия, как внизу раздался чей-то сдавленный смех. Вновь припал лбом к сталактиту и замер. Из-за большого валуна, приглушённо хихикая, вылезали двое.

— Тебя же накажут, — знакомый женский голос.

Мотылёк напряг зрение, и ему показалось, что в темноте он видит рыжие кудри. Люба?

— И тебя отец не похвалит, если узнает, — голос мужчины.

Двое всё ещё оставались у валуна, в тени, и Мотылёк не мог их видеть. В наступившем долгом молчании он уловил чьё-то еле слышное постанывание, а потом тихий мокрый звук, словно камешком по воде плеснули. «Целуются», — догадался мальчик, и сердце его перестало стучать о холодный валун.

Постанывания становились всё более долгими. Дыхание обоих — всё более глубоким и напряжённым. К дыханию примешивались звуки

размеренного движения двух тел, шуршание одежды, иногда некстати раздавалось потрескивание трещотки. Скоро мужчина стал дышать так громко и быстро, что перекрывал несущийся снаружи шум волн.

— О… о… у!.. у!!.. — вдруг прерывисто закричал он.

— Хорррошо! — вскрикнула Люба в ответ так, как обычно кричат от боли.

Двое закончили свои странные поцелуи. Неровными шагами пошли к выходу из пещеры, и Мотылёк увидел их пошатывающиеся силуэты на фоне волн. Люба поправляла юбку и подтягивала колготы. Мужчина отряхивал свой белый халат, поправлял трещотку на поясе.

Не чувствуя рук и ног, Мотылёк медленно сполз с валуна и вышел из пещеры. Забыв про поиски, побрёл вдоль линии прибоя. Он понял, что не увезёт Любу с Острова…

И вдруг Мотылёк увидел его. Тяжёлым чёрным бревном тело медленно выплывало из прибрежных камышей. Первой шла голова. Прозрачнокрылая стрекоза присела на круто торчащий вверх бритый затылок и тотчас же упорхнула. Следом показалась спина и тянущиеся вдоль тела руки. Раздутые изнутри водой рукава белой рубашки казались наполненными огромными мускулами. Ноги в тёмных штанах шли последними. Так и есть, это был тот самый ненастоящий белый, который вчера спас Мотылька от дедовых побоев.

Когда утопленник подплыл совсем близко, Мотылёк разглядел вокруг него целое облако мелких рыбок. Под тонкий плеск волны и шорох камыша белый ткнулся головой в песок у самых мотыльковых ног.

Мотылёк решил не извещать санитаров о своей находке. Он только посмотрит ещё раз на белого, а потом спрячет его в камышах. Ночью приволочёт свои старые, кованые железом санки и привяжет к ним труп. И спустит на дно в каком-нибудь глубоком месте — их тут поблизости предостаточно. Пусть лежит себе на дне, рыбы его потихоньку подъедят, — всё лучше, чем обратно в психушку…

Мотылёк ухватил обеими ладошками холодную мокрую кисть и завёл руку утопленника за спину. Кряхтя от натуги, потянул дальше — и тело нехотя перевернулось на спину, вперив в небо забитый речным песком профиль. Мальчик черпанул ладошками воду и окатил острый нос и торчащие скулы. Тёмный в наступающих сумерках песок сполз с кожи, как маска.

Это был не белый. Роман Романыч лежал на берегу — в светлой рубашке, раскинувши руки, с выражением глубокой тоски на слегка распухшем от воды лице. Тёмные глаза вопросительно смотрели на первую звезду, разгоравшуюся в небесной синеве. Закатное солнце золотило щёки, придавая чертам живость. По правой щеке ползла огромная коричневая улитка, шевеля шишковатыми рогами.

В этот миг забил Большой Колокол, возвещая о том, что где-то там, на Острове, санитары нашли беглого пациента. Мотылёк рванул с места, перебирая запутавшимися в воде голыми ногами. Кеды остались валяться на берегу. Утопленник по-прежнему внимательно изучал звёздное небо. Улитка продолжала свой путь по его бледной щеке.

* * *

Мотылёк мчал по Острову, колотя голыми ступнями по земле, камням, траве, песку. Ноги несли его куда-то прочь, прочь, прочь, прочь. Сердце билось в горле. В глазах мелькали кусты, деревья, холмы. Вверх по холму — вниз. Вверх — вниз. Силы кончились разом, внезапно. По макушкам торчащих из густой крапивы деревянных голбцов понял, что оказался на Старом кладбище — с той стороны, где уже давно никто не ходил. Пробежал ещё десяток шагов на непослушных ногах и споткнулся о криво растущий из земли крест, ничком полетел на одну из древних могил.

Едва обессиленное тело коснулось могилы, земля под ним разверзлась — и Мотылёк полетел дальше вниз, в черноту провала. От ужаса закричал, но сверху уже сыпалась земля и куски дёрна, заглушая крик. Показалось, что падал долго. Сначала отвесно, потом шваркнул брюхом по пологому склону, поехал, покатился по жёстким

комьям головой вперёд. Как мог, защищал голову руками, но корни растений всё равно царапали лицо. По узкому тоннелю он мчался куда-то глубоко вниз, к самому центру земли. Мелькнуло: в ад. Постепенно движение замедлилось, и скоро Мотылёк смог упереться руками и ногами в стены тоннеля — остановился. Стояла абсолютная тьма. Пахло сырой землёй. Не доносилось ни единого звука.

— Мама, — выдохнул Мотылёк.

Голос прозвучал ватно. Никто не отозвался.

Сел, голова коснулась свода. Ощупал руками вокруг — твёрдые земляные стены. Отполз назад, к выходу — ткнулся головой в насыпь из твёрдых кусков земли и камней. Проход засыпало. Попробовал разгрести руками завал — куда там! Усердствовать побоялся — плотная стена из комьев и камней могла осыпаться и поглотить его. Оставался один путь — вперёд.

Мотылёк медленно пополз, опираясь на колени и запястья, то и дело вытягивая вперёд руку, чтобы нащупать направление. Слышал только

Рисунок: Зулейха Камалова

своё дыхание... Полз долго. По ощущениям — с небольшим уклоном вниз. Глаза постепенно привыкали к кромешной тьме. Вдруг вспомнил о фонарике, достал его из кармана. Включил: слабый жёлтый свет залил на мгновение округлые своды, ножом резанув по глазам, и заморгал, — недавние поиски в пещерах были долгими, и батарейка успела разрядиться. Он решил беречь фонарик и спрятал его обратно в карман.

Внезапно земля стала ещё более холодной, после — влажной, а потом под ладонями захлюпала вода. Чтобы не мочить колени, он сел на корточки и стал передвигаться гуськом по щиколотку в воде. Вода всё прибывала. Скоро Мотылёк сидел уже по пояс в воде. Фонарик зажал в зубах. Полз вновь на коленях — так было удобнее. Через несколько минут вода дошла до локтей. Потом до груди.

Решил включить фонарик и осмотреться. При слабом мерцающем свете увидел уходящую вдаль неровную кишку прохода, почти заполненного водой. Низко над головой нависал потолок, с него сочилась влага. Далеко впереди проход немного поворачивал. Что там, за поворотом? Бережно выключил фонарик, долго добирался до поворота.

Скоро вода дошла Мотыльку до шеи. Звук дыхания отражался от поверхности воды: вдох-выдох, вдох-выдох... Пришлось двигаться медленно: стоило ползти чуть быстрее — и маленькие волны, поднимаемые его телом, плескали в лицо, попадали в нос.

Вода поднялась до подбородка. Покрыла его. Затем покрыла плотно сомкнутый рот. Раскрыл губы, попробовал на вкус — солёная, будто морская. Мотылёк остановился и ощупал потолок: впереди он окунался в воду. «Назад!» — билось в висках в такт сердцу. Он зажмурился, набрал полную грудь воздуха и, оттолкнувшись ногами изо всей силы, нырнул вперёд.

Плыл, отталкиваясь руками и ногами от стен. Голова то и дело билась о потолок. Мотылёк постепенно выпускал воздух из лёгких. Скоро воздух закончился. Через пару секунд

ощутил что-то вроде слабого течения. «Несёт к реке?» Додумать не успел: обезумевшее без воздуха тело задёргалось, ногти зацарапали податливую глину потолка...Очнулся от глубокого судорожного вдоха. Он всё ещё плыл по проходу, полностью заполненному водой, — лёжа на спине, кончиком носа касаясь потолка, вдоль которого тянулась полоска спасительного воздуха. Постепенно эта тонкая полоска становилась шире, скоро он смог перевернуться и встать на колени. Вода спадала, некоторое время спустя исчезла совсем. Мотылёк, насквозь мокрый, рухнул на сырую землю и сладко заснул. Через пару минут проснулся от холода. Тело било мелкой дрожью, зубы стучали во рту. Сжался, обхватил руками колени — и вдруг нащупал в одном из карманов какой-то странный предмет. Сделав над собой усилие, достал: липкий свалявшийся комок еле умещался в ладони — пряник! Жадно засунул в рот всю пригоршню, на зубах хрустнул песок. Сладкий вкус размякшего текста немного отдавал рыбой и гнилью...

Вдруг далеко впереди появилась какая-то слабая тень. Он сам не понял, увидел ли он её свыкшимися с темнотой глазами или просто почувствовал. Тень бесшумно и быстро передвигалась по полу. Вот она уже в паре метров от мальчика. Обострившимся слухом уловил еле заметный звук присутствия небольшого существа. Скоро теней стало две. Три. Много. «Крысы», — понял Мотылёк. — «Голодные». Времени на размышление не было. Он оскалил зубы и с низким лаем бросился вперёд. Клацая челюстями и заходясь протяжным воем, он бежал вперёд на четвереньках, неуклюже, но стремительно. Иногда ударялся плечами о стены или головой о потолок, но не замечал этого. В какой-то миг ему показалось, что он действительно хочет догнать крыс, — хоть одну из них, самую мелкую, впиться ей в холку и резко тряхнуть головой, чтобы сломать позвоночник... «Уууу!!» — из последних сил выл он вслед убегающим теням, утирая катящиеся по щекам слёзы. Скоро вой перешёл в поскулывание и затем в плач. Но крысы этого уже не слышали, они ушли. Поревел, скрючившись на земле, пополз дальше.

Скоро почувствовал, что потолок отдаляется, поднимается — ход становится шире и выше. То и дело вытягивал руку вверх, проверяя высоту. Смог встать. Каким наслаждением было идти прямо после долгих часов на коленях! Чувствовать голыми ступнями каждый камешек, каждую трещинку пола. Мотылёк блаженно вытянул руки вверх, приподнялся на цыпочки, выгнулся всем телом — пальцы едва коснулись свода. Теперь, когда ход стал много шире, было сложнее ощупывать стены в поисках боковых ходов. Он шел, попеременно ведя рукой то по левой, то по правой стене. Вдруг ладонь повисла в пустоте: стена обрывалась. Он метнулся к этому месту и ощупал его. Это была всего лишь ниша в стене, дупло размером с собачью будку. Недолго думая, Мотылёк залез в него, свернулся уютным калачиком и заснул.

Спалось сладко и долго. Под конец приснился странный сон — где-то с громким стуком колотилось большое сердце: «Тук-тук! Тук-тук!..» Далёкий звук раздавался всё ближе, ближе. «Тук-тук!» — прозвучало совсем рядом, и мальчик проснулся. Мотылёк в ужасе открыл глаза и увидел, как большая освещённая фигура мелькнула в проёме его укрытия. «Тук-тук!» Ещё одна фигура пролетела. «Тук-тук!» — стучали копыта коней, и всадники один за другим проносились перед взором мальчика. Они держали в руках горящие факелы, неровный свет падал на суровые лица, заросшие бородами по самые глаза, отблёскивал в лезвии секир за плечами. Гигантские тени неслись за своими хозяевами по округлым стенам. Кавалькада проскочила быстро. Когда звук копыт замер, раздался новый приближающийся стук. Вторая группа всадников летела по подземному проходу и вскоре проскакала мимо укрытия Мотылька. Пахло конским духом и горящей паклей. Изредка доносилось короткое ржание. Скоро и эти звуки стихли.

Через несколько минут мальчик различил топот приближающейся третьей группы. Коней было совсем мало, — два или три, — и они несли своих всадников медленно и осторожно. «Тук... Тук...» — задумчиво ступали копыта. Мотылёк различил негромкие голоса — один

высокий, волнующийся, второй низкий, упрямый. Голоса о чём-то горячо спорили. Не доехав совсем малость до норки, где притаился мальчик, всадники остановились и продолжили свою перепалку. Мотылёк видел на стене их дрожащие длинные тени — тени взмахивали руками, ссорились.

— Рассуди ты, государь, кто из нас правее, — умоляюще произнёс наконец высокий голос.

— Рассуди, будь милостив, — согласился упрямый бас. Повисла секундная пауза.

— Оба неправы, олухи, — прошелестел третий голос, бесцветный, как ветер. — Не видать ему ни дыбы, ни кипящей смолы. Так легко он от нас не отделается. Думайте, бездари, думайте!

И подал коня вперёд. Медленно появлялся обладатель третьего голоса в проёме Мотылькова дупла. Сначала выехала морда коня: чёрная, лохматая, в тускло отблёскивающей сбруе. Затем показалась рука, держащая факел, костистая, длиннопалая, на каждом пальце по большому перстню. Обшлаг красного бархатного халата. И, наконец, лицо: бледное, длинное, с торчащими буграми скул над жидкой тёмной бородой, с чёрными вороньими глазами без век под кустистыми бровями. Соболья шапка с расшитой золотом маковкой съехала на затылок, открывая пряди немытых волос, расчёсанных на прямой пробор. Человек устало прикрыл глаза и пустил коня быстрее. Двое других, торопясь, устремились за ним, и Мотылёк не успел их разглядеть. Скоро всё стихло.

Проход был, как и раньше, высок и широк. Мотыльку даже показалось, что он ведёт немного вверх. Вдруг что-то заставило его остановиться. Замер, ощущая какое-то непонятное изменение вокруг. Понял — в узком коридоре стало будто больше воздуха. Стал ощупывать земляные стены и пол. А пола перед ним не было. Он стоял на самом краю обрыва. От неожиданности выпустил из рук фонарик — тот беззвучно канул в провал. Звука падения мальчик не услышал. Сел на землю, постарался унять дрожь в ногах. Стал изучать стены: возможно, есть какой-то уступ, тропинка, ведущая по кромке стены? Не было тропинки, не было уступа.

Куда же делись всадники? На протяжении всего пути от места встречи с ними и до этого самого провала в проходе не было никаких боковых ходов, Мотылёк это точно знал. Значит, уйти другим путём они не могли. Неужели канули в пропасть? Не может быть, у них яркие факелы, они бы увидели провал. Ответ один: это просто глубокая расщелина, и недалеко впереди — её второй берег. Всадники перескочили расщелину на своих конях. Жаль, что фонарик пропал! Мотылёк мог бы кинуть его вперёд и проверить свою догадку по звуку падения. И мальчик решил прыгнуть сам.

Он ещё раз нашёл руками место, где земля уходила отвесно вниз. Отмерил от него десять больших шагов. Встал, приготовился. Распахнул пошире глаза, сжал кулаки. Разбежался, считая про себя шаги. Последний пришёлся на самую кромку, голая ступня упёрлась в ребро обрыва. Оттолкнулся, взлетел в темноту. Показалось, что летел долго, пока твёрдая земля не ударила его в грудь. Вцепился в неё руками, ногтями, заелозил ногами по отвесной поверхности — пауком взобрался на противоположный берег провала.

Наверное, наверху уже наступил следующий день. А возможно, даже следующая ночь. Время замерло. Ладонь наступила на что-то твёрдое и острое. Мальчик вскрикнул и прижал запястье ко рту, останавливая сочащуюся кровь. Камень? Или корень? Второй рукой осторожно ощупал предмет — что-то длинное и острое, скорее всего, палка...

(с) Гузель Яхина, опубликовано по договоренности с международным литературным агентством ELKOST

Полную версию рассказа можно прочесть на сайте http://idel-rus.ru/

Эдуард Учаров

ИЗ ЦИКЛА «ДОРОЖНЫЕ ХРОНИКИ»

И ехали, переломив ноги в коленях, и вышли во тьму: так и не спавшие, сирые, с тремя заплечными сумищами и двумя поменьше, у одичалой автобусной скамьи, когда всё живое ещё спало, сопело и кряхтело по домам в сытом тепле… Печёрская споткнулась и кубарем покатилась налево к стенам монастыря с падающей колокольней. Улица оглянулась в последний раз и впала в гребной канал…

МАРИЙСКИЕ ОЗЁРА

Воскресло тело моё, омытое пятью марийскими озёрами…

У местечка Шарибоксад, над пропастью и музыкальным камнем, взирает на всех спускающихся к нему Морской глаз. Озеро Мушыл, прибывающее двумя родниковыми водопадами, салатовой морской водой лечит изнеможение жизнью…

Озеро Зелёное за местечком Помары песочными берегами и зеленью отражённых деревьев излечивает человека от смертельных мыслей и очищает сердце от дурной крови…

Лоси озера Кичи-Ер застыли белокаменными глыбами в глубине леса. Вечно стоят они и плачут в тихие воды. Соль их слёз молодит кожу и растит веселие…

Озеро Мушан-Ер кривыми водами полумесяцем огибает лесные чащи, ощетинившись камышами и кувшинками. Кто сумеет оплыть озёрные водоросли и выплыть к падающим башням сосен на противоположном берегу — тот сохранит дерзость и молодость души до конца своих дней…

Великое озеро Конан-Ер — дичайшее место марийской земли — спряталось далеко в лесах. Это здесь по ночам русалки вышивают марийские узоры на водной глади. Это здесь вечно блуждающие отряды Пугачёва так и не могут отыскать дорогу на Галицкий тракт. Это здесь четырёхсотлетний дуб укрывает кроной мятежного царя. Это здесь Кленовая гора лечит странников от всех болезней — стоит только заночевать в целебной роще и бросить в котелок с

кипящим ужином горсть кленовой земли. Это здесь сходятся времена и события, а лесная вода утоляет жажду никогда уже не сбывшихся лет…

шиеся балкончики, пытающиеся выпасть оконные рамы, Большая Советская с купеческими постройками, деревянная текстура мужицкого зодчества — мои рваные кроссовки, предусмотрительно надетые в начале волжского пути, равно комфортно топтались по суглинку и коврику заднего сидения автомобиля.

Стало быть — Лысково.

Неласковое Лысково осветилось, зевнуло и перевернулось на другой бок досыпать.

ЛЫСКОВО – МАКАРЬЕВО – ВАЛКИ – БОР

Лысково

И ехали, переломив ноги в коленях, и вышли во тьму: так и не спавшие, сирые, с тремя заплечными сумищами и двумя поменьше, у одичалой автобусной скамьи, когда всё живое ещё спало, сопело и кряхтело по домам в сытом тепле.

В Лыскове мы очутились — не было ещё трёх часов ночи. Нужно было двигаться, чтобы не замёрзнуть. В конце сентября на лавочке до рассвета не посидишь — зазвенишь через полчаса и рассыплешься на ледяные иголочки… С тюками тоже далеко не уйдёшь. В избу не постучишь — не те времена.

Конечно же, нужно добраться до Казанской церкви и пофотографировать её в три часа ночи. Это будет весело — решили мы чуть не плача…

И Казанскую церковь с белокаменными шатрами, и Спасо-Преображенский собор с восходящим солнцем у правого плеча, и храм Вознесения Господня в лесах и проломах мы увидели и ночью, и когда рассвело.

Приехал брат Александр на переправу — тут мы с ним и познакомились. Древние лысковчане уплыли в Макарьево первым паромом, а мы спокойно прошли и проехали старый город и улицы с полурухнувшей архитектурой. Завали-

Паром и Макарьевский монастырь

Древний паром шелестел меж волн. Отправляясь на поиски другого берега, он потихонечку начал тонуть, но прежде чем окончательно хлюпнуть в небытие — успел отыскать левое ребро Волги. Пряная тина прорастала и обвивала подошвы машин. О кроссовки бились золотые рыбы и оборачивались чешуйками рассвета.

Купола Макарьевского монастыря волшебными магнитами притягивали взгляды, катера и яблочный запах.

Монастырская стена — гигантская дровяница ещё не вспыхнувшего человечьего тепла. Берёзовые чурки, вмурованные в кирпичные ниши, потрескивая и всё же на что-то надеясь, ждут жаркой участи.

Фрески Троицкого собора, чудом сохранившиеся, лоскутами свисают с колонн и стен. Кирпич — красным сургучом опечатывает библейские сюжеты. Под куполом бывшее голубиное царство. Оно всё ещё разгоняет птичий клёкот.

Макарьев — словно конь — весь в яблоках. Это не облака тяжело переваливаются над храмами, а звенящий сочный яблочный дух льётся на православные кресты молочной пеной. Яблоки горят на солнце, глухо падают на дорожки между церквями, тяжелеют на ветвях, пригибая их к земле. Ряса тонет в яблоках, не доплывая до ворот… Яблочное гудение и желтоводский звон…

Валки

Село Валки. Лесное кладбище. Могилы полны грибов. Белые и обабки теснятся у крестов, у проржавевших оградок, на травяных холмиках, прямо на тропинках и у извилистых берёз, прорастающих над хлипкими калитками.

Кроссовки мои осторожно обтекают крепкие и пупырчатые, словно булочки с маком, мухоморы. Налившиеся недельным дождём подберёзовики горестно хрустят от бесцельности карьерного роста... Кажется, что на любом кладбищенском дереве – безнадёжно цветут опята. Людей оборачивали в деревянные одеяла и прятали в сосновые коробки, они старались, питали мать-грибницу. Но плоды ушедших – никому не нужны...

Лесное кладбище заканчивается лесной церковью. Возле лиственного храма – колодец и звонница. Храм на замке. Ключи под половиком. Заходи и помолись. Помяни всех ушедших в большие города. Поставь свечу за здравие и возвращение. Церковный хор – осенний лес с протяжно шелестящими ветвями...

Бор

Хорошо просоленными лещами, трепыхающимися над Волгой, заскользили мы в Нижний Новгород из Бора. В подвешенных за жабры инопланетных кабинках слегка потрясывало, металлическое скрежетание троса тоже не слишком успокаивало, но виды на серебристый ремень реки и белокаменный Печёрский монастырь – уравновесили беспокойство и восторг. Нижний спускался к воде с таких крутых высот, что не каждый дятел долетит до середины кремлёвских холмов...

НИЖНИЙ НОВГОРОД

Нижегородский кремль

Красный пояс стен. 13 башен властелина Горького. Конструктивистский Дом Советов и Архангельский собор. Вереница лестниц и застоявшиеся дорожки. Спуски, аллеи, осенние деревья. Говорят, что у одной из башен существовало место, называемое Холм поэтов. Где, если не здесь? Кремль дик и пустынен ранним утром...

Кроссовки ворошат кучу пожелтевших воспоминаний...

Верхне-Волжская набережная

Верхне-Волжская набережная – осенняя дума домов. На вторых этажах и крышах произрастают деревья. Извилистые лестницы льются с холмов к Волге. Только Чкаловская лестница, наоборот, взлетает вверх к Кремлю и бесконечной восьмёркой уходит на вираже в небеса. Стены дома Рукавишникова – ода музам и львам. Львы гарцуют, музы рокочут. Листья звенят золотом. Дворники очиняют мётлы.

Большая Печёрская

Большая Печёрская деревянными узлами вязала взгляды и отёсывала спины зазевавшихся об заносчивые углы срубов. Сползающие на головы балконы и крылатые наличники, стремящиеся взлететь в печёрское небо – тоже собирали наши взоры, сушили их на конфорочном солнце и выкладывали на карниз, дабы насытить жадных синиц и дребезжащих в грязные стёкла воробышков.

Рыболовецкая сеть, греющаяся на салатовом заборе, сползала в туман и бредила лещами.

Печёрская споткнулась и кубарем покатилась налево к стенам монастыря с падающей колокольней. Улица оглянулась в последний раз и впала в гребной канал. Утекли деревянные дома. Клином в небо вспорхнули наличники. Блеснул карниз. Мелькнула растопырившая пальцы сеть. Шаги мои потонули в разбежавшихся кругах.

А стоптанные кроссовки до сих пор чиркают печёрский асфальт и поджигают закатные лужи...

Покровская и Рождественская

Большая Покровская наверху, а Рождественская внизу. По Покровке бродят толпы её фанатов, а Рождественская прозрачнее. Здесь дребезжит красный советский трамвайчик и есть Строгановская церковь. А на Покровке — банк и козёл. Примета времени?.. На Рождественской кроссовки мои попали в соляную засаду...

Вознесенский Печёрский мужской монастырь

Опрятный и зелёно-белый. Наклоняющаяся колокольня на дубовых сваях. Некрополь бояр и княгинь. Галерея переходов. Берёзы с опущенными плечами. Аккуратные башенки. Сытые коты. Приветливый и жизнерадостный батюшка. Это всё всамделишное. Скворечник в виде собора на густом дереве. Свежевыдолбленный колодец, пахнущий сосновой водой. Ажурная водосточная труба. Яркая плитка. Чистые стены. Евроремонт под ключ?..

Набережная Федоровского

С Покровки надо свернуть на Лыкову дамбу. Пойти по Добролюбова, мимо Почаинского оврага и здесь сделать мучительный выбор. Либо у старинной Мироносицкой церкви свернуть к домику Петра и спуститься дальше к Казанской церкви и памятнику Минину и Пожарскому. Либо по Добролюбова прошагать к палатам Афанасия Олисова и Успенской церкви. Здесь начинается набережная Федоровского, оглядывающая Рождественскую и берег Оки. Отсюда изумительный вид на Стрелку, Канавинский мост, который мы наполовину истоптали, и собор Александра Невского, до которого мы пока не добрались.

Набережная провисает над двумя безднами оврагов и выводит к воздушному шару Жюля Верна — не хочешь спускаться к Благовещенскому монастырю — лети себе в облака...

Благовещенский монастырь

А если решил спуститься по крутой лестнице вниз — припади к святому источнику у часовни Алексия Митрополита. Обойди духовную семинарию и увидь израненные монастырские стены, а за ними купола Благовещенского собора, Успенской церкви и церкви Сергия Радонежского.

Стены трещат по швам, их подпёрли чужими брёвнами в моих полных сочувствия очах.

С Мельничного перекрёстка видна вдребезги разбитая, но чудом ещё живая колокольня. Пошатываясь, она вдруг так переливчато заголосила, что я встал как вкопанный. Закурил. Но вместо дыма вдыхал чарующий колокольный звон, вбирал его весь в себя до дрожи в груди...

Хостел

Это не хоспис и не костёл. Это хостел. И ничего здесь страшного нет. Пора просыпаться и хоронить кроссовки. Прощайте, друзья. Вы были на мне на Самарской луке, в Тольяттинской тайге, на марийских озёрах, на булгарских руинах. И в сызранской пустыне, и в крутушинских дебрях я полагался на вас. Вами исхожена вся Казань — великая и прекрасная.

А теперь я оставляю своих друзей на Варварской в Нижнем Новгороде на оконном карнизе исторического дома, потому что друг — заслуживает прощального луча восходного солнца...

ЧЕБОКСАРЫ

1 сентября.

Вот и осень наступила на ногу.

Барашки — на заклание. Птицы — на юг. Дети — в школу. А мы — в Чебоксары.

Чапай

Город этот, наверное, прежде всего про Чапаева?

В своём сквере легендарный начдив на яростном коне рвётся к ж/д вокзалу.

Чепает саблей небо.

Позади — тачанка и избушка, в которой он родился, впереди — слава в веках.

Музей, фонтаны и барельефы.

Книги, фильмы, анекдоты.

Чапаев в наших сердцах.

Нет там никакой пустоты.

Проспект Ленина – улица Карла Маркса – бульвар купца Ефремова

Это всё одна улица. Просто метаморфозы.

Для нас улица началась с детского сада «Крепыш» (а с чего же ещё начинаться улице?) и провалилась в Чебоксарский залив.

Крепыш смотрел на Чапая.

Чапай указывал саблей на киоск «Чаваш Пичечё» (Чувашпечать).

В стёклах киоска отражался бордовый памятник Андрияну Николаеву, а на прилавке лежало «Женское счастье» по 47 р. за штуку.

На это, уже потрёпанное, женское счастье заинтересованно поглядывало окно с головами манекенов.

Далее по улице располагались академик Волков и пионер космоса Юрий Гагарин с неестественно вывернутой правой кистью. Видимо, где-то успел вляпаться в вакуум.

Пионера Юрия Гагарина окружали детские сады «Зоренька» и «Россияночка».

О шикарной геометрически-орнаментальной библиотеке чуть позже, а вот если о бюстах — дальше высился чувашский поэт и председатель ревтрибунала (убийственное сочетание!) — Мишши Сеспель.

После улица уклонялась в правый оппортунизм, именовалась уже улицей К. Маркса, встречала пешеходов кварталом силовых структур и перво-наперво дружелюбным бюстом Дзержинского с бантиком возле управления ФСБ.

Оппортунизм крепчал на площади Республики у Дома правительства, где бодрый Владимир Ильич уверенно направлялся в Рождественский храм.

Последняя ипостась улицы — бульвар купца Ефремова — краткий восторг иллюминации и сада камней с Остапом Бендером и Кисой Воробьяниновым у Национального музея и Драматического театра.

Как обычно, всё заканчивается Красной площадью и заливом. В нашем случае — Чебоксарским.

Национальная библиотека Чувашии

Вход в Национальную библиотеку Чувашии охранял памятник педагогу и просветителю Яковлеву.

Мы вошли невозбранно.

Нас встретили и напоили душистым чаем со сладостями.

Нас провели по сердцехранилищу библиотеки.

Нам показали миниатюрные винтики книг и древние фолианты в белых перчатках. Ввели в зал славы Айги, провели сквозь строй картин художественной галереи мимо комнат кинозала и сверкающих мозаик национальной книги.

Наши стихи прекрасно себя здесь чувствовали.

Мы их почитали.

Когда прощались — захотел быть тут книгой.

Чтобы меня брали руки читателя, листали и узнавали всю мою суть...

Президентский бульвар, Мать Чувашии

Был прозаик Мигулай Ильбек (Николай Ильбеков) до 1981 г. Потом, в том числе, он стал улицей. Мы на этой улице жили.

Решили пойти к матери.

Монументу, в смысле.

По карте туда вёл Президентский бульвар.

Это звучало внушительно.

Но глазам не очень верилось, что это Президентский и что это бульвар.

Преодолели переулок Огнеборцев, переулок Связистов, а затем и бульвар Электроаппаратчиков. У меня начало складываться впечатление, что в понятие «бульвар» я и администрация города вкладывают разные концепты.

Прошли Верховный суд и вышли как раз к администрации Главы Чувашской Республики.

По Пионерской набережной прошли мимо Московского моста к мостику, ведущему к Матери-Покровительнице.

Ждали торжества электричества.

Дождались.

Освещённая мать обняла нас вместе с Чебоксарским заливом и отпустила гулять к Красной Площади.

В Чебоксарском заливе живёт большой фонтан и много лодок.

А на Красной площади мерцает Колесо обозрения и рунный камень.

Всё это тоже обнимает Покровительница Чувашии.

Кто же её будет осуждать за язычество?

Онажемать.

Анне-Пирĕшти.

Улица Энгельса – Ярославская

К старому городу нужно пробиваться разными путями. На следующий день мы обогнули гостеприимную Национальную библиотеку и ступили на Энгельса. Поприветствовали мецената Зиновия Таланцева и — мимо общества с ограниченной ответственностью «Трезвость и здоровье» — шагнули в заповедные овраги улицы Ярославской.

Мелькнула тень Хади Такташа.

Постойте.

Это не Хади Такташ.

Это Илья Тукташ.

Поэзия и фольклор Чебоксар.

Церкви и монастыри старого города

На улице Сергия Радонежского мы зашли в Воскресенскую церковь 1758 года рождения. Двое священников у её стен — один в бордовом и с волосами, другой в чёрном и бритый — явно намеревались крестить собравшихся у входа младенцев.

Мы посидели на солнечной лавочке и двинулись по мосту к Успенской церкви. Эта церковь тоже уже бабушка, она родилась в 1763 году, её топили, но не утопили Чебоксарским водохранилищем, хотя нижняя часть храма теперь под водой.

Это единственный храм, в который мы не попали внутрь — руки дверей оковывал большой амбарный замок.

Чуть дальше — на Московской набережной — сиял и хрустел крахмальными стенами Свято-Троицкий мужской монастырь, основанный ещё по указу Ивана Грозного в 1566 г.

Это, собственно, сам старый город и был.

За монастырём — Волга. Если направиться налево — сквер и центральная улица Константина Иванова, поэта и классика чувашской литературы.

На этой улице растёт кафедральный Введенский собор 1651 года с древними фресками, от которых кружится голова и пропадает дыхание.

Дыхание не восстанавливается и при взгляде на колокольню. Она настолько яростно рвётся вверх, что очень хочется своими руками не пускать её в небо.

Рядом, как трофеи, выставлены два древних колокола с чеканными ангелами и старо-русскими рунами.

За углом бочка со святой водой.

Водица звякает в пластик и прячется у меня в рюкзаке.

На другой стороне улицы, почти напротив, трансцендентальное здание эпохи русского авангарда начала прошлого века. В нём, естественно, располагается психотерапевтический центр.

Что же ещё там может быть?

Если чуть подняться по Иванова, встретятся мощные укрепления самой старой в России тюрьмы. В ней томился Стенька Разин.

Если же слегка спуститься по классику, расшибёшь нос взглядом о шикарное здание ЦИКовского дома (ныне художественная галерея) и церковь Михаила Архангела, уходящую в землю, со стрельчатыми окнами, всю такую «иваногрозненскую» из «Иван Васильич меняет профессию», хотя и появилась она уже совсем после царя — в 1702 г.

Прогулочные басни

Мы гуляли вокруг да около.

Когда шли к Успенской церкви, наткнулись на цапель Волги. Стадо чаек с совиными головами стояло на одной ноге и выполняло сложные речные фуэте. Это происходило на том месте, где река Чебоксарка с клёкотом выливается из одноимённого залива в Волгу.

Потом мы катались на чугунном велосипеде у музея М. Сеспеля, на глазах у бронзовой Екатерины Part 2 и таких же бронзовых Петра и Февронии.

Спускались от Аллеи влюблённых, увитой пропилеями и бортиками классицизма, по крошечной нитке ступенек к городскому пляжу, где я

2 сентября всё же протестировал чебоксарскую Волгу.

И возвращались от падающих берёз и пантагрюэлевских ворот мимо фонтанов, лодок и многочисленных котов к Советской набережной и Красной Площади...

* * *

Вечером я бродил здесь один. Пробежался по Ленинградской и Композиторов Воробьёвых. На Карла Маркса прошёл мимо библиотечной нирваны: Пивной Библиотеки (режим работы: с 11.00 до 01.00. По пятницам работает до последнего начитанного гостя!) Пришёл на Московскую набережную и долго-долго сидел на каменном поребрике, спиной к Волге.

Вышла луна. Постояла, облокотившись на купол Церкви Толгской Иконы Божией Матери и пошла себе дальше, зевая...

Парк Победы

Третий и решительный день был отдан Парку Победы, нависающему над Речным вокзалом и позволяющему осмотреть большую часть старого города.

По пути нам встретился художественный музей с чебоксарскими девушками-сфинксами и здание ЧХТ. Загадочна и таинственна душа Чувашии.

А на площадке у монумента героям Великой Отечественной войны сквозь пламя Вечного огня мы смотрели вниз и убеждались, что всё в городе на месте: Мать обнимает залив, башенка Сельхозакадемии стыдливо льнёт к новострою-небоскрёбу, гигантский кран разрезает стрелой Волгу, сама Волга неспешно утекает в Казань.

За Аллеей Славы у ДК имени славного П.П. Хузангая обосновалась грозная техника военных времён. По орудиям и танкам деловито ползали младенцы. Уж не те ли, которых вчера крестили в Воскресенской церкви?

Спасо-Преображенский монастырь

Напоследок, впервые за три дня, решили испытать чебоксарский газельный транспорт. Волшебными овалами и зигзагами добрались на маршрутке от Калинина до Владимирской Горки.

Высоко на холме, в листьях берёз и лип, сверкали янтарные купола.

А у подножия горки грелся на солнышке монастырский некрополь. В ярко-изумрудной траве и алых цветах уютно белели каменные кресты, радостно и совсем не страшно.

В церкви Иоанна Кронштадтского крестили младенцев. Только что окрестили одного и выкрикивали имя следующего.

Крещение не покидало нас все эти дни.

* * *

Когда сдавали гостиничный номер, заглянули на всякий случай в прикроватную тумбочку: не оставили ли чего? Оттуда нам улыбнулся таракан и залихватски, прямо как начдив, крутанул усы.

Мы ещё приедем в Шупашкар.

ПИТЕР

Дорога

В 6 утра пришли на Кольцо у Пенсионного фонда. Там был автобус, который хотел отвезти нас в Питер. Мы в него сели и поехали. Через 30 часов приехали на проспект Просвещения, где стали жить.

А перед тем, как нас привезти в город на Неве, белый автобус с наклейкой Кубка Федераций по футболу завозил нас в Чебоксары (город падающих берёз) и Нижний Новгород (город живых деревянных улиц и улицы Июльских дней).

Дорога несколько раз рвалась на лоскуты. Однажды перед Лысковом встали на два часа. Дорожные эльфы в оранжевых камзолах ругались магическими проклятьями. Били ломами асфальт.

Второй раз встали в Лакинске на час. Дизлайк Лайкинску.

Пока ехали, я насчитал волшебных 137 водиц. Список прилагается.

Волга, Сулица, Прорва, Свияга, Белая Воложка, Средний Аниш, Большой Цивиль, Пожанарка, Рыкша, Шалмас, Кукшум, Трусиха, Юнга, Хартно, Орбашка, Унга, Сура, Белавка, Семьянка, Огневка, Гремячка, Калитка, Сарайки, Валава, Сундовик, Алфёровка, Дудоровка, Шава, Кудьма, Чёрная, Ока, Круглови-

ще, Юра, Ремна, Клязьма, Чаганка, Суворощь, Тара, Нерехта, Арга, ручей Майский, ручей Девка, Ягома, Нерль, Рпень, Колокша, Ворша, Пекша, Большая Липня, Ючмерка, Берёзка, Танка, Вольга, Киржач, Сафониха, Большая Дубна, Шерна, Васса, Шаловка, Пехорка, Чернавка, Ичка, Чермянка, Лихоборка, ручей Ключи, Ржавка, Радомля, Лопца, Сестра, Липня, Ямуга, Дойбица, Инга, Малица, Тверца, Вельга, ручей Горецкий, Логовежь, ручей Паницкий, Крюковец, ручей Турковский, ручей Запорожный, Каменка, Михаленка, Белуха, ручей Пестовский, Головкин, Холохоленка, Березайка, Цна, Студёнка, Жерновка, Едерка, Лапуша, Чернушка, Гремячая, Еглинка, Ярынья, Островенка, Холова, Гречинка, Мошня, Винка, Заполька, Работка, Ниша, Бочка, Крупица, Мста, Мшашка, Шуйка, Вишера, Сосница, Робейка, Волхов, Питьба, Полисть, Кересть, Коломовка, Грядка, Равань, Марьин ручей, Тверезна, Тигода, Болотница, Тосна, Андреев ручей, Канава Галашовка, Саблинка, Ижора, Славянка, Волковка, Обводной канал, Фонтанка, Канал Грибоедова, Мойка, Нева.

Узники Петергофа

Первым делом нас повезли в Петергоф. Там кругом были фонтаны и шутихи, т.н. приколы Петра. Внутри нельзя было курить (из опасений, что вода может воспламениться?). В Петергоф мы привезли солнце. Ещё вчера, — говорила нам экскурсовод, — всё крылось мглою и шторм рвал зонты. А теперь под палящими лучами мы шлялись по фонтанным каскадам с кучей народа и смотрели на золочёные скульптуры.

Приколов я не понял.

Кругом всё в решётках.

В Финском заливе купаться нельзя.

В фонтан — нельзя.

Был бы жив хозяин — не одобрил бы, мне кажется.

Кронштадт

Потом нас повезли в Кронштадт в каком-то тоннеле под Финским заливом. Мимо фортов. В том числе — чумного. Говорят, в нём разрабатывали вакцину против чумы и посылали конвертики Обаме. Может, я что и напутал.

В кронштадской воде отражался красный кирпич, а я люблю красный кирпич, поэтому Кронштадт красив.

В крепости много чугуна: чугунный горшок, чугунные памятники, чугунные корабли на пристани, единственная в мире чугунная мостовая, чугунные пушки и чугунные дети возле них. Чугунные чайки. В Кронштадте есть пуп земли и Петровский док.

Я засмотрелся на чугунные корабли и отстал от группы. Автобуса нигде не было. Оказывается, он прятался по другую сторону от памятника Петру. Петров здесь навалом — на каждом шагу. Есть ещё чугунный Айвазовский и огромный морской храм Иоанна Кронштадтского.

Он и есть пуп этой земли, а не сомнительный поплавок, указывающий высоту красоты над уровнем моря. Может, я что и напутал.

Казанский собор

Мы пошли в метро и вышли на Невском проспекте. Первое, куда отправились — Казанский собор. Там живут ключи от взятых городов Европы и Кутузов.

Колонны.

Шла служба.

Шли люди.

Шёл шёпот.

Мы вышли.

По каналам

Напротив собора — Книжный дом с надписью Зингер и зелёными человечками. Внутри — мраморные ступени и хрупкие книги. Орудие нашего пролетарского труда.

Потом, чуть дальше на Невском, нас отловили как желтоклювых цыплят и заточили в катерную гондолу по имени Углич.

Мы поплыли по всяким мойкам и фонтанкам с пыжиками и под многочисленными мостами.

Снесло голову.

Мосты невысокие.

Жестяная Нева обдирала горло восторга.

Шпили.

Дома.

Трубы.

Дом на доме стоит и домом погоняет.

Весь Питер — один сплошной дом без трещин и загогулин, а внутри — каменные колодцы дворов. Упадёшь туда — никто не достанет. Только пару звёзд зачерпнуть ночью глазами и завыть ошалело.

Вот тебе и Северная Венеция. Фонарь и аптека. Туман и палящие лучи.

Высадились и пошли по Невскому дальше...

Адмиралтейство и многое другое

Пошли на шпиль.

Я сам догадался, что это адмиралтейская игла, но уточнил у прохожего. Он подтвердил. Я успокоился. Посидели у шпиля на скамейке и отправились направо. Огромная площадь. Посредине что-то воткнуто. Но перехода туда нет. Он чуть дальше, налево, перед рекой Невой. Перешли, но возвращаться пока не стали. Пошли по мосту через реку. Наткнулись на красный столб в кораблях и с бабой. Оказалось, что это стрелка Васильевского острова. Биржевой сквер и всё такое. Перешли к Бирже, но по Университетской набережной к следующему мосту (Благовещенскому) не пошли из-за протестов соседнего пешехода: у страха — мосты далеки!..

Развернулись и наткнулись на слегка башенное здание. Кто ж знал, что это Кунсткамера. Очередь туда на весь перекрёсток и ещё в Неву люди упираются.

Пошли по Дворцовому мосту обратно. Гадали: разводится он или нет? По идее, должен. Но ведь асфальт на нём и клумбы. Они же упадут!..

По Адмиралтейской набережной пришли к Зелёному всаднику на Сенатскую площадь. Зело хвостат Зелёный всадник, поди зело вежлив?..

Потом через Александровский парк увидели футляр Исаакия. По нему ползали людишки. Мы подле собора посидели и двинулись по Адмиралтейскому проспекту к тому большому чему-то воткнутому. Круг замкнулся...

Опять вышли на огромную площадь. Что-то воткнутое оказалось Александровской колонной. Это александрийский столп или нет, в конце концов?!

Взгляды всё время привлекало шикарное зелёное здание по левую руку. Я надеялся, что это

Зимний, но уверенности не было. Остановили ленинградку с дитём. Спросили, Зимний ли это??? Она всё отрицала и показывала куда-то далеко рукой.

Разочаровавшись, мы миновали Главный штаб и прошли Триумфальную арку. По Большой Морской выплыли на Невский и дошли до канала Грибоедова. Повернули на Спас на Крови. Туристов — спасу никакого нет.

На Итальянском мосту подбежал Пётр I и попросил сфотографироваться с ним за деньги. Я отказал. Тогда он стрельнул у меня сигаретку. Я достал красную пачку «Крестов» с колючей проволокой. Подошла рядом стоящая Екатерина II или Елизавета: «О, прикольные сигареты, а вы откуда?» Я говорю — из Казани. «О, чо, прикольные сигареты в Казани делают!» — и тоже стрельнула у меня сигаретку и отошла...

В Спас на Крови, оказывается, нужно ходить за деньги и отстоять большую очередь. Мы не пошли. Чего туда ходить? Он такой же игрушечный, как собор Василия Блаженного в Москве. Расписные купола и всё такое...

Мы полюбовались оградой Михайловского сада и вошли в него. Там живёт памятник живой природы: Дуб черешчатый. Очень увесистый.

Вернулись на Невский.

Прошли мимо Литературного кафе.

Захотелось на работу.

Подавил желание усилием воли.

Зашли в католический храм. Посидели на лавке. Единственное место на Невском, где можно посидеть спокойно в тени и прохладе.

Чёрная речка

Всплыли из метро на Чёрной речке. Что-то я уже слышал о ней, но пока ничего путного вспомнить не мог.

Ничего чёрного не было. Буйство ухоженной зелени вдоль берега и симпатичная вода, даже почти и не текущая...

Мы перешли ж/д пути и подошли к небольшому жизнерадостному скверику с каменной стелой. На ней указывалось, что это место дуэли Пушкина А.С.

Вот тебе и раз.

Всё так хорошо было и солнечно, а тут тебе убийство поэта...

А дальше нас провели на крышу многоэтажного жилого комплекса Ривер-Сайд. Малая Невка, Большая Невка, почти весь город виден: футляр Исаакия, Петропавловский ангел, Владимирская церковь, демоническая Зенит-арена. Под ногами мост и дом Головина — крутого кругосветного моряка.

Крыши Питера шепчутся с богами, чего уж там...

Ночь в Питере

А на проспекте Просвещения поздно вечером нас уже ждал автобус...

По Благовещенскому мосту выехали к сфинксам и грифонам на Университетскую набережную и с Васильевского острова начали ждать разведения Дворцового моста. В 1. 25 мин. его всё-таки развели под музыку и многочисленные крики туристов. Асфальт, фонари и клумбы не упали. Мои дневные сомнения были посрамлены...

По Биржевому мосту мы добрались до Петроградской набережной и встали у Авроры.

Думал я, что это небольшой резвый катерок, а вышел из автобуса и не объял взглядом стальную махину на приколе. При ночной подсветке это одно из самых живописнейших чудес Питера. Смотришь на три гигантских трубы крейсера и представляешь революционный рёв, дробящий в кашу ушные перепонки...

Петропавловская крепость

В Петропавловскую крепость мы прошли через Иоанновский мост. В воде нас встречал заяц. Видимо, не случайно. Остров-то заячий. Зайцев здесь полно на каждом шагу в самых разных ракурсах. Видимо, зайцы и были первыми политзаключёнными сего фортификационного сооружения.

Крепость основал Пётр I. С этого здания и пошёл строиться весь остальной город, как нам сообщили. Логично предположить, что и город на Неве рождён Петром I.

В крепости есть Петропавловский собор, Монетный двор, музей пыток, пляж, на котором нельзя купаться, стены с башенками, отметки некоторых наводнений, автобусы, переделанные под туалеты, длинный железный дяденька с очень маленькой головой и пушки.

Ровно в 12.00. мы ждали полуденный залп. Из пушки выстрелила очень красивая блондинка в форме. А команду ей дал седой дедушка, но тоже в форме.

После этого мы покинули Заячий остров.

На Троицкой площади сели в автобус и через Сампсониевский и Литейный мосты выехали на набережную Кутузова, а затем уже и на Дворцовую набережную.

Этажи Эрмитажа

Моё интуитивное опознание красивого зелёного здания как Зимнего дворца — подтвердилось. Коренная ленинградка с дитём, пытавшаяся сбить нас с пути днём ранее — потерпела фиаско.

Но кто мог предполагать, что Зимний дворец — это ещё и Эрмитаж!?

По-моему, для одного, даже такого интересного здания, это уже слишком…

Так вот, заходили мы в Зимний дворец, а там ещё и картины висят. А где-то и скульптуры. Очень странно. Почти все изображения мне ещё по советским учебникам известны. Зачем их на такую красоту вешать? И скамеек нет посидеть.

Только у Рубенса присел — но на что смотреть? Всё наизусть знаю.

А вот потолочные плафоны — круть в любом зале!

Сам дворец впечатлил. А то, что понавешано — так себе, увы…

Послеобеденный моцион

Пошли обедать на ул. Казанскую, через Певчий мост, дворы Капеллы, Большую Конюшенную. Весьма отобедав — разбрелись кто куда. Мы свернули на Гороховую.

Гороховая идёт лучом от шпиля Адмиралтейства, как и Невский, как и Вознесенский проспект. Захочешь — не заблудишься.

С Гороховой свернули на Большую Морскую и присели на скамейку на Исаакиевской площади напротив Англетера. Погрустили за Есенина.

На соседнюю скамейку приземлился большой питерский голубь. Вёл себя вполне интеллигентно.

Снова прогулялись мимо Адмиралтейства. Поздоровались с Гераклом, Пржевальским, Гоголем, Горчаковым, Глинкой, Лермонтовым, Жуковским, Флорой. Ещё раз мимо Зимнего и Александрийского штыря. Погуляли по Миллионной: Малый Эрмитаж, Новый Эрмитаж с дедушками атлантами, Зимняя канавка и пр.

Было время разворачиваться и нырять на Малой Морской в метро.

И немедленно нырнули…

Питерское метро

Адмиралтейская — самая глубокая станция в России. Два эскалатора вглубь Земли. Спускался и даже думал, что вот сейчас под ногами забьют фонтанчики нефти.

Потом на Проспекте Стачек мы ныряли в Автово.

Автово, как пишет Википедия, по версии Guardian — является одной из 12 красивейших станций мира. Я согласен.

И эскалатора там нет совсем.

Это просто на всякий случай.

Летний сад

Утром следующего дня нас привезли на Марсово поле. Невдалеке сверкали кукольные купола Спаса на Крови. Через Суворовскую площадь и Лебяжий мост мы вошли за невскую ограду в Летний сад.

В лучах фонтанов высился Крылов, весь в баснях.

А вдоль дорожек голые тётеньки и дяденьки олицетворяли разные скульптуры. Они неожи-

данно белели из зелени и хорошо обращали на себя внимание.

Потом, мимо Аничкова моста с разнообразными конями и Аничкова дворца с садом, нас повезли в Царское Село.

Царское Село

Мы приехали на Оранжерейную улицу, обошли Лицей, памятник Растрелли, Знаменскую церковь и увидели слегка приоткрытую калитку в некий парк.

Ну, в Калитку* же – как к себе домой…

Проникли в парк. Обошли, как оказалось впоследствии, Кухонный пруд. По мраморным мосткам преодолели ещё несколько водных локаций и уселись под дубом на скамейке трескать пельмени из пластмассовой майонезной баночки.

Откушав, обратным маршрутом вышли из калитки на волю и отправились в Лицейский сад смотреть на цветы и Пушкина.

Потом нас загнали в Екатерининский дворец. Одели в наушники и бахилы и повели по залам дворца, чтобы мы посмотрели, что там понавешано на стенах и вообще…

Зал сменялся коридором и наоборот. Хрустальное и золотое великолепие окатывало восхищённых туристов с ног до головы.

Кульминация восторгов – янтарная комната, воссозданная заново.

Я даже не захотел уходить из комнаты, но меня настоятельно вывели.

Изгнали нас из дворца в Екатерининский парк.

Мы сразу же поздоровались с: Миром, Вакхом, Войной, Весной, Церерой, Бореем, Геркулесом, Мудростью, попирающей порок, Патриотизмом, Умирающим галлом, Гладиатором и Гераклом.

Пошёл дождь и китайцы.

Неизвестно чего больше, если брать за одну каплю одного китайца.

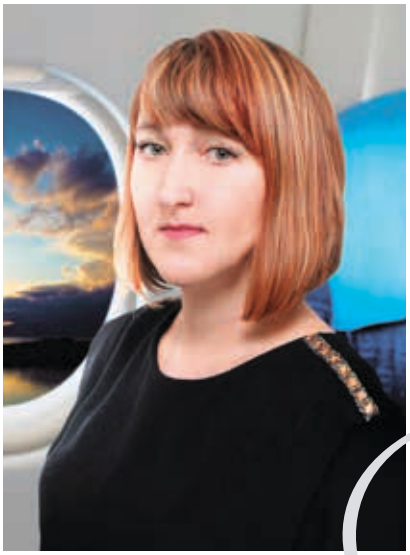
Мы прошли Камеронову галерею, Агатовые комнаты и многочисленные бани и решили обойти Большой пруд.

По пути обнялись с: Нимфой, Зефиром, Танцовщицей, Кагульским обелиском, А.Д. Ланской, Римским оратором, Силеном с младенцем Дионисом, Аполлоном Бельведерским, Венерой и Амуром, императором Нерва, Осколком барельефа, фонтаном Девушка с кувшином, Мраморным мостом, Пирамидой, Турецкой баней, Морейской колонной и вышли через Эрмитажную кухню из парка вон…

Пока другие обедали в Пушкине, мы ещё успели добежать до Соборной площади и войти в Екатерининский собор.

Вошли, увидели и уехали в Казань…

* Автор имеет в виду место своей работы – казанское литературное кафе «Калитка»



Родилась в 1971 году в поселке Джалиль Сармановского района. Окончила филологический факультет Казанского государственного педагогического университета по специальности «учитель русского языка и литературы». Кандидат педагогических наук. Работает преподавателем русского языка и культуры речи в КГАСУ.

Ляйсан Нигматуллина

МИРАЖ

Рассказ

Терминал международного аэропорта был безлюден, если не считать небольшую группу пассажиров, вылетающих в Анталью. Несмотря на то, что всего через несколько часов они увидят море, сонные лица выражали недовольство. Металлические сиденья, на которых неудобно сидеть, паспортный контроль — все вызывало раздражение.

— Сколько раз тебе говорить, чтобы ты не брала с собой столько барахла, тащи теперь свой чемодан, — ворчал мужчина, медленно двигаясь к окошку паспортного контроля.

«И к чему были такие траты, если придется слушать это ворчание еще и за границей», — думала Олеся, сидя в кресле и глядя на посадочную полосу сквозь толстое стекло большого окна аэропорта. «Орлята учатся летать...», — прозвучало в ее голове...

...Олеся мчалась в автобусе навстречу отдыху и радости в окружении незнакомых детей — в пионерский лагерь «Чкалов». Настроение поднимало и то, что подруга Альбина под боком, на соседнем сиденье, с ней они были неразлучны даже в каникулы. За окном мелькали сосны и ели; контрольные, строгие учителя, нудные родители — все это осталось далеко позади. Автобус качало то влево, то вправо, дети то и дело хватались за сумки и чемоданы, которыми был беспорядочно заставлен проход салона. Вожатая Надя на переднем сиденье напряженно смотрела в окно, постоянно одергивая футболку. Ей было лет двадцать, под хлопчатобумажной тканью вырисовывалась уже хорошо развитая грудь, и в тесной футболке девушка чувствовала себя неловко.

Наконец автобус резко притормозил, и у выхода образовалась куча-мала из самых нетерпеливых, покинувших кресла.

— Всем сидеть! — с запозданием скомандовала вожатая. Ее голос оказался на удивление пронзительным и визгливым. — Без меня не выходить.

Закинув через плечо тяжелые сумки, волоча тяжелые чемоданы, дети выбрались наружу. Надежда, хмуря выщипанные брови, всех пересчитала, построила и повела к лагерным воротам. Но из-за них не показалась сказка — всего лишь дощатые свежевыкрашенные корпуса в обрамлении коротко подстриженных кустов и небрежно разбитых клумб; редкие бархатцы ядовито-оранжевого цвета, никак не оживлявшие пейзаж, уныло торчали из высохшей земли. Асфальтовые дорожки образовывали четкие геометрические линии и указывали направление от корпусов до

столовой, от столовой до клуба, от клуба до туалета, далее медпункт и обратно в корпуса. Все указывало на рамки дозволенного советскому пионеру во время летнего отдыха. Выход за них грозил наказанием — позорной отправкой домой.

К впечатлениям первого дня, дорожной пыли и запаху краски добавилась долгая возня с тумбочками, матрасами и пледами, которых то не доставало, то было в переизбытке. Подобно муравьям, пионеры перемещались с поклажей из одного корпуса в другой, не надеясь устроиться на выбранной кровати.

Палата, доставшаяся Олесе и ее подруге, была проходная, но небольшая и уютная. В ней помещалось всего три койки: у окна обособилась сама Олеся. Альбина разместилась напротив. У выхода примостилась незнакомая девочка с жидкими, бледно-желтыми волосами и крупными неправильными чертами лица. Она искательно глядела на соседок, улавливая интонации их реплик и выражение лиц. Ей не терпелось познакомиться.

— Меня зовут Зоя, — не выдержала дурнушка, преодолевая смущение. — А вас? Вы из какой школы?

Через десять минут подруги знали о Зое все, вплоть до детского садика, в который она ходила и где случайно упала, ударившись о камень правой коленкой, после чего на ноге остался шрам — он был без промедления продемонстрирован. Зоя была так навязчива, что девочки почти пожалели, что всю смену придется соседствовать с болтушкой.

Но тут в дверях появилась визгливая Надежда, которая успела охрипнуть от распоряжений, с большим листом ватмана, тушью и перьями в руках.

— Ребята, кто хочет быть редколлегией? К завтрашнему дню мы должны нарисовать газету.

Желающих не нашлось.

— А скоро обед? — Зоя осмелилась задать вопрос, который не давал покоя всем.

— Режим дня висит на входной двери корпуса: время завтрака, обеда, ужина указаны, — отчеканила пионервожатая, но неожиданно смягчила тон: — Обед будет через пять минут.

— Ура!!! — послышалось из соседних палат.

Вопли заглушил звук горна. Все застыли на своих местах, соображая, что странного в ошеломившем их звуке, потом сообразили: это призыв на обед, и доносится он из радиорубки — горниста записали на магнитофон.

Надежда скомандовала построение, и отряд неровной колонной потянулся к столовой, на запах жареного лука и вареной капусты. У входа образовалась толпа, началась давка, которая еще больше разжигала аппетит. Мальчишки постарше показывали чудеса изворотливости в попытках очутиться поближе к заветной двери.

Однако окрики вожатых рассеяли столпотворение — в столовую отряды прошли чинными парами. Наконец троица Олеся — Альбина — Зоя очутилась в огромном дощатом помещении с бессчетным количеством окон; от обилия света казалось, что это большая веранда загородного дома. Столовая была так тесно заставлена квадратными столами, что между ними приходилось протискиваться боком.

Пока девочки рассматривали дородную повариху в белом халате и большой половник, которым она разливала компот, мальчики их отряда уже определились со столами и, дружно смеясь, орудовали ложками. Подругам приглянулся столик у колонны, но возникла неувязка — Олесе некуда было сесть. Недолго думая, она выхватила стул из-за соседнего столика и уже было с удобством расположилась, как за спиной прозвучало леденящее предостережение:

— Это же стул Ки-и-м-м-м-а!

Девочки в недоумении переглянулись. И тут в поле их зрения возникла фигура пластичного мальчика, который, ловко обогнув столы, приблизился к Олесе с обезоруживающей белозубой улыбкой.

— Это мой стул!

В голосе его, однако, звучала сталь.

Поначалу она смутилась, так велико было обаяние смуглого красавца. Но, вникнув в суть его претензий, осмелела. «Какая наглость, — подумала Олеся, — у него здесь свой стул, что он о себе возомнил!»

— Возьмешь другой, — смело сказала она, решительно подвинув к себе тарелку с супом.

В столовой воцарилась тишина — все ждали, что будет дальше. Лицо мальчика выразило недоумение и растерянность. Но неожиданно он вновь дружелюбно улыбнулся, помахал кому-то и, лавируя между столами, поспешил за свободным стулом в другой конец столовой.

А Олеся до самого вечера думала о произошедшем. И на разные лады повторяла про себя имя и фамилию дерзкого мальчика: Слава Ким — Ким Слава, даже распевала их на мелодию композиции своей любимой группы «Мираж».

А когда горн из радиорубки возвестил время ужина, она вновь встретилась с Кимом у входа в столовую. Улыбаясь, он пропустил Олесю вперед. Не решаясь заговорить, они лишь улыбнулись друг другу одними глазами.

На следующий день в «Чкалове» объявили скорое торжественное открытие смены. Началась суматошная подготовка к этому событию. При деятельном участии Надежды газету дорисовали: большая часть отряда приняла участие в обводке и закрашивании сюжетных картинок, даже кляксы были старательно превращены в цветы, обрамляющие лист ватмана. Часть ребят разучивала песню, решив не заморачиваться и взять известную «Орлята учатся летать». Все же большинство детей было детьми летчиков и служащих аэропорта. Правда, мама Олеси исполняла там обязанности вполне земной профессии — бухгалтера в плановом отделе.

Остальные ребята приводили в порядок корпус, вытряхивая покрывала и заправляя кровати — они должны были выглядеть идеально: бетонная плита постели, а на ней строгим прямоугольником подушка, как катушечный магнитофон. Однако, взбитые многократно, подушки напоминали в лучшем случае пельмени.

Следующим этапом следовала тренировка для предстоящего построения на торжественную линейку. Пионерам раздали пилотки, и девочки их оживленно примеряли, облепив зеркало. В пионерских рубашках и юбках они казались себе похожими на стюардесс, и, по правде говоря, в глубине души каждая из них мечтала ею стать.

Наконец торжественный день настал: под барабанную дробь стройными рядами отряды выстроились по периметру площадки. Красные галстуки с благоговейным трепетом развевались на ветру. Валерий Чкалов, стоявший на пьедестале, каменной рукой указывал детям путь, наверное, в грядущую пору перестройки и гласности. Начальник лагеря произнес торжественную речь, дети отдали салют поднятому флагу в полной уверенности, что приобщились к чему-то важному, даже великому.

Вечером их ждала праздничная дискотека. Девочки после линейки стали немедленно перетряхивать содержимое чемоданов, выбирая наряды, хотя обзавестись чем-то стоящим в те годы было проблематично. Писком молодежной моды считались брюки-бананы бледно-розового цвета. Их обладательницы считались в «Чкалове» иконами стиля. В тихий час подготовка только набрала обороты: косметички переходили из рук в руки. Изучалось их содержимое: нюхалось, открывалось, намазывалось. Предназначение каждой баночки и коробочки горячо обсуждалось.

После полдника палата стала похожа на примерочную или гримерку, все спешно преображались. Подруги не сразу узнали Зою — брусничного цвета помада и начес на голове придали ей неестественный инопланетный вид.

— Ой, — выдохнула Альбина, испугавшись зрелища.

Не меньше ужаснулась и пионервожатая Надежда, показавшаяся в дверях.

— Это что такое? Вы же не клоуны в цирке, немедленно смойте все это безобразие. Я сама вас накрашу.

И, надо сказать, голос у нее стал не визгливым, а очень даже дружеским и теплым, как у старшей сестры.

Все радостно откликнулись на это предложение и выстроились в очередь. Через пятнадцать минут в руки визажиста попала и Олеся.

— Главное — это ресницы. — Надежда прицельно коснулась «клиентки» щеточкой, но неудачно — тушь жирной кляксой легла на верхнее веко. Надежда предостерегла: — Не хлопай ресницами. Сиди смирно.

После нескольких мазков ресницы Олеси потяжелели. В поднесенном зеркале она увидела совсем чужие большие глаза, но они ей понравились и, преисполнившись гордости, Олеся прошлась вдоль ряда кроватей, ловя на себе восхищенные взгляды подруг.

— А что ты наденешь? — спросила ее Зоя.

Олеся открыла чемодан и торжественно извлекла из него трикотажный костюм, привезенный мамой из Москвы. Он надевался только по торжественным случаям: на концерт в музыкалке или чаепитие в школе. Костюм был темно-синего цвета с белыми звездочками; талия подпоясывалась; низ юбки украшала кокетливая оборочка.

Нескладная, угловатая, как всякий подросток, Олеся на глазах превратилась в привлекательную юную особу.

Выбор черноглазой Альбины, жгучей брюнетки, пал на пляжный ансамбль: костюм с ярко-красными цветами состоял из блузки и юбки без пуговиц, которая просто завязывалась сбоку.

За окном сгустились сумерки, со стороны летней эстрады донеслись ритмичные аккорды популярной песни Юрия Антонова. И хотя Олеся не очень его любила, ее сердце все равно лихорадочно забилось от предвкушения какого-то чуда; с настроя не сбивали даже тяжелые, кажущиеся чужими ресницы.

К приходу подружек летняя эстрада была заполнена. Музыка здесь уже оглушала, невозможно было расслышать, что говорит стоящий рядом. Танцевать мало кто осмеливался, пока ведущий дискотеки, физрук Альберт, не взбодрил собравшихся: объявляя тот или иной танец, он сопровождал призыв исполнить его шутками-прибаутками. И дело пошло — раскрепостились самые стеснительные. А Альберт, войдя в раж, объявил:

— А теперь медленный танец!

Большая часть подростков схлынула с танцпола. Только несколько девочек образовали однополые пары и неспешно затоптались в такт музыке. Олеся же с подругами стояла возле колонны, наблюдая, как ее ресницы живут отдельной от нее жизнью. Вдруг окружающие расступились и притихли. Танцевальную площадку пересекал Слава. Вновь послышалось леденящее: «К-и-м-м-м!» Все как завороженные стояли в интригующем ожидании: к кому именно направляется красавчик с предложением составить пару в медленном танце? Руки и ноги Олеси онемели, она стояла как парализованная. Приблизившись к ней, Слава белозубо улыбнулся.

— Можно вас пригласить на танец? — Он сделал акцент на слове «вас».

Потеряв дар речи, Олеся кивком головы подтвердила согласие и каким-то непривычным движением, взрослым и женским, закинула руки на плечи красивому смуглому мальчику, и они под пристальными взглядами окружающих растворились в ритме танца.

Время для нее будто остановилось. Музыка лилась из неуклюжих больших динамиков и заполняла все щели деревянной обшивки временного летнего зала. Казалось, ей не будет конца. Окружающее плыло, сливаясь в однородную пеструю массу. Повзрослев, Олеся часто пыталась вспомнить эту мелодию, но ничего лучшего, чем трек группы «Зодиак» с дебютного альбома Disco Alliance, под который в фильме «Карнавал» танцевали Абдулов и Муравьева, вообразить не могла.

Зато в памяти навсегда осталось, как кавалер ей поклонился, вежливо поблагодарил за танец, после чего удалился и исчез во всполохах самодельной светомузыки, как в далекой галактике.

После этого, заговорщически переглядываясь, три девицы немедля ретировались в палату обсудить небывалое происшествие. Но только они расселись на своих кроватях, как дверь с шумом открылась и на пороге появилась делегация из трех человек: Света-активистка и ее подруга Снежана — она пользовалась авторитетом у всего лагеря, так как играла на гитаре.

С ними явилась маленькая заплаканная Леночка. Пигалица всхлипывала и не могла говорить. Но вперед уверенно вышла Снежана и стала сбивчиво объяснять, что в лагерь «Чкалов» они ездят вместе не один год и все давно друг друга знают, дружат, и не только девочки с девочками... Олеся и ее подружки слушали с любопытством: к чему все это говорится? Хотелось понять, почему плачет Леночка. В итоге выяснилось: этот медленный танец предназначался Леночке, ведь они дружили с Кимом уже несколько смен. Потому делегация и пришла разобраться с коварной разлучницей, коей являлась Олеся.

— Разве из-за мальчиков нужно ругаться? — удивилась Зоя. — Девчонки, да зачем нам нужен ваш Ким?

Олесе стало не по себе. Все повернулись к ней в ожидании ответа. Она на секунду задумалась: действительно, Леночку было жалко, и в тот момент дружба с девочками показалась ей куда важней медленного танца с улыбчивым зазнайкой.

—Да зачем он мне нужен, дурачок какой-то, — выпалила Олеся.

Ей тут же стало жалко себя: еще четверть часа назад она была уверена, что медленный танец — волшебный, а Ким — сказочный принц. Но все рассыпалось, обернувшись космической пылью.

Леночка от заявления Олеси потеряла дар речи. Ее красное лицо выражало не то испуг, не то смятение. А ее подруги победоносно заулыбались — справедливость в их представлении восторжествовала, ибо нет ничего важнее женской дружбы!

Следующий день в пионерском лагере был по-новому солнечным и радостным, за ним другой… Только Слава и Олеся при встречах больше уже не улыбались друг другу глазами… Смена пролетела, как одно мгновение. А затем и детство, беспечное, счастливое…

— Не спи, скоро объявят наш рейс, — услышала Олеся голос мужа.

Сонные парочки в зале ожидания вдруг ожили, слились в жужжащую массу и потянулись в сторону широко раскрытых дверей. Тут навстречу им вышла небольшая группа: два летчика и стюардессы в красивых форменных костюмах. Один из летчиков, подтянутый и смуглый, напел что-то, поравнявшись с толпой; до Олеси донесся обрывок песни: «Орлята учатся летать…»

Очередь на выход из терминала оказалась не последней, следующим испытанием стала посадка в автобус, наконец, финишная прямая — очередь к трапу. Раздражаясь и срывая зло на попутчиках, супруги добрались до своих кресел в салоне самолета. При входе их встретили обаятельные стюардессы и два пилота, один из которых улыбнулся обезоруживающей белозубой улыбкой, на лацкане униформы был значок с фамилией — Ким.

Авиалайнер стремительно набрал высоту, пассажиры традиционно аплодировали экипажу, успешно осуществившему взлет. А в голове Олеси зазвучала волшебная завораживающая музыка, под которую она двигалась в медленном танце на летней эстраде. Ресницы ее отяжелели и стали липкими, спину заломило. Тело стало невесомым, душа слилась с космической бесконечностью. А вот и небо как на ладони, с плывущими по нему облаками…

Не было сомнений, самолет мчится навстречу отдыху и счастью. Все-таки мы — частички этой волшебной незнакомой жизни, связанной с небом, мечтой и, конечно, счастьем.

7 июня 2012

Руслан Серазетдинов

Родился в 1979 году в Казани. Работал токарем, продавцом, журналистом. Окончил Казанский государственный университет (журналистика). Публиковался в журналах «Знамя», «Казань», «Идель», literratura. Издал сборник рассказов «Мечты посуточно», сборник стихов «Девочки в офисных юбках» и детскую книгу «Как мы Лялю встречали». Основатель проекта «Чтения Ртом».

СТРАНА СТА ОЗЁР

Рассказ в жанре мистического реализма

МАЙ 13, 2017

— Я сам из Сибири, — и тут же зачастил слышанными, но всё равно неведомыми названиями, — Абакан, Хакасия. Страна ста озёр.

В руках парень держал барабан, по типу того, на каком в Тунисе наигрывали в отеле, изображая африканские танцы. Потёртая мембрана, серая в центре, ближе к ободу становилась чёрной.

— Играешь? — кивнул в сторону барабана.

— А, ну да, ну да, — автостопщик опять запустил слова суетной дробью, — Хип-хоп там, рэгги, короче, я за русский хип-хоп болею.

— Ммм… А я на варгане играю… Играл.

— Ништяк, ништяк, — закивал стоппер.

Пока обгоняли фуру, молчали.

— Я, когда помоложе был, пол-Европы так проехал, и по России тоже немало.

— Ништяк... — опять кивает, — А я вот иду, всё смотрю — где воды набрать, да что-то нет ничего — ни ручьёв, ни родников. Так что иду пока.

Еще одна пауза.

— А что там, в Хакасии? Клёво?

— Ништяк там, ништяк, — озёра, травы, воздух. Домой еду, лечиться буду, а то пока в Москве залегал — заболел, — и опять закивал головой, обмотанной трикотажной маской в узорах и капюшоном, — В Москве вписался, короче, к товарищу, а он, оказывается, в телеке целиком. Такой ватный стал... Он мне флейту подарил, я на ней как играть начал, так и вижу — как этот товарищ со своей подругой спят. Не жамкаются, не, тут всё ровно, а именно — спят. По жизни. Я ему флейту скорей скинул и бежать. Меня тоже, типа, в телек звали, но я лучше так. Надо спасаться, это верней.

— От чего спасаться?

Стопщик словно выжидал вопроса:

— Ну а как же — от мира надо идти. В Москве пока жил — шум, гул постоянно, на уши давит, на мозг. Только уходить. Уходить надо. Вот я и иду.

Мимо просипела фура.

— Тут, правда, тоже гул, но я пока иду — я песни придумываю, короче, наигрываю так потихоньку, пою. Ништяк. В маску вон лаванды набрызгал, — он приподнял пальцем ткань, — чтоб смогом поменьше дышать.

Вместе с автостопщиком в машину и вправду вошёл новый запах. А может, известный, да позабытый уже? Запах, смешанный из трав и асфальта, из лаванды и мирры, из гашиша и пота, из ветров — северо-восточных и южных, западных и просто восточных, которые треплют тебя, пока идёшь вдоль обочины, впадая в транс от движения сквозь пустоту. Ведь доезжал же раньше и до Москвы, и обратно, и Казань-Челны трассу едва ли не с закрытыми глазами, а уж когда вспомнил о том, как рванул из Берлина до Амстердама... Самый долгий маршрут, вместо 8 часов — 26 полных, сутки, с долгой остановкой в Бельгии, в Брюсселе, нет, НАТО не видел, только турецкий квартал, где пили мутную раку, часа три, а потом кто-то приехал, довёз до границы, а там уже какая-то женщина довезла до Амстера.

... — А дома подлечусь и опять поеду. Или в лес уйду. К монахам. Потому что привязывает всё. Ватным сразу становишься. Вот и товарищ в Москве... — опять замотал головой. — Нет, бежать, только бежать, в дороге можно спасаться.

Захотел спросить — не из «бегунов» ли, но уже близилась развязка, мне налево, через дачи, а тебе лучше здесь встать, тут фуры со всех направлений на восток выводят, так что давай, хорошей дороги, Бог в помощь, ништяк, ништяк, путаница в ремне, вылез.

А я двинулся дальше, надо отвезти качели на дачу, и вот еще — столик, два сборных стула из OBI, ездили туда на днях, светильник, ещё так, по мелочи, бренчит в багажнике. Чуть позже, когда потеплеет, буду приезжать с работы, садиться на лавку, открывать с шипением пиво и ждать. Чего? А Бог его знает. Ждать чего-то. Интересно, а на озёрах Хакасии тише, чем на даче, к которой уже вплотную подбирается трасса? Наверняка.

Приехал, поставил, разложил всё по местам. На даче было неуютно — пахло зимней сыростью да прелыми осенними листьями. Прошёлся по участку. Всё как и год назад — тут копать, там разобрать. Вытащил старый табурет, уселся перед домиком. Задумался — не собрать ли стулья. А ведь вот так и привязываешься. Или

привязывают? Вначале через машину, потом — квартира, совместные походы по магазинам, дети, дача, земля... И никогда в жизни не увидеть мне ни озёр Хакасии, ни тайгу, ни даже Урала того же, потому что пора возвращаться домой, по пути еще — продукты, аптека, памперсы не забыть забрать из интернет-магазина, заказ второй день там лежит... Со вздохом уселся в машину, закурил и поехал. Домой.

По пути предсказуемо попал в пробку — районы устремились в Казань на выходной. Перещёлкивал радиостанции (чушь, старье, реклама, болтовня) и вдруг — на противоположной стороне трассы — барабан, маска, рюкзак, идёт, подпрыгивает, в Сибирь, в свою страну ста озёр.

Час прошёл, а его так никто и не подобрал. А ему же до ночи надо было попасть в Мензелинск, он сам сказал, что из Челнов фуры на Екат не ходят. И воды у него нет. Какие тут родники, кругом одна пашня, бензоколонки или мотели с громадными парковками для дальнобоев. Так и будет идти до ночи. А где остановится? Палатки у него нет, рюкзак слишком маленький. А что, если?..

В конце концов — когда ещё? Прикинул: в кармане лежит пятёрка наликом, на карте ещё тысяч двадцать. Должно хватить и туда, и даже обратно. А там — озёра. Какие-то — минеральные, какие-то — просто чёрные. Лес. Тишина. Сто лет ведь мечтал.

Я загудел, передвинулся в правый ряд, уходя ближе к круговой развязке. Ещё и ещё. Да пусти ты, шкода, какая тебе разница, когда ты попадёшь в эту долбаную Икею, часом раньше, часом позже?! Кое-как продрался через забитые ряды, ушёл на разворот. Быстрее. Быстрее. Ещё быстрее.

Выскочил возле заправки, вбежал, швырнул пару сотенных бумажек, сгрёб две бутылки воды, шоколадку. На вечер хватит, если что — ещё остановимся, перекусим, уже за Татарстаном, на пути к Уралу. А там — завтра к ночи наверняка будем у подножья гор, смотреть, как закат на них разбрасывает тени. Быстрее.

Отъехал и помчался, газуя, объезжая — лишь бы успеть, лишь бы не подобрали. Вот здесь он шёл...

Я вышел из машины. Пусто. Никого. Вот только что ведь здесь был. Вот ведь как. Я чертыхнулся. Вот она, привязка — пока про эти дурацкие продукты думал, свобода-то и ушла. Уехала. Проводника нет, а одному ехать — совсем уже идиотизм. Пнул в сердцах камушки, проследил их пыльную траекторию.

Внизу, под отвалом дорожных камней, сидел он. И барабанил, и что-то напевал, и двигался в ритм, закрыв глаза. Вот же он. Просто из-за гула машин я его не слышу, а он меня — из-за музыки. У всех свои шумы.

Я спустился. Дотронулся до его плеча:

— Какие там, говоришь, озёра есть?

Казань, май 2017

Елена Штанько

Елена Штанько родилась в 1978 году. После окончания филфака КГУ работала в редакционном отделе Госмузея Республики Татарстан, корректором в СМИ, публиковалась в республиканской печатной прессе и электронных изданиях. Сочетает гуманитарное образование с интересом к интернету: в 2006-2008 годах отвечала за контент сайта Министерства культуры РТ, с 2008 года – редактор официального портала мэрии kzn.ru, затем редактор раздела «Афиша» полезного городского сайта «Казанский портал». В данный момент – маркетолог в турагентстве.
Увлекается фотографией, в 2006 году заняла первое место в городском конкурсе фотографий «Моя Казань».

МИСТИКА НА МАРШЕ:

отзыв на сайт Альбины Нури

Литературы в интернете стало больше – вскоре после Нового года свет увидел личный сайт татарстанской писательницы.

Ее имя стало известным широкому кругу читателей относительно недавно; преподаватель, журналист, член татарстанского Союза писателей, она совершила карьерный взлет, когда начала писать книги в жанре «мистический триллер». Сочетание навыка связного изложения текста, закрученного сюжета и персонажей из российской действительности, которые сталкиваются со сверхъестественным, дало отличный результат – Альбина Нури вошла в первую двадцатку топ-50 российских писателей-фантастов 2017 года по совокупности тиражей книг, опубликованных в прошлом году. Суперпопулярный Ник Перумов всего-то на три позиции выше.

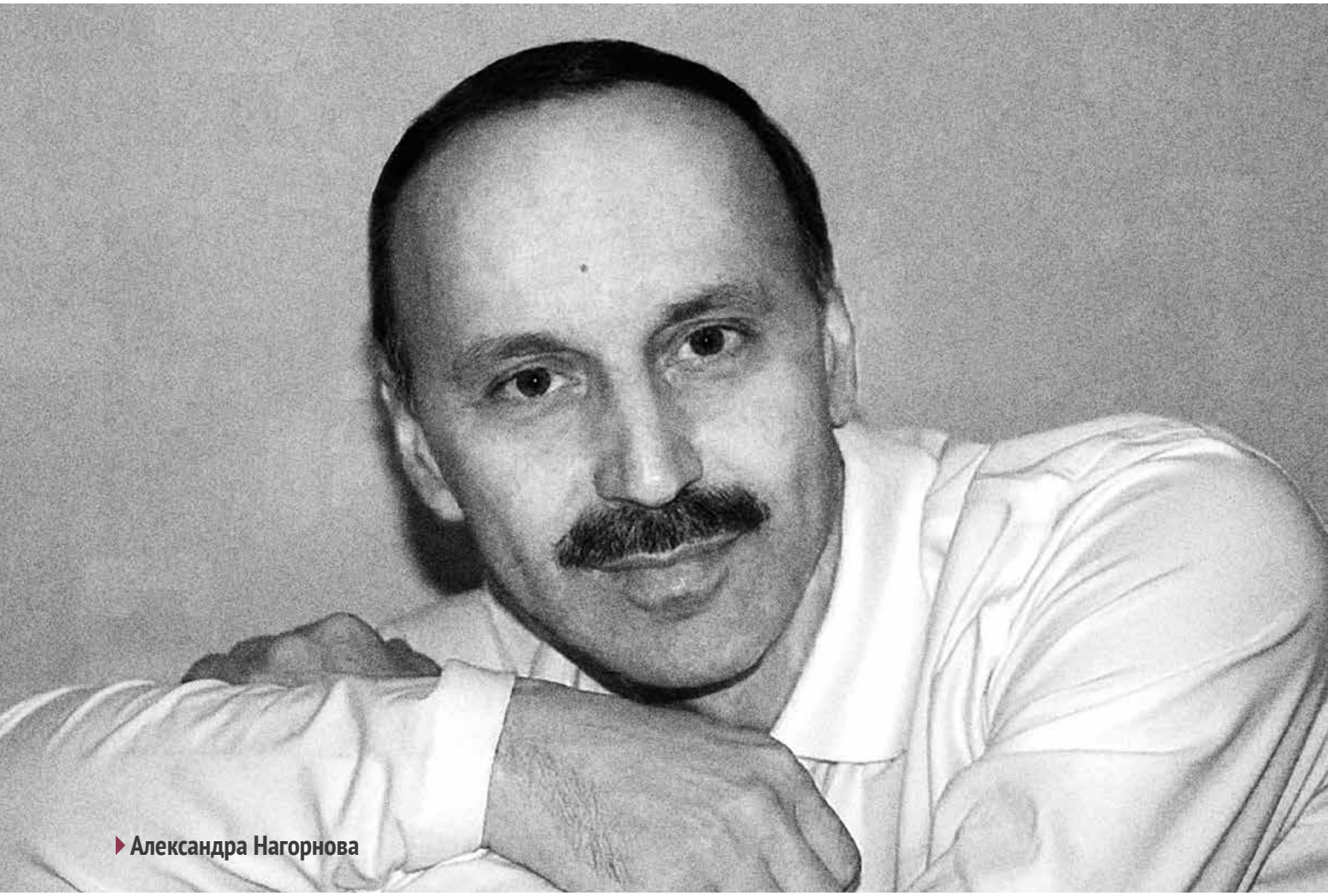
Так что появление у писательницы официального сайта – вполне закономерный шаг: соцсети соцсетями, но надо обустраивать собственную территорию.

Оформление сайта вполне в духе сочинений Нури – бюджетно, но в тренде. Есть и раздел «Об авторе», и последние новости о писательнице, и комплиментарные отзывы читателей на книги, и ссылки на сайты книжных магазинов. А еще два любопытных раздела – «Ваши истории» и «Мистика реальной жизни». В первом опубликованы мистические истории, присланные почитателями таланта Нури, во втором – что-то вроде текстовой версии передач российского канала ТВ-3, который специализируется на мистике: небольшие эссе о черных собаках на дорогах, магических числах, астрологии у Пушкина.

Кстати, далеко не все даже известные авторы имеют свой отдельный «дом» в интернете. Анна Русс, Вера Полозкова обитают на личных страницах в соцсетях и на разнообразных сетевых литературных площадках. Им сайт как таковой, похоже, не нужен – вовлеченности читателей достаточно и без того.

Между тем, последние два десятилетия ознаменовались появлением авторов, которые обрели свою известность в первую очередь в виртуальном пространстве. Писательница из Владивостока Лора Белоиван, прозаик из Санкт-Петербурга Алексей Смирнов прошли общий для многих современных авторов путь: популярность в ЖЖ – издание книг – популярность в Рунете – персональный сайт. И Альбина Нури если не по возрасту, так по духу ближе скорее к этому поколению интернет-первопроходцев; закономерно, что ее литературное альтер-эго обитает в интернете вот так вот обособленно.

Нури и ее творчество комфортно встроены в современность. Нынешняя реальность предполагает все больший отказ от материальных носителей текста и переход в виртуальность. Но вместе с тем существует и устойчивый тренд, когда автор и его книги не выброшены на обочину современности интернетом, а сосуществуют с ним: в сети анонсируется выход новых изданий, на встречу с читателями приглашают там же, а отрывки из новых сочинений выкладываются на официальных сайтах.



Александра Нагорнова

РИНАТ БЕКТАШЕВ:

Любой успех в жизни связан с трудом

Режиссер Крымскотатарского драматического театра дал интервью «Идели» по случаю премьеры спектакля «Аршин мал алан», состоявшейся на сцене Государственного Большого концертного зала в Казани.

В преддверии нового года Казанская консерватория представила премьеру знаменитой музыкальной комедии азербайджанского композитора Узеира Гаджибекова «Аршин мал алан». В постановке, представленной на сцене Государственного Большого концертного зала имени С. Сайдашева, приняли участие творческие коллективы Казанской консерватории. Постановщик спектакля – заслуженный деятель искусств Украины Ринат Бекташев.

– Вы впервые поставили «Аршин мал алан» в 2013 году в Крымскотатарском театре, к столетию создания этой комедии. И даже привозили спектакль в Казань в 2015 году на фестиваль «Науруз». Как возникла идея поставить этот спектакль с оперной студией Казанской консерватории и оркестром Tatarica?

– Как всегда, спонтанно. Для нашего театра Казанская консерватория стала вторым домом, сюда на подготовку приезжали наши вокалисты и с большим восторгом отзывались о консерватории. Я так думаю, что в этом большая заслуга Рубина Кабировича Абдуллина, потому что здесь собрались лучшие специалисты и самые талантливые люди, которые делятся своим мастерством со студентами. Возникла идея поставить спектакль, почему бы и нет? В таких условиях, честно сказать, я работаю в первый раз. Концертный зал – это не театральная сцена, здесь нет оркестровой ямы, свет и акустика здесь другие. Но ничего, сориентировались, справились.

– В вашем театре вы предпочитаете компактные декорации, которые можно сложить в обычный чемодан и увезти с собой. Оперной студии тоже приходится обходиться минимумом. На ваш взгляд, жесткие рамки мешают режиссеру или наоборот, побуждают креативно решать задачи?

– Все зависит от постановки, от материала – насколько его можно адаптировать к таким условиям работы. В принципе, когда ты стоишь перед задачей минимально использовать что-либо, то в голове возникает множество идей. В нашем случае мы долго думали с художником спектакля Булатом Ибрагимовым, как быть, ведь ситуация усложняется тем, что оркестр находится на сцене. Нужно было визуально отделить инструменталистов от певцов, поэтому мы решили поставить на сцене огромную раму. За этой ширмой находился оркестр, и оттуда появлялись все действующие лица.

– Вы ставите и комедии, и серьезную классику, и даже пьесы собственного сочинения...

– Говорят, голь на выдумки хитра. У нашего народа 50 лет не было театра, и те драматические произведения, которые были у нас в довоенный период, исчезли. Существовали шикарные переводы и Шиллера, и Чехова, и Шекспира... Вся классика была переведена на крымскотатарский язык! В период, когда наш народ выслали, ни для кого это не представляло ценности – все потерялось, и мы начали восстанавливать театр с нуля. Но народ хочет видеть в театре и что-то свое, специфическое, где можно услышать родной язык и чувствуется своя ментальность. Приходится иногда что-то выдумывать, дописывать, переделывать.

– Какие жанры вам ближе как режиссеру?

– Бывают такие периоды, когда с удовольствием ставишь что-то

серьезное. Если внутри накипело, наболело, постановка трагедии – это возможность выплеснуть свои эмоции и выразить мысли. Иногда хочется, наоборот, повеселиться, и тогда рождаются комедии. Честно сказать, от «Аршин мал алан» я не ждал ничего особенного и не старался сделать его «фестивальным», а спектакль неожиданно стал получать призы *(труппа Крымскотатарского театра получила Гран-при фестиваля «Театр. Чехов. Ялта» за постановку комедии – прим. ред.)*.

– Многие спектакли вы буквально «рисуете». И в постановке «Аршин мал алан» много красочных тканей. Это связано с вашим опытом работы на текстильном комбинате?

– Я действительно выдумываю костюмы и декорации, потому что актеру иногда проще объяснить на бумаге, как это будет выглядеть. Так получилось, что свою судьбу я сначала строил как художник по тканям. Потом в одночасье все перевернулось, когда к нам на комбинат приехала делегация актеров, среди которых была заслуженная артистка РСФСР Нина Ульяновна Алисова. Если помните, она сыграла в «Бесприданнице» Якова Протазанова с Анатолием Кторовым. Мы с ней подружились, и именно она повлияла на мое решение все бросить и уехать поступать в Москву. В Москву тогда не получилось, поэтому я поступил в Ташкент *(Ташкентский театрально-художественный институт им. Н. Островского – прим. ред.)*. Такая история.

– То есть история торговца тканями в чем-то была вам близка?

– *(смеется)* Наверное, да. Так вот, «Аршин мал алан» – это действительно о торговце тканями. Поэтому в сценическом решении много красочных тканей. Что вы хотите, это же Азербайджан! Это всегда ярко, это всегда чуть-чуть более сочно и многоцветно, чем у европейцев. Здесь сочетается несочетаемое, ведь восток – дело тонкое!

– Вы поставили «Аршин мал алан» в Казанской консерватории на русском языке, а некоторые вокальные номера исполнялись на татарском. Так было задумано?

– Изначально была идея перевести всю пьесу на татарский, но времени катастрофически не хватало, и мы оставили только несколько вокальных номеров. Язык очень важен. Да, Чехова тоже переводят на другие языки, но перевести текст с той тонкостью и филигранностью, которая звучит именно в его подаче, иногда просто невозможно. Порой не совпадает даже смысл. При переводе классики в нашем театре бывали ситуации, когда на русском языке фраза звучала нейтрально, а в крымскотатарском варианте выходило так, что зал умирал со смеху. Я считаю, что песни в «Аршин мал алан» должны звучать либо на татарском (крымскотатарском или языке казанских татар), либо на азербайджанском. Потому что это композиторская задумка, и мелодика языка должна «попадать» в определенные звуки. Кроме того, мне хотелось, чтобы солисты попели и на татарском, и немного на азербайджанском языке, это красиво.

– Как вам работалось с нашими солистами?

– Когда сталкиваешься с людьми, которые еще не размяты и податливы – это счастье. Хуже, когда невозможно разгрызть «гранит» устоявшегося актера. У консерваторских солистов очень хорошая школа, все имеют хорошую базу, с ними легко работать – они хотят! Ребята по-настоящему загорелись, я не знаю, чья это заслуга – моя или Гаджибекова, или всех нас вместе. Главное, у нас сложилась команда.

– Как вы выбирали солистов в премьерный состав?

– Любой успех в жизни, любой результат связан с трудом. Тех, кто трудился больше остальных, я и выбрал. Возможности и талант человеку даются природой в разном количестве. У кого-то 30 процентов, у кого-то 100, но даже они не помогут, если не умеешь пережить и донести нужную мысль или эмоцию до зрителя. В «Аршин мал алан» значительная доля текста, много чисто актерской работы. Среди ваших консерваторских ребят есть очень талантливые от природы мальчики и девочки. Конечно, нужно еще много работать, поскольку нужен опыт. Но именно эта постановка дает им возможность попробовать себя и в актерском мастерстве, и вокальном. Ведь неизвестно, как сложится их судьба. Теперь, если они попадут в драматический театр, они смогут и играть роли, и петь. Если б еще танцевать умели, вообще была бы красота. Например, в Крымскотатарском театре у нас все универсалы – актеры занимаются у станка, ходят на вокал, и они всегда в форме.

– Что важнее для актера – молодость или опыт?

– Иногда молодость позволяет творить настоящие чудеса. Непреодолимое желание показать себя и быть на высоте может больше помочь человеку, чем опыт. Ведь бывают актеры, которым уже все поднадоело, они опытны, они все сыграли и устали от этого. Я всегда за то, чтобы молодым была открыта дорога.

Дария Шарафутдинова

Перед началом 2018 года выпускник Казанской государственной консерватории Рузиль Гатин был приглашен к участию в двух масштабных проектах знаменитого итальянского театра Ла Скала в Милане. Мы попросили артиста поделиться впечатлениями.

РУЗИЛЬ ГАТИН:

Живу в Казани, работаю в Италии, а Россия — мой дом

– Рузиль, как вы получили приглашение в Ла Скала?

– Этой осенью в Ла Скала проходило прослушивание, где присутствовало руководство, а также кастинг-менеджер театра Тони Градшак. В итоге я был приглашен на два проекта. Первый – опера Джоакино Россини «Севильский цирюльник», где мне предложено было исполнить партию графа Альмавивы. Эта постановка создана специально для детской аудитории. На протяжении нескольких лет режиссеры театра Ла Скала привлекают в зал юного зрителя, по их словам, того зрителя, который придет к ним завтра. Именно по этой причине многие шедевры классической оперы переделываются для детей. В «Севильском цирюльнике» принимает участие два состава. В прошлом году было исполнено около двенадцати спектаклей: с оркестром, красочными декорациями, богатыми и красивыми костюмами. Это постановка академии театра Ла Скала, где партии исполняют юные оперные певцы, ученики этого учебного заведения. Я тоже был приглашен в качестве солиста для участия в проекте, и мы с ребятами осуществляем его с большим удовольствием! Билеты были проданы на все спектакли, основной зрительской аудиторией стали дети и их родители.

Второй проект, на который я был приглашен – опера Кристофа Виллибальда Глюка «Орфей и Эвридика», на французском языке. Это постановка лондонского Королевского театра «Ковент-Гарден», которая осуществится на сцене оперного театра Ла Скала в марте и апреле 2018 года. Я выступаю в качестве дублера исполнителя

партии Орфея – всемирно известного перуанского тенора Хуана Диего Флореса. Для меня это большая честь и огромная удача.

– С чем новым вам пришлось столкнуться как вокалисту в Италии? Что в работе за границей первое время было самым сложным?

– Несмотря на то, что итальянский я изучал в консерватории, мой уровень знания языка был не очень высоким, поэтому первое время за границей проходило непросто. Поскольку итальянский – это международный язык музыкальных терминов, понять речь дирижера было нетрудно, но нередко возникали сложности в изъяснении по бытовым и организационным вопросам. К счастью, многие артисты разговаривают на английском языке, которым я неплохо владею и благодаря которому сложилось общение с коллегами. На сегодняшний день итальянский я понимаю более-менее хорошо. По крайней мере, профессиональных трудностей не возникало. Постоянное общение в новом месте с новыми людьми помогло очень быстро влиться в коллектив.

– Как помогла в дальнейшей профессиональной деятельности учеба в консерватории, что дала вам?

– С уверенностью могу сказать, что все, что я сейчас умею и делаю на оперной сцене – прежде всего, благодаря моим педагогам из консерватории. Я параллельно учился и в Российском университете театрального искусства ГИТИС, но за то, что пошел по классической оперной стезе, благодарен консерватории. Я обучался в классе заслуженной артистки Татарстана, профессора Нины Петровны Варшавской. Именно она привила мне любовь к опере и классической музыке, в ее классе я сделал свои первые профессиональные шаги. Многое бы не получилось и без помощи заведующей кафедрой вокального искусства Зили Даяновны Сунгатуллиной. Очень благодарен Альфие Ибрагимовне Заппаровой – руководителю Оперной студии при Казанской консерватории – за огромный опыт, который получили мы, выпускники, и продолжают получать нынешние студенты. Без него на профессиональной сцене пришлось бы непросто. Не раз приезжающие к нам солисты и дирижеры говорили, что наша оперная студия является одним из лучших творческих коллективов в России, и это неслучайно: ведь с нами всегда работали лучшие профессионалы. Я горжусь, что выступил почти во всех музыкально-сценических жанрах и даже подвизался в качестве режиссера. Отдельные слова благодарности хочется сказать руководству консерватории, которое всегда поддерживает наших музыкантов, в частности, проректору по учебной и воспитательной работе Ринату Арифулловичу Халитову и ректору консерватории Рубину Кабировичу Абдуллину. По возможности я стараюсь посещать педагогов в консерватории, они продолжают поддерживать меня и сегодня.

Благодаря учебе в ГИТИС я научился азам актерского мастерства, что тоже очень важно в моей профессии. Но, конечно, впереди еще немало работы и многое нужно совершенствовать.

– Чему вы научились у зарубежных коллег?

– В любой работе опыт имеет огромное значение. Очень здорово, что я участвую в спектаклях с такими же молодыми ребятами, которые еще только делают свои первые шаги на профессиональной сцене, а также с уже опытными артистами, поющими в лучших театрах Италии, Германии, Франции, Америки, Англии. Мы, молодое поколение, видим, как они работают, воплощают свой образ на сцене, и учимся у них. Здорово, когда есть возможность в любой момент подойти и спросить совета у более старшего коллеги. Иногда наоборот, опытные исполнители сами что-то подсказывают, но они стараются не обидеть нас и никогда не показывают, что они выше по статусу. В оперном искусстве и вообще в музыкальном творчестве нужно учиться всю жизнь и постоянно развивать свои возможности.

– Чем отличается работа в Италии от работы в России? Какие плюсы и минусы можете отметить?

– У меня нет большого опыта работы в России. Я участвовал в небольшом количестве оперных спектаклей в Казани, они проходили в основном на татарском языке. По этой причине я не могу сравнивать крупные постановки, представленные в главных российских театрах. Но я общаюсь со своими коллегами и знаю, как проходит работа в нашей стране. Я не могу сказать, где лучше, но отличия довольно ощутимы. Итальянцы очень не любят перерабатывать, для них важно вовремя отдохнуть: устроить обеденный перерыв или отвлечься на чашечку кофе. Для наших ребят иногда это может показаться странным: отдых был буквально двадцать минут назад и снова дают перерыв… Но также многое зависит и от проекта. Бывает, что репетиция некоторых оперных фрагментов может проходить продолжительное время, пока не получится идеально и пока дирижер или режиссер не будет доволен работой.

– В каких российских проектах вы принимаете участие и где вы сейчас живете?

– Я живу в Казани. Несмотря на то, что довольно большое количество времени я провожу в Италии, Россия – мой дом. Я поддерживаю хорошие отношения со своими коллегами, мы часто встречаемся с ними на гастролях. Сложно сказать насчет российских работ, потому что будущее пока связано только с постановками в Италии. А вообще в Казани всегда стараюсь принимать участие в различных операх и национальных проектах.

– Какими качествами должен обладать артист, чтобы достичь профессиональных высот?

– Могу поделиться только своим самым минимальным опытом. Во-первых, нужны терпение и труд – это скажет любой артист. Важно быть в хорошем смысле «больным» своим делом. Это не значит, что 24 часа в сутки следует заниматься только оперным искусством, но важно уделять огромное внимание своей профессии и стараться добиваться максимального результата. Это дает толчок для будущих новых достижений. Нужно стараться участвовать в конкурсах для получения опыта. Начинающим исполнителям нужно не отправляться сразу же на конкурс масштабного уровня, а постепенно, учитывая свои возможности, добиваться поставленных задач.

Во-вторых, в профессиональной деятельности очень помогает и поддерживает общение с коллегами. И, конечно, нужно работать и постоянно совершенствоваться, находиться в постоянном творческом поиске. Работайте над своими слабыми сторонами, используйте сильные, и тогда, я думаю, успех не заставит себя ждать.

TEATRO ALLA SCALA

INTESA SANPAOLO

Rappresentazione N. 277

DOMENICA 12 NOVEMBRE 2017 – ORE 14

PRIMA RAPPRESENTAZIONE

Fuori abbonamento

IL BARBIERE DI SIVIGLIA PER I BAMBINI

Musica di

GIOACHINO ROSSINI

Elaborazione musicale e arrangiamento di

ALEXANDER KRAMPE

(Universal Edition, Wien; copia per Ditta Casa Ricordi, Milano)

Il Conte d'Almaviva RUZIL GATIN
Bartolo ROCCO CAVALLUZZI
Rosina ANNA-DORIS CAPITELLI
Figaro GUSTAVO CASTILLO
Basilio DONGHO KIM
Berta CÉLINE MELLON
Un Ufficiale LASHA SESITASHVILI
Ambrogio/ il Narratore STEFANO GUIZZI

Nuova produzione Teatro alla Scala

SOLISTI DELL'ACCADEMIA DI PERFEZIONAMENTO PER CANTANTI LIRICI DEL TEATRO ALLA SCALA
ORCHESTRA DELL'ACCADEMIA TEATRO ALLA SCALA

Direttore

PIETRO MIANITI

Regia di

GRISCHA ASAGAROFF

Scene e costumi di

LUIGI PEREGO

PREZZI

Тимур Gazi

«КАИН XVIII» – консервы времени

Это сказка без затей,
но она не для детей...!
Служит пусть она примером
по «неведомым краям»
разным канцлерам-премьерам,
генералам-изуверам,
экс- и просто королям!

О некоторых советских фильмах с двойным дном интересно рассуждать. В СССР вообще было очень развито киноповествование на полутонах, а советская сатирическая традиция не одно поколение приучила обращать внимание на мелочи и искать в кадре тайный смысл. Неплохой представитель подобного рода фильмов – «Каин XVIII».

Фильм любопытен в первую очередь временем выпуска: он «шестидесятник» – 1963-го года. Это было удивительное время: как раз тот момент, когда «дорогой» Никита Сергеевич отпустил вожжи, ослабил удавку и Советский Союз вырвался из пут монументального сталинского искусства, которое стремилось исключительно к достижению высоких целей, не думая о людях.

Тот, кто не жил в то десятилетие, понять этого не может. Я помню шестидесятые по рассказам своих родителей и родственников; могу оценить по фильмам и книгам, которые в то время выходили. В те годы появился «Один день Ивана Денисовича»; целый ряд чудесных вещей в кинематографе – тот же самый «Каин XVIII», «Сказка о потерянном времени», «Тень». В большинстве этих фильмов фигурировала фамилия Шварца.

Евгений Львович Шварц родился в Казани, в бедной еврейской семье, как тогда говорили, хотя мать у него была русская, а отец – крещеный, и сам он себя считал русским. Более того, он участвовал в Первой мировой войне, также – в знаменитом «Ледяном походе» Каппеля. Там он получил контузию, и тремор рук его беспокоил всю оставшуюся жизнь. В то же время Шварц мог смело называть себя евреем. Это была уникальная личность: будучи, по сути, русским, не скажу монархистом, но февралистом точно – то есть демократом, ухитрился стать своим в еврейско-советской среде. И все его пьесы, которые до сих пор востребованы (все, наверное, помнят «Убить дракона» Марка Захарова), были исключительно точны. Потому что он ухитрился стоять на двух ногах, когда все остальные болтались, как шарик на верёвочке. Он был своим и в этой среде, и

в той – видел мир двумя глазами. Поэтому Шварца, конечно, надо выделять в какой-то отдельный феномен советской культуры.

Так вот, Шварц написал пьесу «Голый король», потом сделал из неё сценарий «Два друга», и в результате на «Ленфильме» был снят интересный фильм «Каин XVIII». По тем временам даже модерновый, потому что это своего рода фильм-спектакль: снимался в декорациях и, по всей видимости, был очень дешёвый, буквально копеечный. Ещё одно достоинство этого фильма помимо сценарной основы – сногсшибательный режиссерский дуэт Надежда Кошеверова – Михаил Шапиро. До этого они сняли «Золушку» – невероятный успех в Советском Союзе.

Плюс совершенно потрясающий актерский состав: Эраст Гарин играет короля; Михаил Жаров – военного министра; звезда советского кино Георгий Вицин – эпизодическую роль палача; Лидия Сухаревская – королеву Власту; Рина Зеленая – гувернантку принцессы Милады; Михаил Глузский – начальника королевской охоты; главный герой, бродячий певец Ян, – Александр Демьяненко, будущий знаменитый Шурик. Об этом актере можно долго говорить: как слава убивает человека. Он быстро рос как очень хороший артист: снимался, был востребован в самых разных, в том числе и драматических, ролях, – но Шурик его «убил». После того как он сыграл в «Операции Ы» и «Кавказской пленнице» Гайдая, клеймо Шурика пристало к нему до смертного часа.

В «Каине XVIII» ещё целый ряд замечательных артистов (нынешним сериальным актерам до них как до луны пешком). Эпизодическую роль туалетного работника исполняет мегазвезда Борис Чирков. Тут он же уже пожилой, а, будучи молодым, блистал в «Юности Максима»! Роль начальника Тайной Полиции досталась Бруно Фрейндлиху, отцу знаменитой Алисы Фрейндлих. Я уже молчу про то, что Первого Министра играет Юрий Любимов – человечище, режиссёр, который в Советском Союзе фактически сформировал отношение людей к театру как таковому.

Вкратце расскажу фабулу фильма. Королева Власта приехала в соседнее королевство к Каину XVIII сватать свою красавицу дочь. Король – старик, тиран и самодур. Соответственно, главная задача Первого Министра – вора и афериста – увидеть, с какой ноги встал король, чтобы обтяпывать свои делишки. А начальник Тайной Полиции следит за ним, но только чтобы отжать у него кусок незаконно нажитого в свою пользу. После удачного сватовства Каин XVIII подарил Власте пушку и дал отряд солдат для ее сопровождения. Она говорит: «А зачем мне эти солдаты?» – «Охранять пушку». – «Как же я буду их кормить?» – «Ой, поверьте, кормить надо только невооружённых солдат, а вооруженные прокормят себя сами – не первую пушку дарим, проверено!» Фильм перенасыщен подобным остроумием, его можно растаскивать на цитаты.

Обратим внимание на то, что королеву, мать Милады, зовут Власта. Параллель со словом «власть» очевидна. То есть тот, кто женится на принцессе, получает власть! Именно за неё идёт война между старым миром – королем Каином XVIII – и новым миром – вольным менестрелем Яном. В итоге некий символ всей европейской мистики – Принцесса – достаётся бродячему музыканту. Принцесса – это и есть истинная власть – Жанна д'Арк, девственница, способная укротить единорога.

Сюжетную линию делает сложно-переплетенной история с комаром-мутантом, которого изобрел придворный ученый (Александр Бениаминов). «Атомный комар» – живая бомба и может взорваться, если его прихлопнуть, когда он пьет у человека кровь. В середине фильма Каин испытывает это оружие на своём брате Авеле: тот сидит в своём замке у окна, комар садится на его бритую голову, Авель хлопает ладонью по голове, после чего на экране, с которого Каин наблюдает за происходящим, появляется мощный взрыв.

Учёный с внешностью Эйнштейна изобрел кровососущего гада, естественно, исключительно из гуманистических побуждений: чтобы спасать мир, обеспечивать людей бесплатной энергией… Как можно вещь, которая предназначена спасать мир, заключить в комаре? Это же мерзопакостное насекомое – особенно в свете новых данных о том, что этот представитель отряда двукрылых переносит вирус Зика.

Таким образом, фильм по большому счёту именно о власти. О том, что человек должен быть свободен от нее; понимать, что с властью надо разговаривать на равных, как с некой отвлечённой силой, которая может быть и злонамеренной, и, в общем-то, бездумной. В «Каине XVIII» бродячие певцы пели песенку: «Кто душою молод, тот сам себе король». Этот мотив шел рефреном через весь фильм: человек может быть свободен от власти – он лучше, он положительнее, он круче!

Ведь именно в ту пору, в 60-е годы, в период краткой хрущёвской оттепели, люди поняли, что, оказывается, они могут сами что-то решать, и не обязательно для этого ждать отмашки секретаря парткома.

Но что получается: в фильме показывается злокозненность вышестоящих – короля, военного министра, Первого Министра, начальника Тайной Полиции сказочного королевства, а практически весь этот негатив реализован в наши дни. Действия нынешних власть имущих словно слизаны оттуда. Будто кто-то когда-то смотрел «Каина XVIII» и теперь закладывает события в истории современной России.

Краткий пример, чтобы не быть голословным: в этом фильме ученый говорит военному министру: «Как же так, если эти комары вылетят, то погибнут люди. Это же могут быть женщины, более того, это может быть кормящая мать!» Обратите внимание, что говорит в ответ военный министр в исполнении Жарова: «Это не просто кормящая мать – это военный объект, потому что она выкармливает будущего солдата!»

Ничего не напоминает, уважаемые друзья? Не так давно некий интернет-деятель, с матерным ником, пришел на радиостанцию «Эхо Москвы» и на вопрос ведущей: «Неужели и женщин, и детей надо убивать?» – ответил: «Женщины? Они рожают сирийских солдат. Если их разбомбят, они не будут рожать сирийских солдат. И слава Богу...» И вот теперь вы мне будете рассказывать, что ученый был белый и пушистый...

Таким образом, в кино Ян выиграл, а в жизни – проиграл: романтикам с горячим сердцем скормили сладкую ложь, подготавливая революцию девяносто первого года. И вот тогда народу перестали врать и сказали: «Мы можем всё, и мы имеем всё, а вы никто». На самом деле, это гораздо более честная ситуация, чем это было при СССР, когда людям внушали: «его величество рабочий класс», «народовластие» и так далее. В реальности же сидел какой-нибудь Лев Ландау и воротил всей Академией наук как хотел, потому что был прямой представитель Великобритании. Вот и все дела. И таких было много на вершине властной пирамиды, но где-то там, втайне, а сейчас маски сброшены.

Так что необходимо учиться понимать скрытые смыслы, разбираться в тонкостях (дьявол, как известно, скрывается в мелочах). Только тогда из произведений киноискусства можно извлекать колоссальную пользу.

ОТ РЕДАКЦИИ

Решив полюбопытствовать, действительно ли фильм «Каин XVIII» был таким знаковым, всколыхнувшим советское общество, как это описывает Тимур Gazi, мы попросили поделиться воспоминаниями казанцев. Откликнулись художник Рашид Тухватуллин, актер Александр Купцов, оперный певец Эдуард Трескин.

Самым ярким оказался рассказ поэтессы Людмилы Уфимцевой: «Фильм “Каин XVIII” – комедия-сказка, какой я ее запомнила, появилась на экранах кинотеатров Казани (таких как “Вузовец”, например, и в кинотеатре Ленинского садика) не в год выпуска, а позже – где-то в 66-67 году. Мы, тогда студенты вечернего отделения химфака КГУ и лаборанты Института органической и физической химии (ИОФХ) им. А.Е. Арбузова, часто дурачились, изображая героев этого фильма и вспоминая меткие фразы, надолго ушедшие в народ. Диалоги из фильма “Каин XVIII” звучали со сцен студенческого театра миниатюр “Ухват” (его участником был Борис Бронштейн) и в самодеятельных спектаклях ИОФХ (была ведущей концертов

и их участницей по комсомольской линии).

Благодаря фразе короля “Подойди ко мне, туалетный работник” я и вспомнила этот фильм. Почему именно по этой? Дело в том, что после школы не все выпускники сразу нашли постоянное место работы (выпуск 1966 года был двойным – и десятые, и одиннадцатые классы). Вот мы, студенты-вечерники, и подрабатывали на химфаке: кто на вешалке, кто помощником лаборанта, а кто и уборщицей. Помещения химфака делились на участки – кому какой достанется; если на твоем участке был туалет, ты убирал и его. Часто встречаясь, мы подтрунивали друг над другом – подмигивая, называли пароль: “Подойди ко мне, туалетный работник”.

В те трудные и в то же время веселые годы нашей юности помогали выжить полные юмора слова героев фильма: “Первая придворная дама про мужчин все знает”; “Как только ты выйдешь замуж, ты забудешь о любви»; «Его величество король опять не женат”; “Я работаю в зависимости от того, с какой ноги встал король”».

Не менее ценно мнение о фильме представителей более молодого поколения, которые узнали о существовании «Каина XVIII» недавно, буквально на днях. О том, что картина 55-летней давности по-прежнему будоражит и радует, свидетельством ее содержательное обсуждение, с которым можно ознакомиться на следующей странице.

«КАИН XVIII» вчера и сегодня

Наш сегодняшний разговор с известными казанскими литераторами Филиппом Пираевым и Эдуардом Учаровым – о фильме-сказке «Каин XVIII», поставленном 55 лет назад на «Ленфильме» режиссёрами Надеждой Кошеверовой и Михаилом Шапиро по сценарию Евгения Шварца и Николая Эрдмана.

Известно, что в процессе создания фильма «Каин XVIII» для работы над сценарием сказки «Голый король» Шварца пригласили Николая Эрдмана, который не просто дописал необходимые сцены, но и переработал имеющиеся. На ваш взгляд, цельный ли получился

Эдуард Учаров. Родился в Тольятти в 1978 году. Автор пяти книг, в т.ч. книги стихов «Инородная вещь» (Казань, 2017). Публиковался в журналах «Дружба народов», «Новая юность», «Нева», «День и Ночь», «Современная Поэзия», «Дети Ра», антологии «День поэзии XXI век. 2015/2016» и др. Победитель турнира поэтов Литературной Универсиады в Казани (2013). Стихи переведены на сербский язык. Живет в Казани.

фильм? И чего всё-таки в нем больше – шварцевского или эрдмановского?

Эдуард: Мне кажется, они похожи по духу, поэтому Эрдмана и пригласили. И всё же много непонятного. Даже с названием у меня недоумение. Брата короля комар убил случайно, а библейский Каин – из зависти. Не тот мотив – как юрист говорю.

Аллюзия на библейский сюжет уже не допускает интерпретаций. Библия – самый крутой объект аллюзий и реминисценций, поскольку самая читаемая книга в мире. Возьмём для сравнения «Левиафан» Звягинцева – тоже библейский персонаж; здесь кинометафора понятна: государство – это чудовище, пожирающее человека. А при чём в нашем случае Каин и Авель? Лично для меня совсем не сработала в «Каине» и любовная линия, которая целиком растворилась в политической и военной теме. Она в этом фильме как аппендикс, причём воспалённый.

Филипп: Почему же? У Шварца тоже есть элементы политики, конечно, в меньшей мере, чем у Эрдмана, но всё-таки. Намёки, афоризмы – и в «Обыкновенном чуде», и в «Драконе». А любовная тема – это стержень, вокруг которого разворачивается действие. Начинаешь смотреть как сказку, и уже потом наслаиваются другие вещи. Мне фильм понравился.

Эдуард: На мой дилетантский взгляд, режиссёр здесь совсем невнятный. Но и сценарист перемудрил. Хотя понятно, что киноязык отличается от языка литературы.

Так, может быть, имеет смысл поговорить о литературной составляющей? Что общего у кино и литературы?

Филипп: Прежде всего, литературные приёмы, например, аллюзия и метафора. «Да здравствует король!» – «Да здравствует я!» Это аллюзия на Гитлера и его нацистское приветствие. Речь Каина также стилизована под речь фюрера. Для того времени всё это было актуально, учитывая недавнюю войну…

Эдуард: Каин – явный намёк на Гитлера. Последние дни короля, как и Гитлера, заканчиваются в отдельном бункере-антикомариннике.

А смерть Каина в туалете… не напоминает смерть Сталина в луже собственной мочи?

Филипп: Тут одна аллюзия не исключает другую. Ещё один литературный приём – гротеск. На него работают и театральные декорации, и комическая манера игры актёров, и костюмы. Да и сам сюжет гротескный.

Эдуард: Но это настолько по-детски.

Филипп: Ты имеешь в виду: «Чтобы ноги вашей не было в городе!» – «А если мы зайдём на руках?»

Эдуард: Это уже чисто каламбурные, литературные вещи. Именно поэтому «Каин» для меня прежде всего литературное произведение. Я бы с удовольствием почитал каламбуры. Потому что

каламбуры остаются ими и на бумаге: «Комар, которым вас пугала королевская камарилья...»; «Под лицом лица, которое я представляю в своём лице...»

Обэриутами попахивает?

Филипп: Это как раз именно шварцевское: «Будем продолжать веселье, чтобы народ ничего не заметил»; «Солдаты с ружьями сами себя прокормят».

«Всё, что стремится освободиться, нам не годится»; «Солдаты обрели уверенность и рвутся». – «Куда?» – «В отпуск!»; «Все люди станут богатыми, кроме бедных».

Эдуард: «Мы должны показать всему миру свой страшный оскал!» – «А вы почему не скалитесь?» – «Забыл вставить зубы».

Поймут ли дети все эти аллюзии, каламбуры, если это сказка для взрослых?

Филипп: Они поймут, только на своём уровне. Как те, кто в детстве читая «Мастера и Маргариту», видели лишь кота Бегемота. Здесь то же самое.

У авторов картины были все причины предполагать, что её не пропустит цензура. Сам Шварц незадолго до смерти говорил: «Надо же! Ведь я имел в виду Гитлера, когда сочинял сказку!.. А оказалось, что не только его...» Никита Хрущёв, правда, на премьерном показе «не заметил» шуток о королевской власти и тайной полиции, зато его гнев вызвали молодые люди, переодетые в женские платья. Съёмочная группа поплатилась увольнением с «Ленфильма», а фильм – ограничением тиража и выходом «вторым экраном». А какие параллели усматриваете вы? Насколько актуален Шварц сегодня?

Эдуард: Полицейское государство и разработка сверхоружия – это политика. И в зависимости от личных политических пристрастий можно провести сколько угодно параллелей с современными событиями в мире, и они могут быть совершенно полярными. Тут раздолье и для

Филипп Пираев. Родился в Тбилиси в 1965 году. Поэт, прозаик, переводчик, художник. Автор книги стихов «Угол взлёта» (Казань, 2015). Публиковался в журналах «День и Ночь», «Новая реальность», «Идель», «Графит», антологии «День поэзии. XXI век. 2015/2016». Автор перевода гимна республики Татарстан на русский язык. С 1993 года живёт в Казани.

либералов, и для патриотов. И страну выбирай себе по вкусу.

Филипп: Например, намёк на политику Штатов. Особенно когда подарили пушку для защиты от врагов, которых пока нет, но будет пушка – будут и враги. А солдаты нужны для того, чтобы охранять пушку.

Интересно, что кто-то усмотрел ассоциацию с нашими ближайшими соседями, сравнил Власту с Меркель, а бродячих музыкантов – с «Пусси Райот».

Эдуард: Сравнить можно всё что угодно. Вот вам шуточное сравнение Каина с Трампом. Каин женится на 16-летней, аналогично, Трамп на молодой. Кстати, принцессу зовут Милада, а супругу Трампа Мелания – песня, а не созвучие.

Филипп: Ну, это уж Шварц никак не мог угадать...

А если это провидчество?

Филипп: История по большому счёту повторяется. Всегда были и будут и коррупция, и подхалимаж.

Эдуард: И ядерная бомба будет теперь всегда, видимо. Но почему её в фильме символизирует комар?

У Шварца по сценарию должна быть божья коровка, но Эрдман заменил её комаром. Кстати, может быть, комар – это намёк на биологическое оружие?

Филипп: Не думаю. Просто нужно было показать распространение военной угрозы. Вот почему комар вылетает из бутылки. Это эзопов язык: джинна ядерной энергии выпустили из бутылки. А иначе как показать?

Эдуард: И всё равно слишком не так получилось. Ведь комар! Ведь работают штампы! Комариный укус – ничего страшного. Это метафора слабого ущерба. Трудно преодолеть этот штамп. Не случилось у меня ассоциаций убийства комара с атомным взрывом. Для меня убедительна другая – «Атомная сказка» Юрия Кузнецова, например: «И улыбка познанья играла / На счастливом лице дурака».

Филипп: А «Убить дракона»? Этот фильм, также по Шварцу, вполне справился с темой полицейского государства.

Эдуард: По «Дракону» у меня нет никаких вопросов: персонажи вполне адекватны. И фильм классный!

В формуле успеха фильма не последнюю роль играет актерское искусство.

Филипп: Актёры, на мой взгляд, великолепны. Особенно, конечно, король Каин XVIII, Первый министр, начальник Тайной Полиции и военный министр. Действительно, праздник для киногурманов.

Кстати, Эраст Гарин сыграл в трёх фильмах Шварца, и везде – королей. Так что у него, можно сказать, высшее королевское образование. Фильм можно полностью разобрать на цитаты и афоризмы. «Где моя Каинова печать?.. Я говорю о газетчиках».

Эдуард: «Полиция и палач должны выезжать как карета скорой помощи – только по вызову». Это уже не каламбур, это чистейший афоризм. Но кино – не только бурлеск афористичных диалогов и каламбуров, а нечто большее. И вот этого «нечто большего» для меня в фильме не случилось.

Филипп: Обратите внимание на актуальность табличек и вывесок. Надпись на телеге палача: «Тиранам скидка 15%». Табличка на двери: «Королю звонить 1 раз, премьер-министру – 2 раза, у начальника финансов звонок не работает».

Вы не задумывались, почему Каин именно 18-й?

Эдуард: Уже совершеннолетний?

Филипп: Может, и есть какой-то смысл в числе, но я не уверен…

Мне кажется, у больших художников смысл обязательно должен быть. Я думала о съездах: 18-й – последний довоенный съезд партии 1939 года. Зато предыдущий, 17-й, называли «съездом расстрелянных» – половина его делегатов была уничтожена. И всё-таки разгадка нашлась. Число 18 состоит из цифр 1 и 8. Если принять во внимание нумерацию латинских букв, то первой буквой будет A, а 8-й – H, то есть однозначно зашифровано имя Адольфа Гитлера: Adolf Hitler. Хорошо поговорили!

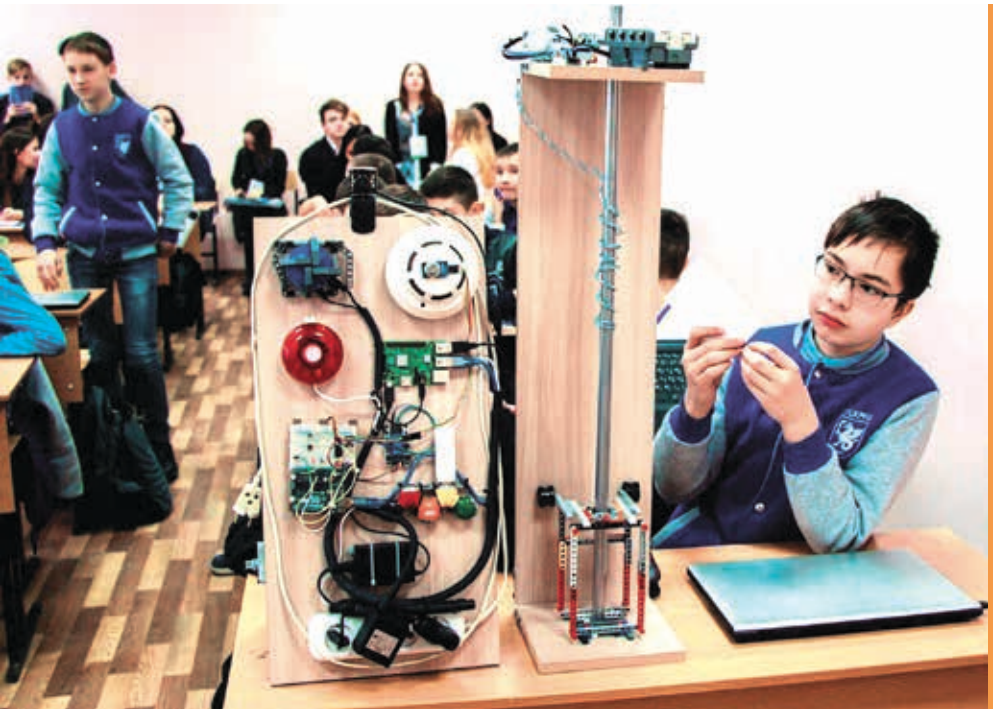
Филипп: Отлично!

Эдуард (смеётся): На 10 лет.

Беседовала Галина Булатова.

Лейсан Файзуллина

БУДУЩЕЕ ТАТАРСТАНА удивляет уже сегодня



В конце декабря 2017 года финалисты проектной олимпиады «Генеральный конструктор» Университета Талантов рассказали о том, как решить проблемы в экологии, медицине, образовании, сельском хозяйстве и других сферах жизни.

Фото из архива Университета Талантов

АРТУР ЕРЕМОВ,
ученик 10 класса ИТ-лицея КФУ

Я представляю проект DumRobJohn. Это робот-тренажер для обучения оказания первой медицинской помощи: можно научиться делать массаж сердца и искусственную вентиляцию легких. Если правильно нажать на грудную клетку, на шее манекена загорится зеленый индикатор и сердце забьется. За дыхание отвечает синий индикатор. Если оказать помощь неправильно – неверно нажать на грудь или ничего не предпринять в течение пяти минут после включения робота, оба индикатора загорятся одновременно, а робот «умрет».

АНДРЕЙ ИВАНОВ,
ученик 8 класса школы №4 в Бугульме

Я создал устройство – экологер. Используя его вместе со смартфоном, можно получить информацию о состоянии воздуха – узнать температуру, влажность, содержание пропана и бутана. Прибор передает эти показатели на смартфон по Bluetooth. Внутри прибора установлен контроллер Arduino Uno – небольшая плата с процессором и памятью. Я планирую сделать прибор многофункциональным – добавить возможность определять состояние почвы, ее влажность и состав. В прибор можно будет вставить карту памяти, чтобы записывать историю проверок воздуха или почвы.
Экологер будет полезен школьникам, интересующимся защитой природы. Он по размеру чуть меньше стандартного школьного учебника, его легко носить с собой. Это устройство смогут купить все желающие, чтобы самостоятельно проверять, нет ли утечки газа у них дома.

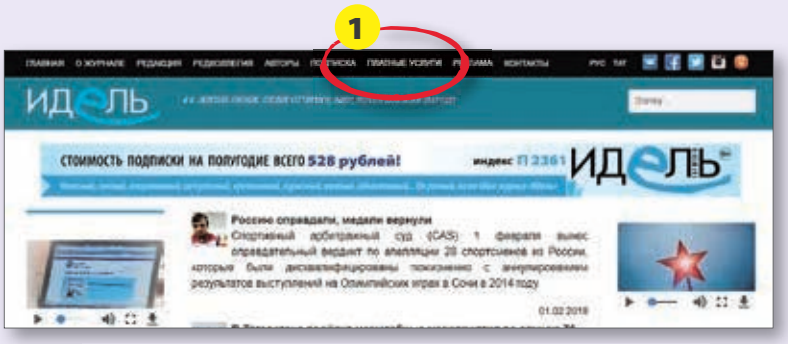
НИКИТА ЗАЙЦЕВ,
ученик 11 класса ИТ-лицея КФУ

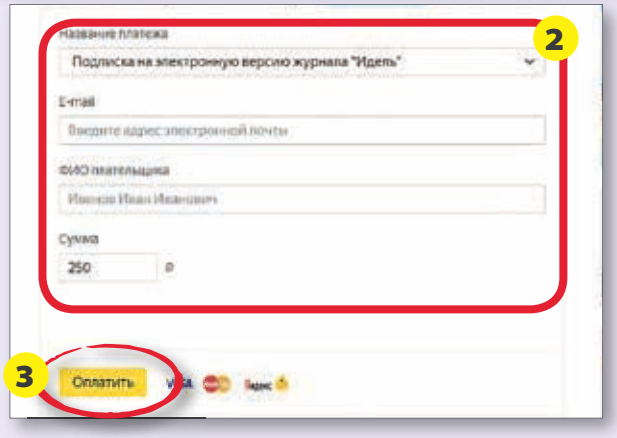
Проект Sugmetr посвящен созданию наручных часов, измеряющих уровень сахара в крови. Я задумался о способах измерения сахара в крови без проникновения в кожу. Это возможно с помощью инфракрасного луча. С командой мы сначала создали устройство в виде прищепки для уха, но им оказалось неудобно пользоваться. Поэтому выбрали для этого часы. Когда мы презентуем проект, многие говорят: «Реализуй его скорее, пожалуйста!» Но изготовление медицинского прибора – очень сложный процесс. К нему предъявляют множество требований.
С проектом Sugmetr мы заняли первое место в республиканском конкурсе инновационных технологий kazanforum.doc. Затем я с этим проектом участвовал в стартап-экспедиции от «Сколково», победил в проекте «50 лучших инновационных идей для Республики Татарстан».

ВСЕ ПОБЕДИТЕЛИ ОЛИМПИАДЫ, ГДЕ ВОПЛОЩАЮТСЯ В ЖИЗНЬ УНИКАЛЬНЫЕ ИНЖЕНЕРНЫЕ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ, СТАНУТ СТУДЕНТАМИ УНИВЕРСИТЕТА ТАЛАНТОВ И ВМЕСТЕ С НАСТАВНИКОМ СОСТАВЯТ СВОЙ ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПЛАН РАЗВИТИЯ, ПРОЙДУТ ОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ ПРОГРАММУ. В ТЕЧЕНИЕ ГОДА СТУДЕНТЫ БУДУТ НА ПРАКТИКЕ РАЗВИВАТЬ УРОВЕНЬ ВЛАДЕНИЯ «ПРОРЫВНЫМИ» КОМПЕТЕНЦИЯМИ. РЕЗУЛЬТАТОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ СТАНЕТ СОДЕЙСТВИЕ МОЛОДОМУ ЧЕЛОВЕКУ В ТРУДОУСТРОЙСТВЕ, СОЗДАНИИ ИМ СВОЕГО ДЕЛА ЛИБО УЧАСТИЕ В ПРОЕКТНОЙ КОМАНДЕ.

А. Пушкин

Поедем, я готов; куда бы вы, друзья,
Куда б ни вздумали, готов за вами я
Повсюду следовать, надменной убегая:
К подножию ль стены далекого Китая,
В кипящий ли Париж, туда ли наконец,
Где Тасса не поёт уже ночной гребец,
Где древних городов под пеплом дремлют мощи,
Где кипарисные благоухают рощи,
Повсюду я готов. Поедем... но, друзья,
Скажите: в странствиях умрёт ли страсть моя?
Забуду ль гордую, мучительную деву,
Или к её ногам, её младому гневу,
Как дань привычную, любовь я принесу?





КАК ПОДПИСАТЬСЯ НА ЭЛЕКТРОННУЮ ВЕРСИЮ ЖУРНАЛА «ИДЕЛЬ»?

Оформив подписку, вы будете получать журнал в формате PDF.

Для этого нужно:

1. Зайти на сайт idel-rus.ru и открыть раздел «ПЛАТНЫЕ УСЛУГИ».
2. Заполнить свои данные.
3. Нажать на кнопку «ОПЛАТИТЬ».
4. Указать реквизиты вашей карты и нажать на кнопку «ОПЛАТИТЬ».
5. Как только ваши деньги придут на наш счет, вы получите файл с журналом «Идель».
6. Скачайте электронную версию журнала на компьютер, планшет или смартфон и наслаждайтесь чтением.

ПРЕИМУЩЕСТВА ПОДПИСКИ НА ЭЛЕКТРОННУЮ ВЕРСИЮ ЖУРНАЛА «ИДЕЛЬ»

ВЫГОДНАЯ ЦЕНА

Подписка на 1-е полугодие 2018 года через почтовый каталог составляет 528.00 руб. (в за пределами Татарстана – еще дороже). Электронная подписка на тот же период – 250.00 руб.

ДОСТУПНОСТЬ И МОБИЛЬНОСТЬ

Номер журнала скачивается в виде файла PDF – универсальном формате, который читается на компьютерах, планшетах, мобильных устройствах. Скачивать загруженные номера можно когда угодно и где угодно.

ОПЕРАТИВНОСТЬ

С момента сдачи номера в печать и его выхода из типографии проходит 7-10 дней. В Системе электронной подписки номер появляется сразу после верстки, т.е. электронный подписчик будет читать «свежий номер» раньше печатной версии.

УДОБСТВО ОПЛАТЫ

Электронную подписку можно оплатить с помощью банковской карты, электронных денег в любое удобное для вас время на интернет-сайте. Для подписки нужно совершить всего 3 клика.

ВЫСОКОЕ КАЧЕСТВО

Типографская бумага не всегда бывает лучшего качества. Электронная версия – яркая и четкая. Ее можно читать без очков, увеличивая масштаб страницы.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ

на нас в социальных сетях!

4612750670103